

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГКОУ ВО
УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ВЕСТНИК

**Уфимского
юридического
института МВД России**

№ 1 (79)

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) Научной электронной библиотеки «eLIBRARY»

Уфа – 2018

12+

Председатель редакционного совета:

Толкачев Константин Борисович – доктор юридических наук, профессор, Председатель Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан (г. Уфа)

Заместитель председателя редакционного совета:

Деев Роман Викторович – Министр внутренних дел по Республике Башкортостан (г. Уфа)

Члены редакционного совета:

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России (по инновационному развитию научной деятельности) (г. Нижний Новгород)

Капустин Анатолий Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Президент Российской ассоциации международного права (РАМП) (г. Москва)

Курдюков Геннадий Иринархович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета, Вице-президент Российской ассоциации международного права (РАМП) (г. Казань)

Морозова Людмила Александровна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва)

Мулукаев Роланд Сергеевич – доктор юридических наук, академик РАЕН, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, Президент Российского историко-правового общества (г. Москва)

Андреев Вячеслав Николаевич – начальник Управления Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Республике Башкортостан (г. Уфа)

Макаренко Илона Анатольевна – директор Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа)

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, начальник Уфимского юридического института МВД России

Заместитель главного редактора:

Нигматуллин Ришат Вахидович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе)

Члены редакционной коллегии:

Даллакян Карлен Ашотович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России

Исхаков Эдуард Робертович – доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников ОВД Уфимского юридического института МВД России

Буканова Роза Гафаровна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России

Нуркаева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России

Сердюк Леонид Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России

Солодилова Наталья Зиновьевна – доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики и сервиса при Уфимском государственном нефтяном техническом университете

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета

Самигуллин Рафис Минниханович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по учебной работе)

Исаев Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России

Султанов Ахсан Харисович – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России

Хисматуллин Оливер Юрьевич – кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России

Яхина Юлия Харисовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Башкортостан
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 02-01459 от 22 сентября 2015 г.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Литературный редактор Д. И. Шабазова. Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: rio_ufali@mvd.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России. Подписано в печать: 20.03.2018.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 15,5. Гарнитура Times. Тираж 65 экз. Заказ № 26. Цена свободная

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ.....7

К 300-ЛЕТИЮ ПОЛИЦИИ РОССИИ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Емелин С. М. (г. Уфа) ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ, ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЮЖНОГО УРАЛА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ (1939 – ИЮНЬ 1941 ГГ.).....7

Хакимов С. Х. (г. Уфа) ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ПОЛИЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ БАШКИРИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ).....19

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Кузнецов А. А. (г. Иркутск) ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ СОТРУДНИКОВ МИЛИЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МИЛИЦЕЙСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 20-Е ГОДЫ ХХ ВЕКА24

Аминов И. Р. (г. Уфа) АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ.....28

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Сулейманова И. Е. (г. Уфа) ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ СТРАН С РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ СИСТЕМОЙ ПРАВА.....35

Каримова Г. Ю. (г. Уфа) ИНСТИТУТ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ.....40

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ

Хайдарзода З. П. (Республика Таджикистан) НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН ПРИ ОТСУТСТВИИ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ.....45

Гусев В. А. (г. Омск) СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КАЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....51

Бронфман Б. Е. (г. Уфа) ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ БАНКРОТСТВОМ.....58

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

Даровских С. М. (г. Челябинск), Даровских О. И. (г. Челябинск) СИСТЕМА МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ.....61

Юнусов С. А. (г. Челябинск), Водопьянова М. В. (г. Челябинск) ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ.....66

Кутуев Э. К. (г. Санкт-Петербург), Чабукиани О. А. (г. Санкт-Петербург) НАПРАВЛЕНИЯ ГУМАНИЗАЦИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ.....70

Исаева Р. М. (г. Уфа) НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ74

ЭКОНОМИКА. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Шуклин М. С. (г. Екатеринбург), Асташкина И. В. (г. Екатеринбург) «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» И АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ.....80

Буньковский Д. В. (г. Иркутск) НАЛОГОВОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ЛЕГАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.....84

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Елфимова Е. В. (г. Екатеринбург) УВОЛЬНЕНИЕ ПО ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ ОСНОВАНИЯМ.....88

Курбанов Д. А. (г. Уфа) К ВОПРОСУ О СУДЕБНЫХ РАСХОДАХ ПО ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ АНГЛИИ.....93

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Хусаинов Р. Р. (г. Уфа) НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОТНОШЕНИИ ЗАЩИЩАЕМЫХ ЛИЦ.....98

Колесников В. А. (г. Уфа) ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.....102

ПРОСВЕЩЕНИЕ. ОБРАЗОВАНИЕ. ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Асянова С. Р. (г. Уфа) СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ИНСТРУМЕНТ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ (НА ПРИМЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ).....107

Султанов А. Х. (г. Уфа) ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН.....113

Кислицын М. Н. (г. Уфа) НАГРУЗКА И ОТДЫХ КАК ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПРОЦЕССА УПРАЖНЕНИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ.....117

ПАМЯТКА.....122

CONTENTS

<u>SCIENTIFIC ARTICLES AND REPORTS</u>	7
<u>TO 300TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN POLICE: PAGES OF HISTORY, ACTIVITIES AND TRAINING OF PERSONNEL OF LAW ENFORCEMENT BODIES OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN</u>	
<i>Emelin S. M. (Ufa)</i> HISTORICAL CONDITIONS, ORGANIZATIONAL-LEGAL FOUNDATIONS AND MAIN ACTIVITIES ORGANS OF THE INTERNAL AFFAIRS OF THE SOUTHERN URALS IN THE PREVIOUS YEARS (1939 – JUNE 1941).....	7
<i>Khakimov S. H. (Ufa)</i> THE MAIN STAGES AND FEATURES OF THE FORMATION OF POLICE IN PREREVOLUTIONARY BASHKIRIA (TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM).....	19
<u>THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW. CONSTITUTIONAL LAW</u>	
<i>Kuznetsov A. A. (Irkutsk)</i> EDUCATIONAL LEVEL OF POLICE OFFICERS AND THE PROBLEM OF VOCATIONAL MILITIA TRAINING IN EASTERN SIBERIA IN THE 20TH YEARS OF THE XX CENTURY.....	24
<i>Aminov I. R. (Ufa)</i> THE ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF LEGAL GULATION OF LOCAL GOVERNMENTS IN RUSSIA.....	28
<u>LAW OF FOREIGN STATES. COMPARATIVE LAW</u>	
<i>Suleimanova I. E. (Ufa)</i> PROTECTION OF INTERESTS OF MINORS IN THE LAW OF SOME COUNTRIES WITH THE ROMAN-GERMAN SYSTEM OF LAW.....	35
<i>Karimova G. Y. (Ufa)</i> THE INSTITUTION OF PARLIAMENTARY CONTROL IN FOREIGN COUNTRIES.....	40
<u>CRIMINAL LAW. CRIMINOLOGY</u>	
<i>Khaydarzoda Z. P. (Republic of Tajikistan)</i> SOME PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN WITHOUT HARMONIZATION OF THE CRIMINAL LEGISLATION ON ANTI TRAFFICKING AGAINST HUMAN BEINGS.....	45
<i>Gusev V. A. (Omsk)</i> CURRENT TRENDS OF QUALITATIVE CHANGES IN ORGANIZED CRIME.....	51
<i>Bronfman B. E. (Ufa)</i> TO THE QUESTION OF THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO MALFUNCTIONS IN BANKRUPTCY.....	58
<u>CRIMINAL PROCEDURE. CRIMINALISTICS</u>	
<i>Darovskikh S. M. (Chelyabinsk), Darovskikh O. I. (Chelyabinsk)</i> THE SYSTEM OF COERCIVE MEASURES IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA.....	61

<i>Yunusov S. A. (Chelyabinsk), Vodopyanova M. V. (Chelyabinsk)</i> CONCEPT AND ESSENCE OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN THE CRIMINAL PROCEDURAL RIGHT.....	66
<i>Kutuev E. K. (Saint-Petersburg), Chabukiani O. A. (Saint-Petersburg)</i> THE DIRECTION OF HUMANIZATION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION.....	70
<i>Isayeva R. M. (Ufa)</i> SEIZURE OF PROPERTY IN CRIMINAL PROCEEDINGS: QUESTIONS OF LEGAL REGULATION.....	74
<u>ECONOMY. TAX LAW</u>	
<i>Shuklin M. S. (Ekaterinburg), Astashkina I. V. (Ekaterinburg)</i> «ECONOMIC SAFETY» AND ACTUAL DIRECTIONS OF ITS SECURITY.....	80
<i>Bunkovsky D. V. (Irkutsk)</i> TAX INCENTIVES OF DEVELOPMENT OF LEGAL BUSINESS.....	84
<u>CIVIL PROCEDURE. SOCIAL SECURITY LAW</u>	
<i>Elfimova E. V. (Ekaterinburg)</i> LEAVING FOR NEGATIVE BASES.....	88
<i>Kurbanov D. A. (Ufa)</i> TO THE QUESTION OF LITIGATION EXPENSES BY THE PROCEDURAL LAW OF ENGLAND.....	93
<u>OPERATIVELY-INVESTIGATIVE ACTIVITY. ACTUAL PROBLEMS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES ACTIVITY</u>	
<i>Khusainov R. R. (Ufa)</i> SOME OF THE PROBLEMATIC ISSUES OF THE OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES IN RESPECT OF PROTECTED PERSON.....	98
<i>Kolesnikov V. A. (Ufa)</i> INFORMATION-ANALYTICAL SUPPORT OF MANAGEMENT PROCESSES IN THE BODIES OF INTERNAL AFFAIRS.....	102
<u>ENLIGHTENMENT. EDUCATION. PEDAGOGY. PSYCHOLOGY</u>	
<i>Asyanova S. R. (Ufa)</i> SOCIAL ADVERTISING AS A TOOL IN THE SPHERE OF COUNTERING EXTREMISM (ON THE EXAMPLE OF PREVENTION OF VIOLATIONS OF RULES OF ROAD TRAFFIC).....	107
<i>Sultanov A. Kh. (Ufa)</i> FROM EXPERIENCE OF THE DEPARTMENT OF HISTORY AND THE THEORY OF STATE AND LAW OF THE UFA LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA ON THE PROBLEMS OF COUNTERING THE FALSIFICATION OF THE CONTENT OF HISTORICAL AND LEGAL DISCIPLINES	113
<i>Kislitsyn M. N. (Ufa)</i> THE LOAD AND REST AS INTERRELATED COMPONENTS OF PROCESS EXERCISES IN THE CLASSROOM FOR PHYSICAL TRAINING IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA	117
<u>INSTRUCTION</u>	122

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

К 300-ЛЕТИЮ ПОЛИЦИИ РОССИИ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

УДК 351.74(470.55/.58)«1939/1941»

С. М. ЕМЕЛИН, заведующий кафедрой регионального права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, профессор Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета, кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа)

S. M. EMELIN, head of the department of regional law of the Eastern economic and legal humanitarian academy, professor of Institute of history and public administration of Bashkir state university, candidate of history doctor of law, professor (Ufa)

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ, ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЮЖНОГО УРАЛА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ (1939 – ИЮНЬ 1941 ГГ.)

HISTORICAL CONDITIONS, ORGANIZATIONAL-LEGAL FOUNDATIONS AND MAIN ACTIVITIES ORGANS OF THE INTERNAL AFFAIRS OF THE SOUTHERN URALS IN THE PREVIOUS YEARS (1939 – JUNE 1941)

Аннотация. Основная часть задач, стоящих перед органами внутренних дел, приходилась на органы милиции, общей и ведомственной. Милиция следила за выполнением установленных правил по организации шествий и демонстраций, надзирала за соблюдением предписаний властей о публичных зрелищах, играх и увеселениях. В конце

статьи автор приходит к выводу, что органы внутренних дел подошли к началу Великой Отечественной войны с обновленной структурой, что позволило, учитывая изменения криминогенной обстановки, сосредоточиться на основных направлениях борьбы с преступностью и охраны общественного порядка, обеспечивать поступательное развитие и совершенствование форм и методов работы, добиваться положительных результатов в оперативно-служебной деятельности по раскрытию и профилактике преступности.

Ключевые слова: исторические условия, органы внутренних дел, предвоенные годы, Южный Урал.

Annotation. *The main part of the tasks facing law-enforcement bodies fell on bodies of militia, General and departmental. Police monitored the implementation of the rules on the organization of marches and demonstrations, oversaw compliance with the requirements of the authorities about public spectacles, games, and amusements. At the end of the article the author comes to the conclusion that the internal Affairs bodies approached the beginning of the great Patriotic war with an updated structure, which allowed, taking into account the changes in the criminogenic situation, to focus on the main directions of combating crime and protecting public order, to ensure the progressive development and improvement of forms and methods of work, to achieve positive results in the operational and service activities for the disclosure and prevention of crime.*

Keywords: *historical conditions, internal affairs bodies, the pre-war years, the South Urals.*

В конце 1930-х годов развитие системы органов внутренних дел шло в контексте развития советского государства. Являясь одной из ведущих структур исполнительной власти, Народный комиссариат внутренних дел СССР имел статус союзно-республиканского ведомства, т. е. охватывал своей деятельностью всю территорию СССР и РСФСР, не имея аналогичного республиканского наркомата, и на местах осуществлял управление посредством своих структурных подразделений – наркоматов внутренних дел союзных и автономных республик, а также краевых и областных управлений.

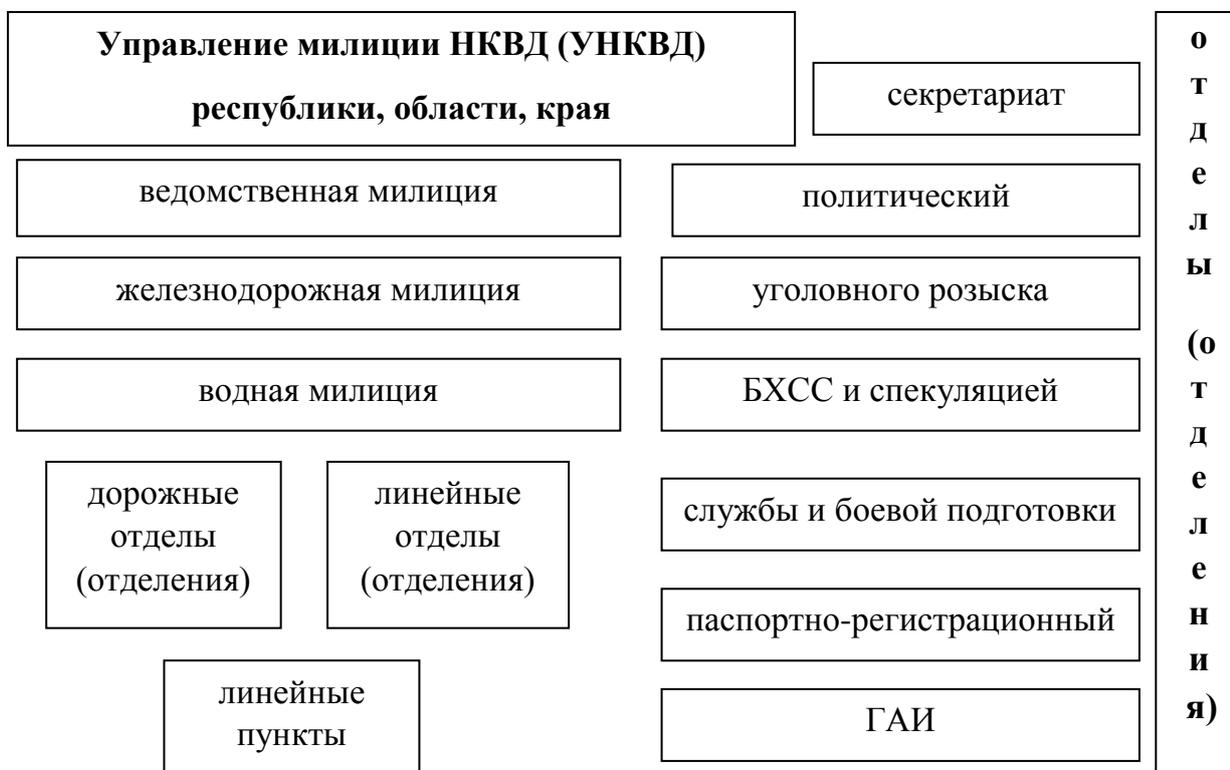
Органы внутренних дел в этот период представляли собой достаточно массовую структуру, в состав кото-

рой входили подразделения милиции, отделы по борьбе с бандитизмом, по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, паспортная служба, включая справочные бюро и отделы ЗАГС.

Милиция занимала особое место в структуре органов внутренних дел. Она составляла основную часть сотрудников, непосредственно реализующих правоохранительные функции по борьбе с преступностью и обеспечению общественного правопорядка, осуществлявших несение наружной службы и постоянно контактирующих с населением. Управление милицией было централизованным и к концу 1930-х годов представлялось в следующем виде.

График 1

Примерная структура управлений милиции НКВД (УНКВД)
республики, области, края в конце 1930-х гг. [сост. по: 1; 2; 3]

Структурные изменения, которые происходили в органах внутренних дел, в том числе и накануне Великой Отечественной войны, свидетельствуют о том, что они были направлены на повышение эффективности работы по основным направлениям.

Приказом НКВД СССР от 13 марта 1940 г. № 00325, изданным на основании материалов проверки работы московской милиции, были определены конкретные мероприятия по коренной перестройке оперативно-служебной деятельности. Структурно подразделения уголовного розыска были перестроены по видам преступлений. Оперативные уполномоченные несли ответственность не за закрепленную территорию обслуживания, а за результаты борьбы с конкретными видами преступлений, главным образом с особо опасными. Это в свою очередь потребовало усиления аналитической работы, более

глубокого изучения характера и динамики преступности, улучшения профилактической деятельности [4, л. 20 – 24].

Другим важным мероприятием по повышению эффективности работы по раскрытию и расследованию преступлений было разделение аппарата уголовного розыска на оперативно-розыскную и следственную части. Причем на Южном Урале ход данной работы шел с опережением. Так, в Челябинском областном отделе уголовного розыска и в его территориальных подразделениях с 1938 года выделялись наиболее квалифицированные сотрудники, которые специализировались только на ведении следствия, что отвечало объективной потребности усиления этого участка работы [5].

Законодательное закрепление данной реструктуризации было осуществлено в 1939 году. Обобщив полученный опыт, НКВД СССР издал приказ

от 27 августа 1939 г., в соответствии с которым в отделах уголовного розыска управлений милиций республик, областей, краев и дорожных отделов милиции путем перераспределения имевшегося штата создавались следственные группы, в которые входили наиболее подготовленные сотрудники под руководством заместителей начальников отделов [6].

Это позволило значительно поднять уровень следственной работы, повысить качество дактилоскопии и фотографии, расширить сферу применения научно-технических методов раскрытия преступлений и, в конечном итоге, обеспечить повышение результативности работы по раскрытию и расследованию преступлений [7; 5].

Начали меняться и методы руководства аппаратом уголовного розыска со стороны Главного управления милиции. Выезды на места работников центрального аппарата с целью обследования и контроля были сокращены до минимума. Основное внимание сосредоточивалось на оказании практической помощи в борьбе с преступностью [2].

Большая работа была проведена уголовным розыском по борьбе с хулиганством, а также с мелкими кражами на производстве. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. была введена уголовная ответственность за хулиганские действия на предприятиях, в учреждениях и общественных местах. Они карались лишением свободы сроком на один год, если по своему характеру не влекли за собой по закону более сурового наказания. Уже само принятие этого закона привело к заметному сокращению числа хулиганских проявлений в городах и селах страны. Только за период с принятия данного акта и до 1 января 1941 года к судебной ответственности привлечено за хулиганство 131 724 чел., за мелкие кражи – 29 020 чел. До этого данный контингент к судебной ответственности не привлекался [8, л. 5].

В дальнейшем специализация органов получила свое развитие. В апреле 1941 г. для борьбы со всеми видами политического и уголовного бандитизма на всей территории страны был образован отдел по борьбе с бандитизмом (ОББ) ГУМ НКВД СССР и отделение по борьбе с бандитизмом управлений милиции НКВД республик, краев и областей. ОББ состоял из пяти отделений, из которых четыре распределялись по территориальным зонам СССР, а пятое являлось следственным и координировало всю следственную работу в данном направлении. Отделения на местах также состояли из оперативного и следственного отделений. 30 сентября 1941 г. в НКВД СССР был создан самостоятельный отдел по борьбе с бандитизмом, который в 1944 г. был реорганизован в управление [9].

Проведенная работа по специализации аппаратов уголовного розыска, улучшению их оперативной осведомленности дала положительные результаты. Было предупреждено более 1 500 преступлений, ликвидировано 613 вооруженных грабежей в 1940 г. сократилось на 3 %, дерзких хулиганств – на 27 % по сравнению с 1939 г. В первом полугодии 1941 г. преступность по всем видам сократилась на 68 %. Раскрываемость преступлений достигла 85,7 %, на 16 % увеличилось число предупрежденных преступлений [9].

В целом накануне войны отмечается значительное улучшение криминальной ситуации: число преступных проявлений по стране сократилось на 52 % с одновременным повышением раскрываемости – с 73 % до 77,1 %. Таким образом, перестройка оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, начавшаяся в конце 1930-х годов, имела двойную направленность – создание действенной профилактической системы и активизация агентурной работы.

Серьезное внимание в предвоенные годы обращалось также на охрану общественного порядка, осуществляемую постовой и патрульной службами. В июле 1940 года в целях совершенствования охраны общественного порядка и работы по обеспечению безопасности граждан принят новый устав постовой службы милиции. В документе был строго определен круг обязанностей, предусмотрены нормы расчета и закрываемости наружных постов, установлен строгий контроль за несением службы постовыми нарядами. Общее количество постов увеличилось до 1 663 смен. Происходит повсеместное усиление постовой службы.

По-новому был поставлен вопрос о роли постового милиционера в борьбе с преступностью, определялись его обязанности при несении службы на железнодорожном и водном транспорте, по регулированию уличного движения. Устанавливался более четкий порядок работы постовых милиционеров, вводился обязательный инструктаж милиционеров перед заступлением на пост. Одновременно принимались меры по совершенствованию службы участковых уполномоченных. Многие участковые уполномоченные показывали примеры самоотверженности и отличного исполнения служебного долга, активно боролись с преступностью, вели большую практическую работу среди населения [2].

Охрана общественного порядка в этот период осуществлялась через:

– сеть наружных постов милиции, охватывающую места, пораженные преступностью, все улицы с интенсивным движением, парки, сады, скверы, зрелищные предприятия, места гуляний и празднеств, железнодорожные станции, вагонные парки, пристани, порты;

– участковых уполномоченных милиции, линейных оперуполномоченных транспортной милиции, обслуживающих конкретные участки железных дорог и водных бассейнов, охватываю-

щих своим наблюдением всю территорию городов, железных дорог и водных бассейнов;

– патрули, высылаемые в ночное время по заранее разработанным маршрутам с обязательным периодическим обходом (объездом) мест, пораженных преступностью, окраин городов, территорий станций, железнодорожных поселков, перегонов железных дорог, пораженных выкидкой грузов из поездов [10, л. 4].

Значительный удельный вес в наружной службе органов внутренних дел к концу 1930-х годов занимала Государственная автомобильная инспекция (ГАИ). Она была создана на базе Центрального управления шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта (ЦУ Дортранс) в июле 1935 г. и включена в марте 1936 г. постановлением СНК СССР в состав Главного управления Рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) НКВД СССР. ГАИ вобрала в себя достаточно широкий спектр функций по обеспечению безопасности дорожного движения и эксплуатации автотранспорта.

В соответствии с утвержденным Положением перед службой ставились задачи по борьбе с авариями на дорогах, разработке технических норм эксплуатации автотранспорта, наблюдению за подготовкой и воспитанием шоферов, учету автомобильного парка. Для их решения на ГАИ возлагались обязанности: учет аварий; анализ и выявление их причин; привлечение лиц, виновных в ДТП, к ответственности; руководство работой квалификационных комиссий по испытанию водителей и назначенных для их подготовки инструкторов; контроль над проведением необходимых мероприятий по содержанию автомобильного парка в технически исправном состоянии; учет автомобилей и мотоциклов по маркам, владельцам и категориям; выдача номерных знаков, технических паспортов и производство периодических технических осмотров

машин; разработка технических норм расходования горючих, смазочных материалов и резины [11].

Новая служба в структуре общей милиции сразу же зарекомендовала себя как эффективный инструмент в борьбе с правонарушениями и наведении порядка на дорогах страны. К примеру, руководство УРКМ ряда мест выставляло за счет действующего состава на важнейших магистралях и пригородных шоссе так называемые «отряды автодорожного надзора», сумевшие переломить «веселое бесстрашие и лихачество» многих водителей. Так, только за апрель-май 1938 г. они выявили в Москве, Ленинграде, Свердловске и ряде других городов около 4,5 тыс. нарушений правил движения, обнаружили 150 водителей без прав на управление, 186 нетрезвых водителей, сделали около 2 тыс. предупреждений. Из 11,6 тыс. проверенных машин почти 2 тыс. оказались неисправными, а около 500 машин – опасными для движения [3].

Улучшалась техническая вооруженность ГАИ, увеличивалось число сотрудников, непосредственно осуществлявших надзор за дорожным движением. Сотрудники ГАИ получили широкие права. В частности, они были вправе беспрепятственно проводить обследование автохозяйств, ремонтных заводов и мастерских, требовать от руководителей предоставления сведений о состоянии автомотопарка, расходовании горюче-смазочных материалов, шоферских кадрах и др., приостанавливать эксплуатацию технически неисправных автомобилей и мотоциклов, ставить перед квалификационной комиссией вопрос о лишении водителей прав управлять транспортными средствами за систематическое грубое нарушение правил движения, налагать на нарушителей установленных норм и правил денежные штрафы [11].

Занималась ГАИ и организацией экзаменационной работы, выдачей водительских удостоверений, контролем

за подготовкой водительских кадров; агитацией и пропагандой правил дорожного (уличного) движения, обеспечивала связь с редакциями центральных газет и журналов, школами и творческими организациями [11]. В дальнейшем данная работа получила свое развитие. Так, приказом НКВД СССР от 13 июля 1939 г. № 400 «С объявлением инструкции об агитационно-массовой работе по безопасности» пропаганда соблюдения правил уличного движения и другие мероприятия профилактического воздействия стали занимать важное место в деятельности службы [11].

В соответствии с приказом НКВД СССР № 463 в 1938 г. в службе автодорожного надзора Госавтоинспекции создавались специализированные дорожные пикеты, которые стали прообразом стационарных постов милиции (СПМ) и контрольно-пропускных пунктов (КПП). Пикеты устанавливались на важнейших пригородных и междугородных автомагистралях, курортных и туристских дорогах. На них проводился надзор за соблюдением правил движения водителями транспорта и борьба с нарушениями общественного порядка на дорогах, проверка технического состояния автомашин прямо на линии. Автоинспекторы дорожных пикетов выезжали на аварии и происшествия в районе обслуживания, наблюдали за состоянием дорог, мостов, железнодорожных переездов и дорожных знаков [11].

Важным шагом в совершенствовании работы по обеспечению безопасности дорожного движения стал циркуляр ГУРКМ НКВД СССР от 20 апреля 1940 г. № 105 «С объявлением типовых правил движения по улицам и дорогам Союза ССР». В соответствии с данным документом на основе типовых правил на местах должны были разрабатываться и утверждаться собственные правила, что способствовало большей унификации многих важных положений, касаю-

щихся безопасности и организации движения.

В предвоенные годы подразделения ГАИ и ОРУДа на местах проделали большую работу по разработке новых правил уличного движения. При этом широко использовались предложения практических работников, специалистов автотранспорта, общественности. Эти правила утверждались местными советами, после чего вступали в силу. Однако они существенно отличались друг от друга, как, впрочем, отличались транспортные схемы городов и условия городского движения в них. В целом же новые правила ориентировались на усиление внимания к обеспечению безопасности автомобильного движения. С 1940 г. в составе ГАИ стала функционировать специальная группа по розыску автомобилей, скрывшихся с места ДТП [11]. Эта мера позволила усилить меры ответственности, применяемые к подобным нарушителям, и повысить защищенность пострадавших в результате ДТП лиц.

Наряду с расширением сферы деятельности и влияния Госавтоинспекции, отдельные направления обеспечения безопасности движения были выведены из сферы ее контроля. Так, еще в конце 1938 г. медицинские лаборатории ГАИ УРКМ, осуществлявшие проверку водительского состава, были ликвидированы. С этого времени процедура медицинского осмотра шоферов и лиц, проходивших испытания в квалифицированных комиссиях ГАИ УРКМ, происходила в медицинских учреждениях органов Наркомздрава [3].

В результате удалось приостановить рост дорожно-транспортных происшествий в стране, а затем и добиться их существенного сокращения. В 1940 г. (по сравнению с 1939 г.) количество ДТП снизилось на 19,3 %, а число пострадавших – на 18 %. Хорошие результаты в профилактике ДТП были достигнуты в Москве и ряде других крупных городов [11].

За общей милицией была закреплена обязанность по надзору за соблюдением административных правил о порядке открытия и производства торговли и промыслов. Организации в этом процессе было мало. Нередко в товарно-проводящей сети отдельные ее цепочки «прибирались» к рукам спекулянтов и расхитителей, а то и профессиональных уголовников. И без того скудные поставки промтоваров для населения расхищались или перераспределялись «по своим», сбрасывались спекулянтам и т. п. В 1930-е годы жители всех российских городов знали, что такое многотысячные очереди, например за мануфактурными товарами, обувью, скобяными изделиями и т. п.

В таких очередях всегда находилось немало граждан, иницирующих провокационные разговоры и действия окружающих против властей. В конце 1930-х гг. в органах милиции был хорошо известен обзорный приказ НКВД СССР о неправомерных действиях одного из милицейских нарядов г. Ростова-на-Дону, разгонявших в ночь с 25 на 26 апреля 1938 г. очередь из 4 тыс. чел. у мануфактурного магазина брансбойдами с холодной водой. В конце мая 1940 г. НКВД СССР объявил «Инструкцию органам РКМ по надзору за применением в торговле правильных и имеющих установленные клейма весов, гирь, литров и метров». Надзор за соблюдением правил торговли и розничных цен осуществляли органы государственной торговой инспекции [3].

В предвоенный период развитие получила железнодорожная милиция, созданная в середине 1937 г., она формировалась по числу дорог в местах расположения их управлений и состояла из отделений уголовного розыска, БХСС и наружной службы. Охватывая довольно широкий спектр правоохранительной деятельности, подразделения железнодорожной милиции к концу 1930-х гг. развернули свою деятельность, возросла численность личного

состава. Если к концу 1937 г. она составляла 11,5 тыс. чел., то к началу 1939 г. – уже 21,5 тыс. сотрудников. К началу войны по стране насчитывалось 234 отделения, 281 оперативный пункт и 949 линейных постов [3].

Предвоенный период отмечен участием органов внутренних дел в содействии с органами народных комиссариатов юстиции, финансов, путей сообщения, земледелия, торговли, труда, образования и другими ведомствами. В большинстве случаев эта деятельность не соответствовала прямому назначению органов и мешала выполнению их основных задач. Так, они привлекались к выселению граждан из занимаемых ими помещений, принадлежавших Наркоматам путей сообщения, обороны, образования, юстиции, угольной промышленности. Такого рода «содействие» не прибавляло авторитета ни властям, ни органам внутренних дел. Сам процесс выселения, как правило, носил затяжной, болезненный характер. Выселяемые граждане все свои невзгоды связывали не с решениями ведомственных чиновников, а с действиями милицейских нарядов. Особенно свирепым было постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 ноября 1932 г., обязывающее местные власти немедленно и «в любое время года без предоставления жилой площади и транспортных средств ...» выселить из домов всех уволенных за прогулы [3].

В предвоенный период в связи с недостатками в учете движения населения, необходимостью упорядочения контроля за регистрацией по месту проживания граждан, а также ограничения перемещения отдельных категорий был принят ряд мер, в том числе на законодательном уровне. 10 сентября 1940 года правительством было утверждено новое Положение о паспортах, которое стало основным нормативным правовым актом на последующие годы [12]. В конце 1940 года Главное управление милиции НКВД СССР разработа-

ло Инструкцию по применению Положения о паспортах и органы милиции на местах приступили к выдаче их населению [10].

В этот период действовало три вида паспортов: бессрочные, которые выдавались лицам, награжденным орденами СССР; гражданам, достигшим 55-летнего возраста; инвалидам 1 и 2-й групп, а также пенсионерам по выслуге лет. Пятилетние паспорта выдавались всем гражданам в возрасте от 16 до 55 лет, временные удостоверения получали граждане, утратившие бессрочные и пятилетние паспорта, а также выезжающие из местностей, где не введена паспортная система. Выдачу паспортов осуществляли паспортные службы территориальных органов внутренних дел [12].

При этом осуществлялась сверка и регистрация отдельных категорий граждан. В частности, на персональный учет взято 160 894 чел., прибывших из-за границы и восстановленных в советском гражданстве (за последующие два года учтено 219 450 чел. данной категории) [10]. Кроме того, в 1940 году была проведена сверка союзного учета, которая осуществлялась Главным управлением милиции в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, в ходе которой выявлено и взято на учет 27 578 чел. данных категорий [10].

Паспортному режиму уделялось большое внимание. Паспорта подлежали строгому учету. Они сдавались гражданами, призванными на срочную военную службу, перешедшими в иностранное подданство, командируемыми для работы за границей, а также после смерти владельца. Была установлена ответственность граждан за наличие и сохранность документа. Запрещалось производить изъятие паспортов в качестве залога либо при приеме на работу. Найденные паспорта подлежали сдаче в органы милиции.

В предвоенные годы обострилась проблема по розыску неплательщиков

алиментов. С конца 1920-х гг. исполкомы, судебные инстанции, органы внутренних дел были буквально завалены подобными материалами. Чтобы хоть как-то ускорить процедуру установки этих лиц, ЦИК и СНК СССР в июне 1936 г. возложили расходы по их розыску за счет алиментщиков – от 100 до 150 руб. в зависимости от вида розыска (местный, общесоюзный).

Однако эта мера мало что изменила в закреплении практики стабильной уплаты алиментов на содержание детей или родителей. В конце октября 1938 г. НКВД СССР принимает, на его взгляд, радикальное решение: проставлять в паспортах алиментщиков в графе «Лица, внесенные в паспорт владельца» специальный штамп с буквой «А», изготовленный ГУРКМ. Одновременно участвовавшие случаи изменения гражданами своих фамилий и имен, которые особенно часто проявлялись в период «великого террора» (1935 – 1938 гг.), стимулировали принятие в конце марта 1940 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР, ограничивающего право граждан производить смену фамилий и имен, а также аналогичной инструкции НКВД СССР.

Под эту категорию попадали и неплательщики алиментов, в отношении которых имелись соответствующие решения судебных органов. Большие объемы и темпы розыска уголовного, контрреволюционного и иного антиобщественного элемента в этот период вытесняли из розыскных заданий алиментщиков. В результате с сентября 1940 г. их розыск в общую систему всесоюзного розыска не включался, а производился органами милиции на местном уровне [3].

Большое внимание государства в предвоенный период уделялось борьбе с детской беспризорностью. Основным проводником государственной политики в этой сфере являлись органы внутренних дел. Комплекс государственных и общественных мероприятий позволил

уже в начале 1930-х годов ликвидировать в нашей стране эту социальную проблему. Новый этап развития системы по предупреждению преступности среди несовершеннолетних начинается с 1935 года.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» и соответствующий приказ НКВД СССР ознаменовали создание в составе органов милиции комнат привоза детей. Кроме того, предусматривалось выделение в аппаратах уголовного розыска отдельных сотрудников, имевших оперативный стаж и опыт работы по борьбе с несовершеннолетней преступностью. Одновременно были упразднены комиссии по делам несовершеннолетних и сокращен объем профилактической работы, проводимой другими ведомствами и учреждениями, кроме милиции. Детские приемники-распределители были отнесены к компетенции Наркомата внутренних дел. Шло ужесточение уголовно-процессуального законодательства по отношению к детям и подросткам, совершившим уголовные преступления. В соответствии с Законом о мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних было отменено смягчение наказания подросткам. Несовершеннолетние, уличенные в совершении краж, насилия, убийств, уже с 12-летнего возраста привлекаются к уголовному суду с применением всех мер наказания. Перед войной этот перечень был расширен: подкладка на железнодорожные рельсы различных предметов, развинчивание рельсов и ряд других деяний. О динамике уголовного преследования несовершеннолетних говорит тот факт, что если в 1937 году было осуждено 13 800 подростков, то в 1941 году – 23 400 [13].

И, наконец, существенная нагрузка по реализации правоохранительных мероприятий в предвоенные годы была возложена на так называемую ведомственную милицию. Созданная постановлением СНК РСФСР от 6 февраля

1924 г., она осуществляла охрану государственных предприятий и учреждений, обеспечение общественного порядка и производство дознания.

Ведомственная милиция подразделялась на горно-приисковую, промышленную, фабрично-заводскую, горно-промышленную и др. Ее подразделения создавались на договорных началах и содержались за счет средств обслуживаемых объектов. В договорах определялся размер отпускаемых средств и необходимые штаты. Руководство ведомственной милицией было централизованной, ее подразделения подчинялись профильному отделу в составе союзного главка и соответствующим отделениям на местах. Ее деятельность была направлена на обеспечение охраны различных объектов. Успешные результаты служили стимулом для развития службы, увеличения численности личного состава, что являлось отражением повышения заинтересованности руководства предприятий и учреждений в их надежной охране. Достаточно сказать, что уже к концу 1920-х гг. государственная и ведомственная милиция почти сравнялась и составляла соответственно 37,8 и 37,6 тыс. чел. [14; 3].

В дальнейшем направления деятельности ведомственной милиции расширяются. Во второй половине 1920-х гг. организуется ведомственный розыск для обслуживания государственных торговых и промышленных предприятий. Эти задачи выполнялись закрепленными за предприятиями сотрудниками, которые часто осуществляли инспекторско-ревизорские функции.

В 1930-е гг. в городах стали создаваться дивизионы и батальоны взводного состава. В работу внедрялись технические средства, использовались караульные собаки. Вторая половина 1930-х гг. характеризуется ростом хищений, краж и растрат с охраняемых объектов, а также аналогичных преступлений в совхозах и МТС. Участились

случаи вооруженных нападений на сотрудников, сопровождающих кассиров или перевозивших ценный груз.

В предвоенные годы ведомственная милиция охраняла более тысячи различных объектов. Только в 1940 г. постовые милиционеры задержали около 1,5 тыс. чел., попытавшихся проникнуть на охраняемые участки, более 3,3 тыс. чел. – с поддельными пропусками, свыше 800 чел. – за кражи и попытки их совершить. Всего за год было произведено более 9 тыс. задержаний.

Таким образом, основная часть задач, стоящих перед органами внутренних дел, приходилась на органы милиции, общей и ведомственной. Милиция следила за выполнением установленных правил по организации шествий и демонстраций, надзирала за соблюдением предписаний властей о публичных зрелищах, играх и увеселениях. Кроме того, подразделения общей милиции наблюдали за поддержанием правил об обществах, не преследующих цели извлечения прибыли, а также о собраниях верующих.

В предвоенный период они выдавали гражданам удостоверения личности и паспорта, разыскивали по заявлениям заинтересованных лиц и органов пропавших граждан, принимали на хранение найденные вещи, документы и другие ценности. Кроме этого, они принимали пригульный скот и вели розыск его владельцев и др. Надзирая за соблюдением домоуправлениями и гражданами правил о прописке и выписке, ведя учеты населения, повседневно общаясь с городскими и сельскими жителями, сотрудники неплохо ориентировались в оперативной обстановке на закрепленных территориях. И все же основные усилия сосредотачивались на мероприятиях по борьбе с уголовной преступностью.

Огромный поток заявительного материала от потерпевших, часто устного характера, свидетельствовал, что в городах и населенных пунктах действо-

вали устойчивые группы преступников, профессионалы-гастролеры, хулиганы, содержатели притонов, конокрады, подпольные производители спиртных напитков, перекупщики краденого и др. Органы милиции предупреждали и пресекали преступления, обнаруживали и расследовали совершенные правонарушения, разыскивали лиц, скрывающихся от расследования, суда и исполнения приговора. Они же разыскивали похищенное имущество, устанавливали каналы преступной деятельности преступников-одиночек и организованных групп. Кроме того, они приводили в исполнение приговоры судов о ссылке и высылке, вели учет высланных и сосланных, осуществляли специальный надзор за ними [3].

К концу 1930-х гг. управление органами и подразделениями НКВД СССР и контроль за их деятельностью на местах в полной мере осуществляли партийные органы. Механизмом контроля являлись заслушивания вышестоящих партийных инстанций с принятием необходимых организационных мер. Так, 9 января 1939 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором обсуждался вопрос «О работе Башкирского обкома ВКП(б)» (протокол № 67, вопрос 32).

В принятом постановлении работа Башкирского обкома партии признана неудовлетворительной, в том числе серьезные нарекания вызвала работа обкома по контролю над деятельностью регионального НКВД: «Зная о неудовлетворительной работе НКВД Башкирской республики, о засоренности органов НКВД явно сомнительными элементами, т. Заликин (первый секретарь Башкирского обкома ВКП(б)) не только не принял никаких мер для проверки и устранения недостатков в работе НКВД и очищения его аппарата от сомнительных людей, что являлось прямой обязанностью обкома ВКП(б), но скрывал от обкома имеющиеся сигналы и факты и тем самым покрывал крупные недостатки и безобразия в

органах НКВД. В результате слабого руководства Башкирского обкома ВКП(б) промышленностью, крупнейшие предприятия (Уфимский моторный завод, Белорецкие заводы, предприятия треста «Башзолото» и др.) не выполняют свою производственную программу...» [16, л. 12 – 13; 22].

Таким образом, вопросы партийного руководства деятельностью органов внутренних дел напрямую увязывались с состоянием работы промышленности и выполнения производственных планов, что в конце 1930-х – начале 1940-х гг. имело для страны особое значение.

В то же время, находясь в составе НКВД, органы внутренних дел были вынуждены выполнять карательные функции. Впрочем, маховик массовых репрессий не пощадил и сотрудников органов внутренних дел. Немало их достойных представителей пострадало во время массового террора, что характерно для всей правоохранительной системы, включая Южный Урал [7].

К концу 1930-х гг. результаты проведенных в стране репрессий начали сказываться не только на состоянии кадрового обеспечения (кадровый голод уже проявился на всех уровнях органов власти и управления, промышленности и хозяйстве в целом), но и на темпах развития страны. И кадровые перестановки в партийном аппарате в начале 1939 г. в определенной мере были связаны с попыткой И. В. Сталина возложить ответственность за имевшиеся упущения, а также репрессии на местных партийных работников. Среди обвинений, предъявленных снятым в январе 1939 г. с работы первым секретарям партийных организаций Дагестана, Иркутской области, Алтайского края, звучали утверждения о «слепом доверии», «нереагировании на сигналы о вражеской работе», «неразоблачении преступной деятельности руководителей органов НКВД на местах» [16; 17].

Итак, деятельность и развитие органов внутренних дел накануне войны

шли в исключительно сложных условиях. Структурные и функциональные изменения, которые были осуществлены в 1930-е годы, позволили сформировать мобильные и работоспособные подразделения, последовательно осуществлять работу по расширению сферы деятельности органов внутренних дел, повышению их эффективности.

Органы внутренних дел подошли к началу Великой Отечественной войны

с обновленной структурой, что позволило, учитывая изменения криминогенной обстановки, сосредоточиться на основных направлениях борьбы с преступностью и охраны общественного порядка, обеспечивать поступательное развитие и совершенствование форм и методов работы, добиваться положительных результатов в оперативно-служебной деятельности по раскрытию и профилактике преступности.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. Справочник. 1917 – 1991. М., 2003 (Россия. XX век. Документы).
2. Советская милиция: история и современность (1917 – 1987). М., 1987.
3. Министерство внутренних дел России: 1802 – 2002: исторический очерк. СПб., 2002.
4. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 87.
5. Милиция Челябинской области: страницы истории. Челябинск, 2002.
6. История органов внутренних дел / под ред. Р. С. Мулукаева. М.: АУ МВД России, 2004.
7. Уголовный розыск Южного Урала: Годы. События. Люди, 1918 – 2003 / авт.-сост. Д. В. Смирнов. Челябинск, 2003.
8. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 205.
9. История органов внутренних дел: учебник / под ред. Е. В. Никитина. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2015.
10. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 12а.
11. Золотая книга Госавтоинспекции. В 3-х т. Т. 1. М., 2006.
12. Сборник законов СССР. 1940. № 24. Ст. 591.
13. И за детство бой ведем: сборник статей, очерков об опыте работы с трудными подростками: сборник статей, очерков об опыте работы с трудными подростками, патриотическом воспитании детей и молодежи. М.: МВД России, 2006.
14. Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк / подгот.: В. Ф. Некрасов и др. М.: МВД России, 1996.
15. История советской милиции. Т. 1 / под ред. Н. А. Щелкова. М., изд. Академии МВД СССР, 1977.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1005.
17. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 // Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2006.

© Емелин С. М.

УДК 351.74(470.57)«171/191»

С. Х. ХАКИМОВ, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент (г. Уфа)

S. Kh. KHAKIMOV, associate professor of department of history and theory of state and law of Ufa law institute of the Ministry of internal affairs of Russia, candidate of history, associate professor (Ufa)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ПОЛИЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ БАШКИРИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

THE MAIN STAGES AND FEATURES OF THE FORMATION OF POLICE IN PREREVOLUTIONARY BASHKIRIA (TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM)

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные этапы, особенности формирования органов полиции в дореволюционной Башкирии. Проанализирована степень изученности проблемы. Обращается внимание на необходимость исследования таких вопросов, как динамика численности классовых чинов полиции, их материально-бытовых условий.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, полиция, Уфимская губерния, воеводы, полицмейстеры, земские исправники.

Annotation. The article examines the main stages and peculiarities of the formation of police in prerevolutionary Bashkiria. It analyzes the degree of study of the problem. Attention is paid to the need to study such issues as the dynamics of the number of class police ranks, their material and living conditions.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, police, Ufa province, voivodes, chiefs of city police, district police officers.

В современный период Россия переживает сложный процесс преобразования всех сфер государственного управления. На этом фоне деятельность органов внутренних дел, призванных обеспечивать безопасное существование как своих граждан, так и общества, приобретает особую значимость.

Опыт деятельности МВД России содержит немало положительных моментов, которые при всестороннем анализе и разумной коррекции в соответствии с современными требованиями могут быть полезными в организации дея-

тельности органов внутренних дел и на современном этапе. К сожалению, в нашей истории уже были примеры отрицания и пренебрежения к тому, что было создано предшественниками. Так, созданная в годы революции новая милиция вынуждена была идти долгим путем проб и ошибок, чтобы в конечном итоге выработать институты, средства и методы борьбы с преступностью, которые уже были известны полиции и доказали свою эффективность на практике.

Предметом пристального интереса исследователей являются не только

центральные, но и провинциальные полицейские учреждения. Это связано с задачами более основательного и всестороннего анализа опыта взаимодействия правоохранительных органов страны в целом и ее отдельных регионов, в том числе Башкирии, представляющей один из крупных и многонациональных окраин в составе Оренбургской, а с 1865 по 1917 гг. Уфимской губернии Российской империи [1, с. 12].

Устройство полиции Российской империи никогда не было единообразным. Царское правительство учитывало специфику окраин, в результате чего становление полицейских органов обладало рядом особенностей. В частности, в Башкирии формирование полицейских учреждений происходило на двух уровнях: 1) в рамках традиционной административно-территориальной системы (губерния – провинция – уезд); 2) внутри губернии, в условиях введенной в 1798 г. кантонной системы управления (губерния – уезд – кантон-юрта), когда башкиры и мишари были включены в отдельные административные единицы под руководством кантонных начальников и юртовых старшин, а созданное на их базе Башкирско-Мещеряцкое войско привлекалось к службе по обеспечению внутренней и внешней безопасности юго-восточных окраин империи, что непосредственно влияло на специфику деятельности и полицейских органов.

Относительно периодизации формирования и деятельности дореволюционной полиции края необходимо подчеркнуть, что она совпадает с общероссийской, которая достаточно разработана и охватывает период с первой четверти XVIII в. (реформами Петра I) и завершается ликвидацией Департамента полиции МВД в результате событий февраля – октября 1917 г.

С учетом региональных особенностей можно выделить три этапа:

1. 1718 – 1801 гг. Становление регулярной полиции, начатое указами Петра I от 25 мая и 7 июня 1718 г. о

создании Санкт-Петербургской полицмейстерской конторы и утверждением должности генерал-полицмейстера, завершающееся образованием МВД. В 1719 г. оформляется самостоятельная Уфимская провинция во главе с воеводами, выполнявшими и полицейские функции. С 1744 г. Башкирия вошла в состав Оренбургской губернии. 10 апреля 1798 г. башкиры и мишари переведены в военно-казачье сословие с образованием 11 башкирских и 5 мещеряцких кантонов.

2. 1802 – 1860 гг. С образованием Министерства внутренних дел происходит оформление полицейского законодательства в России, выстраиваются ее структурные формы как в центре, так и на местах. В Башкирии под руководством Оренбургского военного и гражданского губернаторов формировались уездные и городские органы полиции в лице земских исправников, городничих и полицмейстеров.

3. Вторая половина XIX – начало XX в. Связана с реализацией полицейской реформы 1862 г., в результате которой произошли качественные изменения в организации и деятельности полицейских учреждений. В 1865 г. произошло образование Уфимской губернии, выделившейся из Оренбургской. Формируются самостоятельные уездные полицейские управления во главе с уездными исправниками и становыми приставами, институт городничих ликвидируется, укрепляется городское полицейское управление во главе с полицмейстером, открывается первое в крае учебное заведение по подготовке урядников полицейской стражи.

Изучение истории органов внутренних дел началось еще в дореволюционной России. Представители либеральной мысли, среди которых преобладали юристы, стремились объяснить кризисное состояние современных им полицейских учреждений [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. Ими анализировались правовые акты, регламентирующие деятельность

органов полиции в городах и уездах, а также разъяснялись права и обязанности полицейских служащих в области производства дознания и т. д. Так, Е. П. Карнович систематизировал функции провинциальной полиции и показал связь губернаторской власти с административной деятельностью полиции [9; 10]. А. Д. Градовский акцентировал внимание прежде всего на недостатках в организации полиции. Оценки ее деятельности звучали весьма категорично: «Вырождение местной полиции в течение XIX столетия является фактом несомненным, так заявления русской литературы, так, наконец, официальными актами...» [11, с. 317]. Другие исследования, написанные преимущественно чиновниками аппарата МВД, рассматривали основные этапы становления и развития полицейских учреждений в России в период правления того или иного монарха [12; 13; 14; 15; 16].

В дореволюционных работах исследователи акцентировали внимание на проблемах подготовки полицейских кадров, особенно рядового состава. Об этом говорили известные ученые, государственные деятели. Один из крупнейших ученых-экономистов своего времени академик В. П. Безобразов еще в 1865 г. писал: «У нас составилось издавна удивительное понятие, что для низшей полицейской службы всякий годен, что для этого дела даже нет негодного человека. У нас, как-то по преданию, состав полицейских команд обыкновенно пополнялся всяким военным сбродом, тогда как, наоборот, для этой службы следовало бы брать только лучших и отборных людей» [17, с. 137].

В советское время данная тема вплоть до начала 60-х годов XX века оставалась малоизученной. Это обуславливалось тем, что практически во всей советской историографии полиция, как и равно все государственные институты самодержавной России, рассматривалась с крайне негативной стороны, с акцентом на ее «классовый, антинародный харак-

тер» и «реакционную сущность», в рамках установленных идеологических догм, что в конечном счете выразилось в утрате объективности и истины.

Только с середины 60-х годов XX в. в период «хрущевской оттепели» начинается поворот к изучению проблемы. Определенное внимание исследованию места и роли МВД в системе государственных учреждений России XIX в. уделено в трудах Н. П. Ерошкина и П. А. Зайнчковского.

Начало системному подходу к изучению истории органов полиции дореволюционной России было положено в трудах Р. С. Мулукаева, которому впервые в условиях официальной идеологии удалось создать стройную концепцию формирования и деятельности полицейских органов дореволюционной России, выделить этапы ее становления, структуру и основные направления деятельности [18]. Новизна идеи ученого заключалась в том, что он рассматривал полицию как карательно-репрессивный орган, выполняющий множество других управленческих функций.

Работа по подготовке научных исследований по рассматриваемой проблеме активизировалась в период подготовки празднования 200-летнего юбилея МВД России. В приказе МВД России № 53 от 18 января 2001 г. «О подготовке к 200-летию юбилею МВД России» обращалось особое внимание на общественно-политическую и историческую значимость этого события, на преемственность связи поколений сотрудников правоохранительных органов Российского государства [19].

В последнее десятилетие XXI в. были опубликованы обобщающие работы, касающиеся истории органов отечественной полиции, деятельности уголовного сыска. Появился ряд специальных исследований, ориентированных на изучение региональных аспектов работы полиции. Национальную политику и участие в ее осуществлении полицей-

ских органов на окраинах империи исследовала А. Д. Тимошевская.

Особенности формирования и деятельности полиции на примерах губерний Центральной России, Поволжья, Урала рассмотрены в диссертационных исследованиях и монографиях Р. И. Байгутлина, С. А. Гомоновой, А. В. Кокшарова, О. В. Лазаревой, А. С. Масалимова, Ю. Б. Сысуева, С. Л. Трушкова. Ценные материалы о взаимодействии оренбургских военных и гражданских губернаторов (с 1865 г. – уфимских), а также органов городского самоуправления и местной полиции содержатся в исследованиях И. М. Гвоздиковой, Н. Л. Семёновой, Р. И. Кантимировой, Г. Э. Емалетдиновой, У. А. Гибадатов, В. Г. Семёнова и В. П. Семёновой, О. А. Поляниной.

Отдельно следует остановиться на работах известного башкирского историка А. З. Асфандиярова, который внес серьезный вклад в изучение истории кантонного управления и впервые исследовал вопрос о Башкирских казачьих командах, привлекаемых для охраны общественного порядка в городах и уездах, конвоирования осужденных, а также розыска и задержания уголовных преступников. Данная проблематика также получила освещение в монографических исследованиях А. Ф. Тагировой, Р. Н. Рахимова.

Научное изучение органов полицейских учреждений дореволюционной Башкирии начинается преподавателями ряда кафедр Уфимского юридического института МВД России с 1988 г. [20]. Появляются первые работы, посвященные различным аспектам правоохранительных органов России и подготовке полицейских кадров при Уфимской школе урядников полицейской стражи.

Определенной вехой в изучении проблемы стало проведение 25 – 26 апреля 2002 года в Уфимском юридическом институте МВД России Всероссийской научно-практической конференции «Министерство внутренних дел России за

200 лет: история, теория, практика», где нашли отражение и этапы становления органов полиции дореволюционной Башкирии и страны в целом [21, с. 43].

В начале XXI в. тематика исследований продолжала расширяться, были опубликованы обобщающие работы, касающиеся истории органов отечественной полиции, деятельности уголовного сыска [22, с. 3 – 10]. В них на основе широкого привлечения архивных источников, многие из которых впервые вводились в научный оборот, показана роль органов полиции в системе губернского управления пореформенной России. На примере Уфимской губернии рассмотрены численность и состав органов городской и сельской полиции, анализированы формулярные списки полицмейстеров, исправников, частных и станových приставов [23; 24; 25; 26].

Различные аспекты истории полиции Южного Урала, в том числе и Башкирии, освещаются в работах Р. И. Байгутлина и Е. П. Сичинского. В монографии последнего имеются интересные факты и о деятельности уездных и городских органов полиции Уфимской губернии второй половины XIX века. Отдельные вопросы истории правоохранительных органов, в том числе и полиции пореформенной Башкирии, нашли отражение в трудах Ф. Б. Мухаметшина и А. Х. Султанова, С. В. Мотина и К. Р. Мурсалимова, Е. А. Барановой и С. Х. Хакимова, Р. З. Амирова, И. А. Асеева, Н. Ф. Байковой, А. С. Масалимова, А. Ф. Мухаметшина, Р. В. Нигматуллина.

Обобщенные материалы по формированию правоохранительных органов Башкирии, в том числе и полиции, пеницитарных учреждений получили апробацию в фундаментальном исследовании «История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX в.». Началась публикация документов по теме. В них широко представлены формы и методы работы органов полиции и жандармерии Уфимской губернии в борьбе против тер-

роризма и экстремизма в период революционных событий 1905 – 1907 гг., приказы и донесения полицмейстеров и исправников по оперативно-служебным вопросам, формулярные списки сотрудников конца XIX – начала XX в. В последующем указанные сборники документов с дополнениями были переизданы [27].

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на достижения в изучении проблемы, все еще остается неразработанным вопрос организационно-правового оформления органов полиции в Уфимской провинции, учрежденной еще в 1715 г., а также и последующие периоды, вплоть до принятия губернской реформы 1775 г. Что касается XIX – на-

чала XX в., то здесь вне поля зрения исследователей остаются вопросы выявления динамики общей численности рядовых и классных чинов полиции края по городам и уездам, их возрастного, национального состава. Требуют дальнейшего изучения материально-бытовые условия службы сотрудников. Назрела потребность в написании обобщенных трудов по истории полицейских учреждений Башкирии дореволюционного периода, их взаимодействия с судебными, пенитенциарными, жандармскими подразделениями, а также использование иррегулярных частей Башкирского войска по охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Асфандияров А. З. Башкирия после вхождения в состав России: вторая половина XVI – первая половина XIX в. Уфа, 2006.
2. Андреевский И. Е. Полицейское право. СПб., 1876.
3. Андреевский И. Е. Реформа исполнительной полиции России. СПб., 1878.
4. Тарасов И. Т. Полицейский арест. СПб., 1879.
5. Тарасов И. Т. История русской полиции и отношение ее к юстиции // Юридический вестник. 1884. № 2.
6. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Т. III. СПб., 1883.
7. Дерюжинский В. Ф. Полицейское право: пособие для студентов. СПб., 1908.
8. Коркунов Н. М. Русское государственное право: в 2 т. СПб., 1893.
9. Карнович Е. П. Очерки наших порядков административных, судебных и общественных. СПб., 1913.
10. Градовский А. Д. История местного управления в России // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. СПб., 1899.
11. Градовский А. Д. Собр. соч.: т. 9. Начало русского государственного права. СПб., 1904.
12. Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872.
13. Фукс В. Суд и полиция. Ч. I – II. СПб., 1883.
14. Высоцкий И. П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703 – 1903): краткий исторический очерк. СПб., 1903.
15. Лопухин А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907.
16. Белецкий С. П., Рудкевич Л. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913.
17. Безобразов В. П. Избранные труды. М., 2001.
18. Мулукаев Р. С. Система органов внутренних дел дореволюционной России. М., 1978.
19. Приказ МВД России № 53 от 18 января 2000 г. «О подготовке к 200-летию юбилею МВД России».
20. Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798 – 1865 гг.). Уфа, 2005.
21. Уфимский юридический институт МВД России: 45 лет / под ред. Ф. Б. Мухаметшина. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2016.

22. Толкачев К. Б. 200 лет на службе народу и защите правопорядка // Министерство внутренних дел России за 200 лет: история, теория, практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции: г. Уфа, 25 – 26 апреля 2002 года.

23. Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Три века российской полиции: Служение обществу – защита Отечеству. М., 2016.

24. Дунаева А. Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федеорович Джунковский. М., 2012.

25. Матиенко Т. Л. Российский сыск в IX – первой половине XIX века. Генезис и становление. М., 2010.

26. Шаламов А. Ю. Российский «фараон»: Сыскальная полиция Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. М., 2013.

27. Хакимов С. Х. Полиция в системе органов губернского управления пореформенной России (1862 – 1914 гг.): учебное пособие. Уфа, 2003.

© Хакимов С. Х.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 351.74: 94(571.53)

А. А. КУЗНЕЦОВ, профессор кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат исторических наук, доцент (г. Иркутск)

A. A. KUZNETSOV, professor of department of philosophy, psychology and social and humanitarian disciplines of the East Siberian institute of the Ministry of internal affairs of Russia, candidate of history, associate professor (Irkutsk)

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ СОТРУДНИКОВ МИЛИЦИИ
И ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МИЛИЦЕЙСКОЙ ПОДГОТОВКИ
В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА**

**EDUCATIONAL LEVEL OF POLICE OFFICERS AND THE PROBLEM OF
VOCATIONAL MILITIA TRAINING IN EASTERN SIBERIA
IN THE 20TH YEARS OF THE XX CENTURY**

Аннотация. В статье рассматриваются образовательный уровень сотрудников милиции и проблемы профессионального милицейского образования в Восточной Сибири в 20-х гг. XX в. Анализируются трудности и специфика подготовки милицеевских кадров в Восточной Сибири. Делается вывод, что ряд ограничений и особенностей в Иркутской губернии не позволяли в полной мере организовать качественную подготовку личного состава милиции.

Ключевые слова: советская милиция, рабоче-крестьянская милиция, история милиции, профессиональное образование, история профессионального образования,

Восточная Сибирь, Иркутск, Иркутская губерния, преступность, бандитизм, школа младшего комсостава милиции, подготовка кадров.

Annotation. *In article the educational level of police officers and a problem of professional militia education in Eastern Siberia in the 20th of the 20th century are considered. Problems and specifics of preparation of militia shots in Eastern Siberia are analyzed. The conclusion is drawn that a number of restrictions and features in the Irkutsk province didn't allow to organize high-quality training of staff of militia fully.*

Keywords: *soviet militia, workers' and peasants' militia, history of militia, professional education, history of professional education, Eastern Siberia, Irkutsk, Irkutsk province, crime, gangsterism, school of a younger komsostav of militia, training.*

Эффективность профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов напрямую связана с уровнем их профессиональной подготовки. Поэтому проблема подготовки кадров всегда была одной из ключевых в правоохранительной деятельности. В послереволюционное время в условиях гражданской войны на проблему профессиональной подготовки сотрудников молодой советской рабоче-крестьянской милиции обращалось мало внимания. На первое место в тот период выдвигались классовое происхождение и боевые качества милиционера. Такой подход приводил к тому, что в милицию попадали люди, преданные советской власти, но не подготовленные профессионально.

В Восточной Сибири эта ситуация осложнялась и тем, что гражданская война на ее территории продолжалась гораздо дольше, чем в европейской части России, а остатки белогвардейских отрядов, со временем выродившиеся в банды, терроризировали местное население до конца двадцатых годов XX века. Согласно данным на 1 января 1925 года, которые приведены в «Акте о состоянии Иркутского ГАО на 15 января 1925 г.», численность городского аппарата милиции определялась в 179 чел., «... из которых на строевой состав приходилось 147 человек и на административно-хозяйственный состав – 32 человека, по партийному признаку состав городской милиции распределяется в следующих цифрах: членов РКП(б) и кандидатов – 43 чел., чле-

нов РЛКСМ – 23 чел. и беспартийных – 113 чел., по классовому признаку: рабочих – 41 чел., крестьян – 100 чел., остальных – 38 чел.». Таким образом, 78,8 % милиционеров составляли выходцы из рабочих и крестьян [1, с. 67].

В результате классового подхода к формированию милиции и отказа от сотрудничества со специалистами дореволюционной полиции был низкий профессиональный уровень сотрудников. Возникла проблема элементарной грамотности милиционеров. Как отмечалось в отчете Административного отдела Иркутского губернского исполкома на 1 апреля 1925 года в губернской милиции имеют высшее образование – 4 человека, среднее – 73 человека, низшее образование и малограмотных – 525 человек, неграмотных милиционеров – 9 человек. Таким образом, 87,4 % сотрудников милиции Иркутской губернии были малограмотными [1, с. 70].

Сложившаяся ситуация привела к тому, что милиция в Сибири не только не выполняла в полном объеме свои функции, но и не пользовалась авторитетом как у населения, так и у местной администрации. Показательным в этом отношении является уникальный документ, сохранившийся в Государственном архиве новейшей истории Иркутской области. В приказе № 51 по милиции Сибири от 16 сентября 1921 года, который был подписан в городе Ново-николаевске (ныне Новосибирск) заместителем председателя Сибирского революционного комитета (Сибревком)

Чуцкаевым, уполномоченным ВЧК Павлунсовским и начальником милиции Сибири Кондарушкиным, характеризуется состояние сибирской милиции на тот момент. Также констатируется факт, что милиция своих функций не выполняет и ее обязанности возложены в городах на ВЧК, а в губерниях – на заградотряды и продотряды.

Приказ констатирует, что милиция «... находится на низкой ступени, как в смысле своего авторитета перед населением, так и в смысле ее личного состава». Более того, отмечается, что часто работать в милицию идут люди, нежелающие проходить военную службу, а иногда и граждане с темным прошлым, даже бывшие бандиты. Естественно, такие личности, став милиционерами, принесли с собой на работу преступные наклонности.

«Распушенность сибирской милиции, даже проявления бандитизма, говорят о недисциплинированности, неизжитой наклонности к партизанщине, что недопустимо в систематическом мирном строительстве, к которому приступает советская власть... Необходима основательная чистка милиции Сибири от всех элементов кои роняют и подрывают ее авторитет в глазах населения...» [2]. Также констатируется факт низкой образованности милиционеров, отсутствие не просто специализированных, а элементарно приличных помещений для работы, слабое материально-техническое обеспечение. «Милиция должна быть поставлена в лучшие жилищные условия, должна быть одета, обута и накормлена» [2]. На наш взгляд, этот приказ хорошо иллюстрирует состояние, в котором находилась сибирская милиция в начале 20-х годов XX века.

Только к середине 20-х годов XX века в Сибири и Восточной Сибири начали складываться относительно благоприятные условия для систематической профессиональной учебы. После окончания гражданской войны и налаживания мирной жизни необходимо

было не только противодействовать преступности, но и осуществлять профилактическую работу. А для этого требовались серьезная профессиональная подготовка, знание законодательной базы и юридических норм. На первое место в этих условиях выдвигались задачи ликвидации неграмотности, юридическая, политическая, военная и строевая подготовка.

До середины 1920-х годов профессиональное милицейское обучение в регионах практически отсутствовало либо носило несистематизированный и случайный характер. И только к 1925 году в стране начали открываться губернские школы среднего начсостава и младшего начсостава милиции. Школы младшего начсостава открывались при административных отделах губернских исполкомов, в подчинении которых находилась местная милиция. Также создавались кратковременные курсы для первоначальной подготовки вновь принятых на работу в милицию.

В Восточной Сибири в это время происходили те же процессы, что и во всей стране. В 1923 году в Иркутске была создана школа резерва для милиционеров, принятых на службу. Работала школа на непостоянной основе по мере необходимости. Преподавателей набирали временно из гражданских учебных заведений. На постоянной основе в школе работали два человека – начальник школы и комиссар. Нами обнаружены документы, свидетельствующие о работе школы в 1923 и 1924 годах. За два выпуска школу закончили 47 курсантов: 44 – в 1923 году и всего 3 человека – в 1924 году [3]. Сведений о дальнейшей работе этой школы нами обнаружено не было.

28 марта 1925 года приказом начальника губернской милиции и губернского административного отдела (ГАО) Д. В. Шлёнова в Иркутске была создана Губернская школа младшего командного состава милиции на постоянной основе. В апреле был произведен

набор курсантов в количестве 32 человек, и школа начала свою работу. Любопытен подбор курсантов этого набора: 16 человек – из Иркутска, 2 – из Черемховского городского отдела милиции, 2 – из Зиминской уездной милиции, 1 – из Верхоленской уездной милиции и 11 курсантов – из работников Иркутского и Александровского изоляторов (7 и 4 человека) [4, л. 37]. Как видим, география набора охватывала почти всю губернию, но треть курсантов являлись работниками изоляторов. Это объясняется тем, что Восточная Сибирь оставалась краем ссылок и тюрем, теперь уже для врагов Советской власти. Здесь находилось 4 тюрьмы: в Иркутске, Киренске, Тулуне и Александровске (бывший знаменитый Александровский централ) [5, с. 41].

На постоянной основе в школе работали политрук и инструктор пешего строя. Общее руководство школой осуществлял начальник подотдела ГАО Урбанович. Как свидетельствуют документы, преподаватели, политрук и инструктор неоднократно менялись, занятия в школе проводились нерегулярно. В июле 1925 года весь курсантский состав школы был откомандирован в Зиминский район Иркутской губернии на борьбу с бандитизмом. И хотя программа школы была рассчитана на восемь месяцев, неизвестно сколько человек было выпущено по окончании курса и выпущено ли вообще. В создавшейся ситуации одним из доступных методов профессиональной подготовки милиционеров была учеба во внеслужебное время и практическое обучение в ходе несения службы.

В 1924 году Административным отделом был разработан и передан в уезды Иркутской губернии единый план школьных занятий с резервами уездной милиции. План был рассчитан на 108 учебных часов. Занятия должны были проводиться во внеслужебное время. Но, как свидетельствуют документы, этот план был выполнен в Ир-

кутске только на 42 %, а из уездов сведений не поступило вообще.

Можно предположить, что в уездах в связи со сложной обстановкой, вызванной деятельностью бандитов, отсутствием свободного времени у милиционеров, которые в сельской местности были вынуждены вести свое хозяйство, и отсутствием необходимой специальной и учебной литературы занятия, предусмотренные планом, не проводились вовсе. В акте Иркутского ГАО за 1924 год отмечено, что программы не реализованы, вопросы кадровой подготовки оставались нерешенными [3].

В октябре 1926 года административным отделом была направлена начальникам городской и ведомственной милиции «Программа занятий по службе в милиции» во внеслужебное время. Программа была рассчитана на 120 часов занятий и содержала разделы по четырём направлениям подготовки. Была ли программа выполнена – неизвестно. Документы об этом нами не обнаружены. Но с большой долей вероятности можно предположить, что и эта программа осталась нереализованной.

Практическое же обучение в ходе несения службы осуществлялось путем подробного инструктирования и проверок знаний непосредственно во время службы и перед заступлением на дежурство. Особое внимание уделялось тому, чтобы инструктаж проводился не в виде проверки знаний, а путем постановки практических вводных задач и показа их решения. Представляется, что это был единственный, достаточно действенный и доступный в то время метод обучения сотрудников милиции. Несение службы милиционерами проверялось не менее двух раз в сутки. Кроме этого, первое отделение иркутской городской милиции было назначено «показным», и на его примере остальные милиционеры обучались несению службы, составлению протоколов, ведению дознания и т. д. [6]. Именно эти два метода и стали основными в профессио-

нальной подготовке рядового состава и младшего начальствующего состава милиции Восточной Сибири.

Таким образом, в Восточной Сибири в послереволюционные годы стояла важнейшая задача создания работоспособной и профессиональной рабоче-крестьянской милиции, защищающей закон и советскую власть. Однако из-за низкого образовательного уровня милиционеров и отсутствия системы профессиональной подготовки эта задача решалась с трудом. Ситуация осложня-

лась местной спецификой – значительные силы милиции постоянно отвлекались на борьбу с бандитизмом в сельской местности. И хотя предпринимались постоянные попытки создать стройную систему профессиональной милицейской подготовки, до конца 1920-х годов эта задача в полной мере решена не была, а милиционеры обучались в основном в служебное время путем инструктажей, постановки и решения вводных задач, а также на примере «показных» отделений.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Карнович С. А., Кузнецов А. А., Синиченко В. В. Становление милицейского образования в Восточной Сибири в 20-х годах XX века // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 1 (72).
2. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Дело № 537.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-145. Оп. 1. Ед. хр. 844.
4. ГАИО. Ф. Р-146. Оп. 1. Ед. хр. 842-б.
5. Гайдай М. К., Герасимова Ю. Р., Синиченко В. В. Пенитенциарная система России: Иркутская область. Иркутск, 2014.
6. ГАИО. Ф. Р-169. Оп. 1. Ед. хр. 842.

© Кузнецов А. А.

УДК 342

И. Р. АМИНОВ, доцент кафедры государственного права Института права Башкирского государственного университета, кандидат юридических наук (г. Уфа)

I. R. AMINOV, associate professor of the department of public law of the Institute of law of the Bashkir state university, candidate of law (Ufa)

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

THE ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF LEGAL REGULATION OF LOCAL GOVERNMENTS IN RUSSIA

Аннотация. Современный период формирования местного самоуправления в России отмечен проведением его глобальной реформы, которая выступает частью

реорганизации всей публичной власти в стране. Сейчас ведется поиск самой совершенной модели функционирования местного самоуправления, которая могла бы обеспечить оптимизацию укрепления Российской Федерации и ее единство. Проводится масштабное разграничение предметов ведения, ресурсов, полномочий, ответственности между государственной и местной властью. Оценка целой системы органов по всей стране является трудной задачей для исследования, поскольку сложно выявить объективный инструментарий, посредством которого можно с точностью изучить все явления и процессы, происходящие на уровне местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, правовое регулирование, финансы, муниципальное образование, проблемы, анализ, оптимизация, местный бюджет, полномочия.

Annotation. The modern period of formation of local government in Russia is noted by carrying out his global reform which acts as a part of the carried-out reorganization of all public power in the country. Search of the most perfect model of functioning of local government which could provide optimization of strengthening of the Russian Federation and its unity is now conducted. Large-scale differentiation of areas of jurisdiction, resources, powers, responsibility between the state and local government are carried out. Assessment of the whole system of bodies for the whole country is a difficult task for a research as it is difficult to reveal objective tools by means of which it is possible to study all phenomena and processes happening at the level of local government with an accuracy.

Keywords: local government, legal regulation, finance, municipal unit, problems, analysis, optimization, local budget, powers.

Обращаясь к современным информационным технологиям, можно получить актуальную статистику о состоянии дел на уровне местной власти, которая содержится в ежегодном статистическом бюллетене «Формирование местного самоуправления в Российской Федерации» (бюллетень выпускает Федеральная служба государственной статистики (Росстат)).

В этом документе отражены данные о количестве муниципальных образований всех видов, утвержденных местных бюджетах, а также их дефицитности или профицитности. Анализируя данные Росстата, можно увидеть по различным показателям, какие изменения происходят внутри субъектов между органами местного самоуправления.

Практика применения Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» выявила ряд трудностей, решение которых возможно лишь при условии качественного изменения экономической,

политической и социальной сфер жизни общества. Однако основной проблемой на муниципальном уровне является финансовая неурегулированность всей системы местного самоуправления, которая не позволяет осуществлять все возложенные на муниципалитеты обязанности и функции.

Данная проблема представляет опасность дальнейшего ухудшения финансового обеспечения муниципальных образований и дестабилизации обстановки на местах. На совещании Совета Безопасности от 22 сентября 2016 г. Президент Российской Федерации подчеркнул, что несбалансированность бюджетной системы относится к числу главных рисков государственного развития.

К основным направлениям укрепления финансовой базы в муниципальных образованиях относятся:

- повышение уровня собственных доходов;
- оптимизация расходов;

– развитие налогового и бюджетного законодательства.

Важную часть финансирования местного самоуправления занимают, безусловно, межбюджетные трансферты из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, которые предоставляются в форме дотаций, субсидий, субвенций и др. К сожалению, именно стремление получить как можно больше межбюджетных трансфертов препятствует использованию внутренних резервов и механизмов финансирования местного самоуправления. Это связано во многом с личной незаинтересованностью должностных лиц органов местного самоуправления, поэтому нельзя исключать и субъективный фактор, влияющий на полноту финансирования муниципальных образований.

В качестве примера можно привести тенденцию к объединению нескольких близлежащих сельских поселений в одно. Такая мера представляется обоснованной, так как она позволяет эффективнее решать вопросы местного значения по обеспечению жизнедеятельности населения (содержание местных дорог, уборка территорий и т. д.). Кроме того, концентрация финансовых ресурсов нескольких сельских поселений позволяет оптимизировать расходы во всех направлениях.

Другим отрицательным примером является частая практика сокращения расходов местного бюджета, которая происходит по таким направлениям, как уменьшение разовых выплат муниципальным служащим, командировочных выплат, сокращение рабочих мест или объединение нескольких учреждений муниципального образования. В конечном итоге сокращение финансирования в этих сферах не помогает решить проблему дефицита бюджетных средств, а, наоборот, лишь усугубляет работу муниципальных органов.

Таким образом, решение проблемы финансирования способствует повышению эффективности государст-

венного управления и, как следствие, улучшению качества жизни населения, совершенствованию социальной сферы и инфраструктуры.

Главная роль в комплексе юридических норм, которые регулируют местное самоуправление, принадлежит конституционным нормам. Они выступают сводом юридических предписаний, определяющих правовую и политическую сущность местного самоуправления, закрепляющих основополагающие права населения в данной сфере, регулирующих отношения органов местного самоуправления с государственной властью и обосновывающих их правовой статус.

Согласно ст. 72 Конституции Российской Федерации контроль процесса местного самоуправления осуществляется совместно субъектами Российской Федерации и Федерацией. Иначе говоря, к компетенции Федерации относятся принятие рамочных законов, определение основополагающих подходов и принципов, регламентирование пределов правового регулирования. В то же время конкретное содержание, учитывающее региональную специфику, особенности установления местного самоуправления, субъекты Федерации обязаны определять самостоятельно. Так говорит теория, но, анализируя данные практики, можно сделать вывод об отсутствии четкого разграничения функций собственно Федерации и ее субъектов.

Подобная неоднозначная трактовка норм Конституции выступает причиной того обстоятельства, что в различные периоды новейшей истории можно констатировать разницу подходов к разграничению полномочий в области правового регулирования системы местного самоуправления.

Например, согласно ст. 5 Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ в компетенции субъектов Федерации находилось принятие законов относительно местного самоуправ-

ления. Соответственно, в их ведение попадало достаточно много вопросов, касающихся этой сферы. Подобное распределение полномочий говорит о существовавшей значительной децентрализации власти и многочисленности возможных вариантов устройства местного самоуправления.

Затем в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (далее – № 131-ФЗ) правовое регулирование местного самоуправления стало производиться субъектами Федерации только в случаях, устанавливаемых указанным законом. Иначе говоря, теперь субъекты Российской Федерации могут регулировать исключительно вопросы, предписанные напрямую федеральным законом. Это выступает свидетельством значительного увеличения централизации власти, за счет чего произошла унификация местного самоуправления различных территорий.

В результате радикально изменился подход к осуществлению правового регулирования местного самоуправления со стороны органов государственной власти, регламентируемый ст. 72 Конституции Российской Федерации. Отметим, что в 1996 г. была обозначена важная позиция Конституционного Суда Российской Федерации. Она оказала значительное влияние на распределение полномочий органов государственной власти Федерации и ее субъектов в области местного самоуправления [1].

Эта позиция касалась положений ст.ст. 58, 59 № 131-ФЗ, которыми определяются максимальные сроки выборов и действия полномочий глав местных администраций (местного самоуправления). Относительно позиции Конституционного Суда Российской Федерации анализируемые положения необходимо рассматривать также в качестве гарантии права граждан, обеспеченного Конституцией, на реализацию своих полномочий власти посредством органов ме-

стного самоуправления, декларируемого ч. 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации.

Те же положения выступают гарантией прав населения избирать представителей органов местного самоуправления, а также быть самим избранными в указанные органы (согласно ч. 2 ст. 32), права на осуществление местного самоуправления при помощи проведения выборов, референдумов и прочих видов прямого волеизъявления (согласно ч. 2 ст. 130). Российской Федерацией осуществляется защита и регулирование перечисленных прав (п. «в», ст. 71.), их защита осуществляется также Федерацией вместе с ее субъектами согласно п. «б» ч. 1 ст. 72. Соответственно решение таких вопросов находится в компетенции федерального законодательства.

Иначе говоря, если считать местное самоуправление конституционным правом населения, то согласно ст. 71 его правовое регулирование есть исключительно функция Российской Федерации. Если же полагать местное самоуправление формой народной власти, его регулирование осуществляется Федерацией совместно с ее субъектами.

В 2014 г. в Федеральный закон № 131-ФЗ внесены значительные изменения относительно перераспределения полномочий органов государственной власти Федерации и субъектов Российской Федерации в области правового регулирования местного самоуправления. Сохранились общие принципы подхода к этому вопросу. Субъекты Российской Федерации имеют полномочия регулировать исключительно вопросы, прямо предписанные им федеральным законом, но перечень данных вопросов был значительно увеличен [2, с. 72]. Согласно содержанию справки относительно главных изменений положений рассматриваемого федерального закона субъектам Российской Федерации необходимо принять по двадцать четыре новых закона.

Субъектам Российской Федерации делегируются полномочия правового регулирования ряда вопросов, которые до принятия изменений регулировались исключительно № 131-ФЗ. Согласно содержанию ст. 18 ранее список вопросов, относящихся к местному регулированию, можно было изменить только внесением изменений либо дополнений в указанный закон.

Это выступало достаточно весомой гарантией, обеспечивающей защиту органов местного самоуправления от неконтролируемого разрастания «нефинансируемых мандатов». Действующей редакцией ст. 18 № 131-ФЗ данное полномочие делегируется субъектам Российской Федерации. Названный факт привел к значительному уменьшению защиты местного самоуправления.

Одновременно существенные изменения коснулись понятия местного самоуправления. В начальной редакции ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ (далее – № 154-ФЗ) местное самоуправление определялось в качестве самостоятельной деятельности граждан, осуществляемой под собственную ответственность, по решению вопросов, имеющих местное значение, напрямую либо посредством органов местного самоуправления.

Рассматриваемая деятельность гарантируется и признается Конституцией Российской Федерации, она должна производиться согласно интересам населения, его историческим традициям. Соответственно, местное самоуправление выступало в форме самостоятельной деятельности граждан, в ч. 2 анализируемой статьи содержалось упоминание, что местное самоуправление является основой конституционного строя Российской Федерации.

№ 131-ФЗ признает позицию Конституционного Суда Российской Федерации, которая была им обозначена в 2000 году [3]. Согласно данной позиции основанием для возникновения муниципального образования и права на-

селения, проживающего в пределах его территории, на местное самоуправление выступает Конституция Российской Федерации и отечественное законодательство, но не волеизъявление граждан, составляющих население муниципального образования.

Такая позиция была полноценно отражена в федеральном законодательстве. № 131-ФЗ содержит указание, что местное самоуправление выступает основой конституционного строя Российской Федерации и рассматривается в качестве формы реализации власти граждан. Она обеспечивается федеральными законами (в установленных Конституцией пределах) и законами субъектов Российской Федерации (в обозначенных федеральными законами ситуациях). Местное самоуправление – это самостоятельное, осуществляемое под собственную ответственность решение гражданами вопросов, имеющих местное значение, напрямую либо посредством органов местного самоуправления в соответствии с интересами населения, его историческими традициями.

Итак, в 1990-е годы понятие местного самоуправления чаще рассматривалось в качестве деятельности населения, но в 2000-х годах оно уже признавалось формой народовластия. Пересмотр понятия местного самоуправления нашел полноценное отражение и в содержании федерального законодательства.

В № 131-ФЗ включена целая глава, последовательно и достаточно подробно декларирующая формы прямого осуществления гражданами местного самоуправления, а также их участия в процессе местного самоуправления. Ряд форм народовластия регулировался на федеральном уровне впервые (например, опрос населения, публичное слушание и пр.).

Отметим, что прослеживается реакция федерального законодательства на самые резонансные и значительные позиции Конституционного Суда, соот-

ветственно которым были внесены конкретные изменения в федеральные законы, хотя это и не всегда происходило оперативно. Некоторыми примерами выступает ряд позиций, которые касались следующих вопросов:

- сущность местного самоуправления (позиция сформулирована в 2000 г. [3] и учтена законодательством в 2003 г. [4]);

- отставка выборных должностных лиц (позиция сформулирована в 2002 г., учтена в 2003 г.);

- перечень имущества в муниципальной собственности (позиция сформулирована в 2006 г. [5], учтена в 2011 – 2012 гг.);

- особенности применения в процессе муниципальных выборов пропорциональной избирательной системы (позиция сформулирована в 2011 г. [6], учтена в 2012 г.);

- судебная защита прав главы муниципального образования, особенности замещения этой должности при его отставке (позиция сформулирована в 2013 г. [7], учтена в 2014 г. [8]).

Существуют и прочие примеры, но достаточно большое число позиций Конституционного Суда Российской Федерации еще не учтено федеральным законодательством в текстах конкретных законов. Также имеются примеры норм, которые содержатся в федеральном законе, но противоречат позициям, обозначенным Конституционным Судом Российской Федерации. Например, в 2000 г. Конституционный Суд обнаружил следующую позицию. Так, согласно ч. 1 ст. 130 Конституции РФ местное самоуправление имеет целью обеспечение самостоятельного решения гражданами вопросов, имеющих исключительно местное значение. Соответственно, обязанность по решению указанных вопросов возлагается именно на органы местного самоуправления либо на самих граждан, но не на органы государственной власти. Тогда обязанностью органов государственной власти выступает соз-

дание всех необходимых условий (материальных, правовых, организационных и прочих), способствующих эффективному формированию и развитию местного самоуправления, а также оказание гражданам содействия в области реализации их прав на местное самоуправление. Однако здесь не исключена возможность взаимодействия, например, на договорной основе органов местного самоуправления с органами государственной власти субъекта Федерации в целях совместного решения общих задач местного значения, имеющих непосредственное влияние на интересы населения.

Частью 1.2 ст. 17 № 131-ФЗ декларируется возможность для субъектов Федерации путем издания законов перераспределять полномочия органов местного самоуправления и государственной власти субъекта Федерации. В данном случае недопустима передача органам государственной власти субъекта Федерации полномочий в области управления собственностью муниципалитета и местным бюджетом, охраны общественного порядка, формирования системы органов местного самоуправления и ряда других полномочий, которые находятся исключительно в ведении органов местного самоуправления.

Соответственно, ранее в текстах законов достаточно четко была сформулирована позиция относительно того, что решение вопросов местного значения может находиться исключительно в ведении органов местного самоуправления. Однако в последующих законодательных актах предусмотрена возможность и для органов государственной власти осуществлять подобную деятельность.

Некоторые изменения прослеживаются и в юридической технике двух рассматриваемых здесь федеральных законов. № 154-ФЗ действовал тринадцать лет (с 1995 по 2008 гг.), за это время в него восемь раз были внесены дополнения и изменения. № 131-ФЗ действует одиннадцать лет, в него уже около ста

раз вносились различные дополнения и изменения, при этом изменения в количестве нескольких десятков вносились еще до вступления его в силу в окончательном объеме. Это выступает свидетельством снижения уровня юридической техники Закона, соответственно, эффективность его правового воздействия также значительно ниже. Следствием этого становится процесс реформирования действующей системы местного самоуправления, значительно снижаются возможности адекватной оценки воздействия принимаемых регулирующих решений, выявляется поспешность их принятия и общая непродуманность.

Наиболее показательным примером низкого уровня юридической техники выступает Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 165-ФЗ, которым были внесены значительные изменения в № 131-ФЗ. Посредством данного Закона была введена абсолютно новая терминология, предложенные юридические конструкции предполагают частичное правовое регулирование. Соответственно, существенно снижается эф-

фективность их воздействия, которая в ряде случаев провоцировало даже обращение в Конституционный Суд Российской Федерации.

В соответствии с ч. 3 ст. 5 № 131-ФЗ в случае противоречия федеральных законов и (или) иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих вопросы местного самоуправления, Конституции Российской Федерации, настоящему Федеральному закону применяются Конституция Российской Федерации и названный Федеральный закон. Такой подход представляется небесспорным. Тем более что аналогичная конструкция содержится и в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ч. 6 ст. 1).

Таким образом, такая коллизия порождает усмотрение правоприменителя и приводит к нарушению прав и свобод граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 мая 1996 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 58 и п. 2 ст. 59 Федерального закона от 28 августа 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 22 апреля 1996 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 23. Ст. 2811.
2. Бабичев И. В. Субъекты местного самоуправления и их взаимодействие. М.: Наука, 2000.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 г. «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 50. Ст. 4943.
4. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 30 октября 2017 года) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2002 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном окру-

ге» в связи с жалобами заявителей А. Г. Злобина и Ю. А. Хнаева» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 14. Ст. 1374.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2006 г. № 540-О «По запросу Правительства Самарской области о проверке конституционности ст. 1, чч. 6 и 8 ст. 2 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и ст. 50 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66446/ (дата обращения: 10.07.2017).

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июля 2011 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 3 ст. 23 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и чч. 2 и 3 ст. 9 Закона Челябинской области «О муниципальных выборах в Челябинской области» в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и граждан И. И. Болтушенко и Ю. А. Гурмана» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 29. Ст. 4557.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений чч. 3 и 10 ст. 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и п. 3 ч. 1 ст. 83 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. В. Дубкова» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3647.

© Аминов И. Р.

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.221.05-053.6(100)

И. Е. СУЛЕЙМАНОВА, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

I. E. SULEIMANOVA, senior lecturer of the department of administrative and legal disciplines of the Ufa law institute of the Ministry of internal affairs of Russia, candidate of law (Ufa)

ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ СТРАН С РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ СИСТЕМОЙ ПРАВА

PROTECTION OF INTERESTS OF MINORS IN THE LAW OF SOME COUNTRIES WITH THE ROMAN-GERMAN SYSTEM OF LAW

Аннотация. В статье актуализируется проблема защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних по законодательству некоторых зарубежных стран (Испания, Франция), условно входящих в романо-германскую систему права. Также делается вывод о том, что подход к определению минимального возраста субъекта преступления в законодательстве исследуемых стран неодинаков. Вместе с тем единообразие отмечается в уголовной политике указанных государств, которая на-

правлена на применение к несовершеннолетним разнообразных мер воспитательного характера.

Ключевые слова: интересы несовершеннолетних, уголовная ответственность, возраст, законодательство.

Annotation. *The problem of protecting the rights, liberties and legitimate interests of minors under the legislation of some foreign countries (Spain, France), conditionally included in the Romano-German system of law, is being updated. The author concludes that the approach to determining the minimum age of the subject of crime in the legislation of the countries studied is not the same. At the same time, uniformity is noted in the criminal policy of these states, which is aimed at applying various measures of an educational nature to minors.*

Keywords: *interests of minors, criminal responsibility, age, legislation.*

В связи с развитием институтов уголовной юстиции и имплементацией норм международного права в национальное законодательство в настоящее время возрос интерес к сравнительному правоведению. «Понимание общемирового контекста и пределов вариативности развития современного уголовного права, – как справедливо отмечает В. Н. Додонов, – крайне важно для определения ориентиров дальнейшего развития нашего собственного уголовного законодательства» [1]. Сказанное свидетельствует о значимости исследования законодательства зарубежных стран о защите интересов несовершеннолетних, входящих в романо-германскую правовую семью.

Романо-германская система права объединяет ряд государств, имеющих общие историко-правовые корни. К числу таковых относятся: Италия, Испания, Португалия, Германия, Франция, Швеция, Дания, Россия и др. Остановимся на исследовании законодательства Испании и Франции о защите интересов несовершеннолетних более подробно.

Итак, в Испании ответственность несовершеннолетних за преступное поведение наступает в соответствии с Законом 5/2000 от 12 января. Согласно названному закону к уголовной ответственности привлекаются дети в возрасте от 14 до 18 лет. Лица старше 18 лет привлекаются к уголовной ответствен-

ности в соответствии с Уголовным кодексом Испании. Поскольку уголовная ответственность несовершеннолетних наступает в соответствии с Законом 5/2000 от 12 января, специальных статей об уголовной ответственности несовершеннолетних в УК Испании не содержится.

Вместе с тем УК Испании включает ряд норм, регламентирующих охрану прав, свобод и законных интересов самих несовершеннолетних. В книге II «Преступления и наказания» содержится несколько разделов, предусматривающих нормы об ответственности за преступления в отношении детей. Раздел III «Телесные повреждения» включает два состава преступления, в которых потерпевшими признаются как взрослые, так и дети. Статья 148 УК Испании данного раздела предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от двух до пяти лет за телесные повреждения, причиненные лицу, не достигшему возраста 12 лет, нарушающие его телесную целостность либо физическое или психическое состояние здоровья.

При сравнении исследуемой нормы с нормами российского уголовного законодательства о причинении вреда здоровью человека приходим к выводу, что российское законодательство является более совершенным в данном вопросе, поскольку вид и размер наказания определяется исходя из сте-

пени тяжести причиненного вреда (ст.ст. 111, 112, 115 УК РФ). При этом к квалифицирующему признаку ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» и ст. 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью» относится совершение преступного посягательства в отношении малолетнего. В ст. 153 УК Испании предусматривается лишение свободы на срок от шести месяцев до трех лет независимо от наказания, назначаемого в соответствии с причиненным в каждом случае вредом, за систематическое причинение физического насилия собственным детям, детям супруга либо сожителя или опекаемым.

Раздел VIII УК Испании «Преступления против половой свободы» включает 9 статей, направленных на защиту половой свободы, неприкосновенности, нормального физического, полового и нравственного развития несовершеннолетних (ст.ст. 180 – 183, 185 – 189). Проводить подробный анализ данных составов, схожих с нормами российского законодательства, представляется нецелесообразным. В связи с чем проанализируем лишь ст. 187 УК Испании, которая представляет интерес для российского уголовного законодательства. Статья 187 УК Испании предусматривает лишение свободы на срок от года до четырех лет и штраф в размере от двенадцати до двадцати четырех месячных плат за принуждение, побуждение или содействие занятию проституцией лица, не достигшего 18 лет. Специфика данной нормы заключается в том, что субъектом исследуемого преступления является не только лицо, которое принуждает, побуждает либо содействует проституции ребенка, но и лицо, под чьей опекой находится ребенок.

Особого внимания заслуживает раздел XII «Преступления против семейных отношений», в котором две главы посвящены защите семейных прав и статуса несовершеннолетних. Глава II

«Незаконное усыновление, нарушение родительских прав, нарушение статуса несовершеннолетнего» содержит уголовно-правовую норму, которая могла бы быть приемлема для российского законодательства. Статья 222 УК Испании состоит из трех составов преступлений: 1) предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком от года до пяти лет с лишением родительских прав на срок от четырех до десяти лет за продажу ребенка родителями в целях воспитания в другой семье; 2) предусмотрено такое же наказание для лиц, получивших ребенка; 3) за продажу ребенка виновным из органов опеки либо других учреждений, где проживают дети, назначается наказание в виде лишения права заниматься соответствующей деятельностью на срок от двух до шести лет, а также постоянное или временное закрытие указанных учреждений [2].

В отечественном уголовном законодательстве не предусмотрено специальной нормы об ответственности за продажу ребенка. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит общую норму об ответственности за торговлю людьми, квалифицирующим признаком которой является торговля несовершеннолетними (п. «б» ч. 2 ст. 127.1).

Глава III «Преступления против семейных прав и обязанностей» содержит ряд как схожих, так и отличных от российского законодательства норм. Так, УК Испании предусматривает уголовную ответственность за неисполнение обязанностей по охране малолетнего и побуждение его к оставлению жилища (ст.ст. 224 – 226). Незвестной российскому законодательству является ст. 225, которая предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до двух лет в отношении лица, которое склоняет недееспособного или несовершеннолетнего покинуть дом или место, где он проживает с согласия родителей, опекунов или попечителей.

Таким образом, анализ испанского уголовного законодательства об ответственности за преступления против несовершеннолетних позволяет сделать вывод о том, что защита прав, свобод и законных интересов ребенка не обеспечивается только разделом XII «Преступления против семейных отношений». Большинство норм, направленных на защиту интересов несовершеннолетних, сосредоточено в различных разделах и главах Уголовного кодекса. Вместе с тем ответственность самих подростков предусматривается в Законе о несовершеннолетних правонарушителях.

Аналогичный подход к обеспечению прав несовершеннолетних прослеживается и в законодательстве Франции. Уголовный кодекс Франции не предусматривает норм об ответственности несовершеннолетних правонарушителей. Данные положения отражены в Ордонансе от 2 февраля 1945 г. № 45-174 о несовершеннолетних правонарушителях, устанавливающим специальный правовой режим ответственности несовершеннолетних, в основе которого лежит презумпция уголовной ответственности несовершеннолетних.

Возможность привлечения несовершеннолетних правонарушителей по законодательству Франции зависит от возраста ребенка. Первая возрастная группа объединяет несовершеннолетних правонарушителей, не достигших 10 лет. В соответствии со ст. 2 Ордонанса лицам данной группы не могут быть назначены воспитательные санкции и уголовные наказания, а применяются лишь меры безопасности. Вторая группа включает несовершеннолетних в возрасте от 10 до 13 лет, которым могут быть назначены не только меры безопасности, но и воспитательные санкции, указанные в ст. 15-1 Ордонанса. Третья группа включает несовершеннолетних правонарушителей в возрасте от 13 до 16 лет, которым могут быть назначены меры безопасности либо воспитательные меры. Согласно ст. 16 Ордонанса к

таким мерам относятся: передача родителям, опекуну, лицу, которое присматривает за несовершеннолетним, или лицу, заслуживающему доверия; помещение в медицинское или медико-педагогическое учреждение; помещение в государственное или частное учреждение по воспитанию или профессиональному обучению; помещение в государственное воспитательное учреждение с надзором или в учреждение воспитательной коррекции. Четвертая группа состоит из подростков от 16 до 18 лет, к которым применяются: меры безопасности; воспитательные санкции; сокращенное наказание либо обычное наказание, предусмотренное санкцией соответствующей статьи.

Уголовный кодекс Франции содержит отдельную главу, которая призвана охранять интересы семьи и несовершеннолетних (гл. VII), и ряд норм, в которых совершение тех или иных противоправных действий, направленных против несовершеннолетних, признаются квалифицирующими признаками преступления. Например, ст. 221-4 предусматривает наказание в виде пожизненного уголовного заключения за умышленное убийство несовершеннолетнего, не достигшего 15 лет. Вместе с тем умышленное причинение смерти другому лицу наказывается лишением свободы сроком на тридцать лет (ст. 221-1 УК Франции). Согласно ст. 222-24 УК Франции изнасилование несовершеннолетнего, не достигшего 15 лет, влечет наказание в виде лишения свободы сроком на двадцать лет. То же деяние, совершенное в отношении другого лица, наказывается лишением свободы сроком на пятнадцать лет [3].

Стоит отметить, что во французском уголовном законодательстве в большинстве составов выделяется пятнадцатилетний возраст несовершеннолетнего потерпевшего, а в УК РФ разграничивается четырнадцати-, шестнадцати- и восемнадцатилетний возраст ребенка. На наш взгляд, подход отече-

ственного законодателя к дифференциации возраста несовершеннолетнего потерпевшего и усилению уголовной ответственности за то или иное преступное посягательство в зависимости от возраста ребенка представляется верным, поскольку тяжесть последствий напрямую зависит от уровня его психического или физического развития.

Наибольший интерес для российского законодательства представляет исследование норм, входящих в отдел I «Об оставлении несовершеннолетнего лица» и отдел V «О поставлении в опасность несовершеннолетних лиц». Согласно ст. 227-1 УК Франции за оставление несовершеннолетнего лица в возрасте до пятнадцати лет в каком-либо месте назначается наказание в виде тюремного заключения сроком на семь лет и штраф в размере 700 000 франков, за исключением случаев, когда оставление ребенка не угрожало его безопасности и здоровью. Ст. 227-2 предусматривает наказание в виде уголовного заключения сроком на двадцать лет в случае, когда оставление в опасности несовершеннолетнего до пятнадцати лет повлекло его увечье или хроническое заболевание. А в случае смерти несовершеннолетнего предусматривается уголовное заключение сроком на 30 лет.

В отечественном уголовном законодательстве специальной нормы, обеспечивающей защиту несовершеннолетнего от оставления в опасности, не предусмотрено. Вместе с тем согласно ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности» за заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, предусматривается в качестве наиболее строгого вида наказания – лишение свободы на срок до одного года.

Представляется, что отечественному законодателю следовало бы перенять опыт французского уголовного законодательства и усилить уголовную ответственность за оставление ребенка в опасности. В связи с чем предлагаем дополнить ч. 2 ст. 125 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «2. То же деяние, повлекшее по неосторожности смерть указанных в части первой лиц, либо причинение тяжкого вреда их здоровью, наказывается лишением свободы на срок от четырех до восьми лет».

Отдел V «О поставлении в опасность несовершеннолетних лиц» содержит ряд норм как схожих, так и отличных от норм российского законодательства. Например, ст. 227-19 УК Франции предусматривает уголовную ответственность за прямое подстрекательство несовершеннолетнего лица к систематическому и чрезмерному употреблению алкогольных напитков; ст. 227-20 – прямое подстрекательство несовершеннолетнего лица к занятию попрошайничеством. Подобные нормы содержатся в главе 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Вместе с тем неизвестной для российского уголовного законодательства остается ст. 227-15 УК Франции, предусматривающая наказание для родителей либо законных представителей в виде семи лет тюремного заключения и штраф за лишение несовершеннолетнего пищи или попечения, представляющее опасность для его здоровья.

Подводя итог исследования французского уголовного законодательства, обеспечивающего защиту прав несовершеннолетних, отметим, что некоторые его положения схожи с уголовным законодательством Российской Федерации. Вместе с тем специальная глава УК Франции, охраняющая интересы несовершеннолетнего и его семьи, видится нам по логической структуре и содержанию статей более продуманной. Например, преемствен-

ным для России мог бы быть опыт французского законодательства по вопросу усиления уголовной ответственности за оставление малолетнего в опасности. Кроме того, участвовавшие в отечественной следственно-судебной практике случаи смертности малолет-

них детей по вине родителей заставляют задуматься о введении в УК РФ специальной нормы об ответственности родителей или законных представителей за лишение малолетнего пищи или попечения.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010.
2. Уголовный кодекс Испании. М., 1998.
3. Уголовный кодекс Франции / под науч. ред. Л. В. Головки, Н. Е. Крыловой; пер. Н. Е. Крыловой. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.

© Сулейманова И. Е.

УДК 342.53

Г. Ю. КАРИМОВА, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

G. Y. KARIMOVA, associate professor of the department of constitutional law of the Ufa law institute of the Ministry of internal affairs of Russia, candidate of law (Ufa)

ИНСТИТУТ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

THE INSTITUTION OF PARLIAMENTARY CONTROL IN FOREIGN COUNTRIES

Аннотация. В статье рассматривается институт парламентского контроля, существующий в ряде зарубежных стран. Проводится анализ механизма осуществления парламентского контроля в таких странах, как Австрия, Германия, Ирландия, Эстония. Автором отмечается, что в основе власти современного парламента лежит принцип политической ответственности.

Ключевые слова: парламентский контроль, политическая ответственность, парламентаризм.

Annotation. The article examines the institution of parliamentary control, which exists in a number of foreign countries. The mechanism of parliamentary control in such countries as Austria, Germany, Ireland, Estonia is analyzed. The author notes that the basis of the power of modern parliament is the principle of political responsibility.

Keywords: parliamentary control, political responsibility, parliamentarism.

Осуществление парламентского контроля занимает важное место в деятельности государства. Естественно, реальный объем полномочий парламента конкретной страны в области контроля зависит от ряда факторов, таких как государственное устройство, политический режим, форма правления, исторические условия, сложившиеся традиции и т. д. Вместе с тем парламент, будучи органом, в котором представлены разнообразные социальные и территориальные интересы, работая, как правило, открыто, на виду у избирателей, находясь в постоянном и более тесном (по сравнению с другими центральными органами государственной власти) контакте с гражданами, благодаря работе депутатов в избирательных округах, лоббизму и т. п., формируя некоторые иные государственные органы, принимая бюджет, играя видную роль в системе конституционных органов государственной власти, не может не иметь прав в сфере контроля. Таким образом, контрольная функция присуща всякому парламенту.

Парламентский контроль является одной из разновидностей государственного контроля – внешним контролем за деятельностью исполнительной власти. Он представляет собой самостоятельный институт парламентаризма, имеющий длительную историю и разнообразные формы контроля. Контроль, который парламент осуществляет за деятельностью исполнительной власти, основывается на главном принципе: парламент выражает волю народа и потому должен быть в состоянии контролировать осуществление государственной политики; он должен обеспечить такое положение, при котором эта политика отвечала бы положениям всего народа. Парламентский контроль необходим прежде всего для того, чтобы не позволить исполнительным органам фактически узурпировать власть в госу-

дарстве, нивелировать деятельность демократических институтов. Это возможно лишь при условии, что он является достаточно действенным [1].

Обратимся к формированию и функционированию парламентского контроля в ряде зарубежных государств. Парламентский контроль функционирует во многих странах. Так, в Эстонии одной из задач Рийгикогу – высшего представительного и законодательного органа власти страны, является контроль за действиями исполнительной власти, в том числе правительства. Для этого у депутатов Рийгикогу имеются разные возможности: запросы, письменные вопросы, информационный час, создание следственной комиссии или же голосование по вотуму недоверия в отношении какого-либо члена правительства или всего правительства.

Рийгикогу играет существенную роль в формировании политики Эстонского государства. Помимо принятия законов, задачей Рийгикогу является контроль за действиями исполнительной власти, в том числе правительства. Депутаты Рийгикогу имеют право посылать запросы и письменные вопросы членам правительства и ведущим чиновникам, таким как государственный контролер, канцлер юстиции и президент Банка Эстонии и др. На запросы членов обязательно отвечают устно на заседаниях Рийгикогу, на письменные же вопросы необходимо отвечать письменно. Парламентским контролем в рамках своей области занимаются все комиссии, например, специальная комиссия по надзору над государственным бюджетом. Обсуждение вопросов государственной важности позволяет членам парламента рассмотреть правительственную политику в целом, не ограничиваясь рамками того или иного законопроекта. Такое обсуждение может инициировать комиссия или фракция Рийгикогу [2].

В Австрии парламент осуществляет контроль над исполнительной властью путем получения информации, которая впоследствии становится известна общественности. Это должно иметь политические последствия и в то же время давать избирателям возможность принимать собственные решения. Парламент Австрии может осуществлять политический контроль над работой федерального правительства и его членов (федерального канцлера, вице-канцлера и министров) различными способами. Национальные и федеральные советы могут задавать им вопросы и выражать свои пожелания в форме резолюций. Национальный совет может учредить следственные комитеты для изучения определенных вопросов, также он может передать вотум недоверия правительству или одному из его членов, которые должны будут уйти в отставку.

Национальные и федеральные советы могут выразить свои пожелания относительно осуществления исполнительной власти в форме резолюций. Резолюции, принятые национальными и федеральными советами, являются политически значимыми, но не имеют юридической силы для адресата. Содержание и проблемы, выраженные в резолюциях, сильно различаются. В качестве инструментов контроля они могут служить тому, чтобы федеральное правительство оценивало определенные сферы управления и представляло результаты в Национальный совет в форме исследования. Резолюции могут также требовать политических действий, которые не могут быть достигнуты законодательством, например, федеральное правительство принимает меры по повышению осведомленности общественности в таких областях, как охрана здоровья или охрана окружающей среды.

Аналогичным образом резолюции могут выражать пожелание, чтобы национальные и/или федеральные советы, а также федеральное правительство

обязались как на национальном, так и на международном уровнях заниматься определенным вопросом, таким как контроль над насилием в отношении женщин или детей. За проверку всех государственных финансов в Австрии отвечает Счетная палата. Она выступает в качестве органа Национального совета, который представляет свой ежегодный отчет о деятельности.

Национальный совет или меньшинство из двадцати членов могут иметь преимущественную силу в Счетной палате для проведения специальных проверок, хотя число специальных проверок, которые могут быть выполнены в любое время по просьбе меньшинства, ограничено тремя, из которых максимум две могут быть назначены одной и той же парламентской группой. Отчеты Счетной палаты обсуждаются в Комитете по аудиту, который может вызывать свидетелей и допрашивать их на публичных слушаниях.

Одним из методов осуществления парламентского контроля над органами исполнительной власти является назначение различных должностных лиц и органов, составляющих исполнительную власть. Конституции ряда государств предоставляют право выбирать главу государства парламенту. Так, в ФРГ президент республики избирается Федеральным собранием, состоящим из членов Бундестага и такого же числа иных лиц, выбираемых ландтагами земель на началах пропорционального представительства.

В Германии специальный парламентский контроль осуществляется Парламентской контрольной группой (ПКГр), Конфиденциальным комитетом Комитета по бюджету и Комиссией G10. Согласно ст. 45d (1) Конституции Германии Бундестаг назначает группу для тщательного изучения разведывательной деятельности Федерации. На регулярной основе службы должны представить в Парламентский контрольный орган исчерпывающие

обоснования своей деятельности по любому вопросу, представляющему особый интерес для законодательной власти. ПКГр может также запрашивать дополнительные отчеты по вопросам, вызывающим озабоченность, и участвовать в ежегодных Консультациях по бюджетам разведывательных служб. Сотрудники разведывательных служб могут напрямую связаться с ПКГр.

Комиссия G10 назначается Парламентским контрольным органом на один законодательный срок Бундестага после того, как федеральное правительство было заслушано. Он состоит из председателя, который должен иметь квалификацию для работы в судебных органах, трех ассоциированных членов и четырех заместителей. Они вовсе не обязательно должны быть членами Бундестага Германии. Они независимы в выполнении своих обязанностей и не связаны директивами. Комиссия собирается не реже одного раза в месяц с обязательством сохранять тайну своих обсуждений [3].

Основными функциями контроля в парламенте Великобритании являются: проверка и оспаривание работы правительства, обсуждение важных вопросов дня, проверка и утверждение государственных расходов (бюджет/налоги). Депутаты и лорды получают возможность опросить министров правительства либо непосредственно в ходе регулярных устных вопросов, либо в письменной форме. Министры от каждого правительственного ведомства посещают палату общин, чтобы ответить на устные вопросы. Каждый крупный правительственный департамент выделяется на определенный день недели с согласованием со стороны правительства и оппозиционных партий. Парламент внимательно следит за правительственными планами налогов и расходов и пытается обеспечить справедливое и эффективное расходование государственных средств. Правительство не может поднимать новые налоги или тра-

тить государственные деньги без согласия парламента.

Финансовый надзор на практике осуществляется парламентом путем утверждения государственного налогообложения, заслушивания ежегодного бюджетного отчета и финансового отчета правительства. Парламенты многих государств участвуют в непосредственном назначении глав правительства и министров. В США существует президентский кабинет, состоящий из глав департаментов. Члены кабинета назначаются не президентом, а «по совету и с согласия» Сената. Сенат либо утверждает, либо не утверждает кандидатуру президента, но не может предложить какого-либо иного кандидата.

В Ирландии глава государства назначает премьер-министра по предложению Палаты представителей парламента. В Японии парламента назначает премьер-министра из числа своих членов, после чего император должен утвердить его назначение. Другой путь обеспечения влияния и контроля парламента над исполнительной властью состоит в том, чтобы обязать правительство, уже назначенное главой государства, представить отчет перед парламентом для получения вотума доверия. Такой порядок предусмотрен, например, в Италии, Бельгии, Турции.

Принцип политической ответственности правительства перед парламентом имеет огромное значение, так как именно он лежит в основе власти современного парламента. Если установлен принцип, согласно которому министр может находиться в своей должности только до тех пор, пока это отвечает воле парламента, то ничто не мешает парламенту определить условия, на которых он может доверять министру. Действуя таким образом, парламента выражает суверенитет народа [4, с. 445].

В этой связи в государствах четко заявляется об ответственности правительства той или иной страны за неисполнение или ненадлежащее испол-

нение законов, причем любых законов, принятых соответствующим парламентом, то есть, говоря другими словами, об ответственности высшего органа исполнительной власти за невыполнение или небрежное выполнение своих непосредственных обязанностей. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что в каждом государстве понимается важность установления политической ответственности в деле реализации принципа разделения властей.

Итак, институт ответственности правительства и отдельных его членов перед парламентом в зарубежных государствах представляет собой активный стимулятор для надлежащей работы высшего органа исполнительной власти и его должностных лиц. Во всех рассматриваемых государствах установлена суть института парламентского контроля, определены его органы и те субъекты, деятельность которых выше-названные органы должны контролировать.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Диваева Г. Ю. Институт парламентского контроля (Конституционно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2004 // URL: <http://www.dslib.net/konstitucion-pravo/institut-parlamentskogo-kontrolja.html> (дата обращения: 15.12.2017).
2. Официальный сайт Рийгикогу // URL: <https://www.riigikogu.ee/ru> (дата обращения: 10.12.2017).
3. Сайт German Domestic Intelligence Service // URL: <https://www.verfassungsschutz.de/en/about-the-bfv/supervision-and-control> (дата обращения: 13.12.2017).
4. Мишель Амеллер. Парламенты. М., 1967.

© Каримова Г. Ю.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.412.2(575.3)

З. П. ХАЙДАРЗОДА, адъюнкт кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, майор милиции (Республика Таджикистан)

Z. P. KHAYDARZODA, an adjunct of the department of organization of the activity of internal affairs bodies of the center for command and staff exercises of the Academy of the Ministry of internal affairs of the Russia, major of militia (Republic of Tajikistan)

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ПРИ ОТСУТСТВИИ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ**

**SOME PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES
OF INTERNAL AFFAIRS OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN WITHOUT
HARMONIZATION OF THE CRIMINAL LEGISLATION ON ANTI TRAFFICKING
AGAINST HUMAN BEINGS**

***Аннотация.** В статье представлена характеристика правовых и организационных мер, направленных на противодействие торговле людьми. На основе анализа теоретического материала и данных уголовной статистики автор излагает свою позицию относительно совершенствования таджикского законодательства по предупреждению и пресечению преступлений, связанных с торговлей людьми.*

***Ключевые слова:** купля и продажа людей, сексуальная и трудовая эксплуатация, правоохранительные органы, борьба с торговлей людьми.*

***Annotation.** The article describes the characteristics of legal and organizational measures directed by the law enforcement agencies of the member states of the Commonwealth of Independent States to counteract human trafficking. Based on the analysis of the theoretical material and the data of criminal statistics, the author sets out his position on the improvement of domestic legislation on the prevention and suppression of crimes related with human trafficking.*

***Keywords:** purchase and sale of people, sexual and labor exploitation, law enforcement agencies, combating human trafficking.*

На сегодняшний день в Республике Таджикистан одной из наиболее актуальных проблем в области защиты конституционных прав и свобод стала проблема обеспечения личной неприкосновенности и создания безопасных условий жизни граждан. Тревогу вызывает не

только то, что в стране отмечается, по словам главы государства Эмомали Рахмона, «стремительный рост преступлений такого весьма опасного вида, как торговля людьми» [1], но и тот факт, что более 80 % преступлений данного вида совершаются группой лиц по предварительно-

му сговору, организованной преступной группой и преступным транснациональным сообществом с пересечением границ двух или более государств.

Деяния подобного рода давно осуждаются мировым сообществом. Так, во Всеобщей декларации прав человека говорится, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность. Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии, рабство и работорговля запрещаются во всех их видах» [2]. Несмотря на наличие множества иных международных правовых актов и норм национального законодательства, обеспечивающих борьбу с этим негативным явлением, можно констатировать, что до сих пор не сформировалось единого понимания термина «торговля людьми». Республика Таджикистан не является исключением.

Следует оговориться, что некоторые шаги в этом направлении все-таки сделаны. Так, понятие «торговля людьми» нашло свое закрепление в ст. 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (далее – Протокол). Согласно Протоколу торговля людьми буквально означает «осуществляемые в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения, или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо» [3].

В целях выполнения международных обязательств в гл. 17 «Преступления против личной свободы, чести и достоинства» Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее – УК РТ) введена

ст. 130.1 «Торговля людьми», которая определяет уголовно-правовые признаки данного состава преступления как «осуществляемые в целях эксплуатации (эксплуатация проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органа и (или) ткани) вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо» [4].

Почти аналогично торговля людьми квалифицируется ст. 1 Закона Республики Таджикистан «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми», в которой говорится, что «Торговля людьми – это купля-продажа человека либо совершение в отношении него иных сделок, а равно осуществляемые, независимо от согласия жертвы, в целях ее эксплуатации или извлечения незаконной выгоды иным способом, предложение, вербовка, перевозка, укрывательство, передача, или получение человека с использованием принуждения, обмана, злоупотребления виновным своим служебным положением, злоупотребления доверием или уязвимым положением жертвы торговли людьми, либо подкупа лица, в зависимости от которого она находится» [5]. Необходимо отметить, что законодатель отказался от простой формулировки данного деяния и включил в диспозицию ст. 130.1 УК РТ все случаи, относящиеся к торговле людьми.

Вместе с тем единой точки зрения по существу данного вопроса так и не выработано. Некоторые авторы считают не вполне удачным международно-правовое определение понятия «торговля людьми». Так, по мнению М. Ю. Буряк,

оно «страдает громоздкостью и излишними деталями» [6].

Видимо, это вызывает определенные трудности и при квалификации данного вида преступления на уровне норм национального права. Например, сравнительный анализ ст. 130.1 УК РТ и ст. 3 Протокола демонстрирует буквальную имплементацию в национальное законодательство норм международного акта. В то же время с позиции объективной стороны данного преступления его квалификация по упомянутой статье УК РТ выглядит не совсем корректно.

Первостепенной проблемой, на наш взгляд, является не совсем удачный выбор названия статьи, что отмечено рядом ученых после принятия Закона Республики Таджикистан «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми» [5]. Законодатель в названии нового закона вместо «купля-продажа людей» использовал термин «торговля людьми». Статья 1 Закона содержит оба этих термина, однако определяются они по отдельности. На наш взгляд, возникла терминологическая путаница, но изменения в название ст. 130.1 УК РТ (а именно в таджикской языковой редакции) до сих пор не внесены, что только усугубляет проблему. Здесь следует указать на то обстоятельство, что в русской редакции УК РТ используется термин «торговля людьми», в то время как в таджикском варианте это понятие буквально переводится как «купля-продажа людей» (на таджикском языке – «хариду фуруши одамон»). Налицо явное противоречие, которое требует более внимательного отношения к обозначенной проблеме.

Несоответствие перевода названия ст. 130.1 УК РТ с государственного (таджикского) языка на русский язык влечет еще и трудности стилистического плана. Следует согласиться, что исходя из содержания диспозиции название данной статьи более удачно звучит на русском языке, так как термин «торговля» включает в себя не только куплю и продажу,

но и другие действия, не охватываемые термином «купля-продажа».

Есть и другие мнения. Так, Т. Ш. Шарипов, Ф. Х. Рауфов, А. И. Сафаров, Б. Н. Рахматджонов в своих исследованиях подчеркивают, что ст. 130.1 УК РТ необходимо назвать «Торговля человеком» [7], но они не поясняют, с какой целью этот термин надо употреблять в единственном числе. По нашему мнению, разногласия не по поводу термина «людьми» или «человеком», а из-за термина «купля-продажа». Предлагаем ст. 130.1 УК РТ назвать все же «Торговля людьми», потому что:

– во-первых, в ст. 1 Закона Республики Таджикистан «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми» используется термин «торговля людьми», а не «торговля человеком»;

– во-вторых, название ст. 130.1 УК РТ в русской редакции звучит именно как «торговля людьми», что сближает не только терминологическое, но и смысловое наполнение уголовно-правовых норм Российской Федерации и Республики Таджикистан, тесно взаимодействующих по вопросам борьбы с данным видом преступлений.

В связи с этим, учитывая ранее высказанное и на основании нового законодательного определения, было бы целесообразно изменить название ст. 130.1 УК РТ: вместо термина «купля и продажа людей» использовать термин «торговля людьми». Еще одним минусом является повторение в тексте ст. 130.1 УК РТ ряда признаков преступления, отягчающих ответственность, в их числе: «с применением насилия или угрозы ее применения» (п. «г» ч. 2); «с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации» (п. «д» ч. 2) «должностным лицом или представителем власти с использованием своего служебного положения либо иным лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации» (п. «е» ч. 2),

что недопустимо с точки зрения соблюдения правил юридической техники.

Эти упущения в законе могут привести к таким нежелательным последствиям, как: а) сложность в квалификации деяний лица, несоответствие принципу законности, равенства всех перед законом и справедливости, нарушение требований положений Общей и Особенных частей УК РТ; б) возникновение сложностей в правоприменительной практике правоохранительных органов; в) создание условий для коррупционных действий. В связи с этим было бы правильнее предусмотреть эти признаки только в ч. 2 ст. 130.1 УК РТ, а из текста диспозиции статьи убрать.

Другим важным недостатком, требующим своего решения, является дублирование ст. 130.1 «Торговля людьми» и ст. 130.2 «Использование рабского труда» УК РТ. Наличие данной статьи является абсолютно необоснованным подходом в формировании корректных профильных, уголовно-правовых инструментов противодействия торговле людьми. Дело в том, что рабский труд и соответственно его использование являются одним из видов эксплуатации, предусмотренных ст. 130.1 УК РТ, следовательно, лица, получающие человека, находящегося в состоянии рабства, осведомленные об этом и далее использующие его труд, могут быть привлечены по ст. 130.1 УК РТ. Поэтому необходимости в статье нет, ее наличие приносит лишь путаницу в вопросах уголовной квалификации по делам о торговле людьми.

С другой точки зрения, данная статья вообще выглядит сомнительной, поскольку исходя из заложенной здесь логики получается, что использование рабского труда в Таджикистане запрещено, а использование других видов эксплуатации человека, таких как принудительный труд, сексуальная эксплуатация и многое другое, вообще не является проблемой. Таким образом, предлагается полностью исключить ст. 130.2 из УК РТ.

Другой немаловажной проблемой, требующей своего решения, является коллизия между ст. 130.1 «Торговля людьми» и ст. 132 «Вербовка людей для эксплуатации» УК РТ, которая, во-первых, вызывает трудности в общепринятом толковании этих норм, иногда влекущих перекалфикацию преступлений данного рода, во-вторых, создает благоприятные условия для совершения коррупционных правонарушений. Если рассмотреть объективную сторону этих преступных деяний, выясняется, что все признаки ст. 132 УК РТ «Вербовка людей для эксплуатации» включены в диспозицию ст. 130.1 «Торговля людьми», поскольку торговля людьми включает в себя все виды эксплуатации независимо от их форм и видов. К сожалению, на практике свыше 75 % лиц, занимающихся вербовкой людей для сексуальной эксплуатации или другими видами незаконной эксплуатации, привлекаются к уголовной ответственности по ст. 132 УК РТ, хотя эти преступные деяния включают в себя все признаки ст. 130.1 УК РТ. В их числе лица, которые для получения прибыли вывозят другое лицо за пределы Республики Таджикистан с целью склонения к занятию проституцией. Во многих случаях за это деяние назначается наказание в соответствии с п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РТ на срок от 5 до 12 лет лишения свободы, хотя в этих преступных деяниях налицо состав преступления, предусмотренный п. «ё» ч. 2 ст. 130.1 УК РТ, и лицо должно быть привлечено к уголовной ответственности с лишением свободы на срок от 8 до 12 лет с конфискацией имущества и без права на амнистию.

Данная квалификация не соответствует требованиям ч. 2 ст. 46 УК РТ, в которой ясно указана цель назначения наказания [4]. В связи с тем, что предусмотренное ст. 130.1 УК РТ наказание является более тяжким, а в случае квалификации по ст. 132 УК РТ есть вероятность освобождения по амнистии, нарушители всеми средствами и способами стараются, чтобы деяние было квалифи-

цировано именно по этой статье. На это обращают внимание видные ученые Т. Ш. Шарипов и Б. Н. Рахматджонов [7], национальный эксперт по противодействию торговле людьми и принудительному труду Ф. М. Сатторов, эксперт по вопросам реабилитации жертв торговли людьми М. Дж. Бурханова [8] и др. [9], которые предлагают исключить ст. 132 из УК РТ.

Если проанализировать диспозиции ст. 130.1 и ст. 132 УК РТ, то выясняется, что диспозиция ст. 130.1 включает в себя все элементы ст. 132, и исключение этой статьи позволит гармонизировать и упорядочить нормы уголовного законодательства, избежать дублирования, а также обеспечить правильную квалификацию преступления «вербовка людей в целях эксплуатации». Наличие же нормы ст. 132 УК РТ с точки зрения логики – контрпродуктивно, поскольку охватывает всего лишь один элемент многосоставного преступления, ранее закрепленного в диспозиции ст. 130.1 УК РТ.

Другим спорным вопросом является объединение ст. 167 «Торговля несовершеннолетними» со ст. 130.1 «Торговля людьми» УК РТ. Если проанализировать состав этих двух норм, то выясняется, что признаки составов этих преступлений очень схожи. Эти нормы в основном отличаются жертвами преступления, одно лицо из которых является совершеннолетним, а другое – несовершеннолетним. Основным непосредственным объектом торговли несовершеннолетними и объектом торговли людьми является свобода человека. Дополнительным непосредственным объектом преступления является нормальное психолого-физическое развитие, жизнь и здоровье, права и интересы человека. Основным недостатком ст. 130.1 УК РТ – отсутствие возрастной дифференциации фигурантов. Таким образом, представляется необходимым дополнить ст. 130.1 УК РТ отдельным пунктом, отражающим уголовно-правовую позицию государства, направленную на защиту несовершеннолетних от эксплуатации, что

стало бы адекватной реакцией на требования международных актов.

Хотелось бы также отметить, что спорным является законодательный подход, в котором отсутствует четко заявленная дифференциация уголовно-правовой ответственности, учитывающая степень общественной опасности, защиту интересов детей и семьи при различных формах проявления данного преступления. Например, не принимается во внимание разница между торговлей несовершеннолетними с целью их эксплуатации и вынужденной возмездной передачей детей в благоприятные семьи для улучшения их социального статуса.

Кроме того, государственно-правовая позиция по торговле детьми характеризуется своей противоречивостью в связи с наличием двух принципиально разных законодательных подходов, приведших к сложной юридической дилемме. Дело в том, что диспозиция ст. 167 УК РТ не предусматривает такой ключевой признак, как «эксплуатация», а включает в себя элемент «купли-продажи».

Статья 167 УК РТ имеет еще один недостаток, который заключается в том, что в ней речь идет только о «возмездной» передаче несовершеннолетнего лица. Значит, передача ребенка без соответствующей «оплаты» в соответствии с приведенной диспозицией не влечет уголовной ответственности. Но можно представить ситуацию, когда ребенок против его воли передается иному лицу в качестве своеобразного «дара».

Мы согласны с мнением А. А. Абдурашидова и М. П. Хайдарова о том, что не соответствует социальным ожиданиям и противоречит уголовной политике государства включение ст. 167 «Торговля несовершеннолетними» в гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» УК РТ, поскольку разделы данной главы Особенной части уголовного закона составлены с учетом аналогии объекта преступления [10].

Во многих кодексах зарубежных стран торговля несовершеннолетними

включена в состав торговли людьми. Например, эта проблема решена в п. «б» ч. 2 ст. 127.1 гл. 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» Уголовного кодекса Российской Федерации [11]. Наиболее эффективным способом в разрешении возникшей проблемной ситуации было бы исключение данной статьи из УК РТ с одновременным добавлением в ч. 2 ст. 130.1 дополнительного квалифицирующего признака – «в отношении несовершеннолетнего», как это уже было указано ранее. Думается, исключение из УК РТ этих статей будет способствовать внесению ясности в уголовно-правовую статистику, учет международных стандартов в части результативности уголовного преследования и повышения результатов правоохранительной деятельности органов внутренних дел страны.

Так, согласно статистическим данным Главного информационно-аналитического центра МВД Республики Таджикистан за 2004 – 2016 гг. в республике было зарегистрировано 68 преступлений, связанных с торговлей людьми (ст. 130.1), 240 преступлений – с вербовкой людей для эксплуатации (ст. 132) и 167 преступлений – с торговлей несовершеннолетними (ст. 167). Если взять все уголовные дела, возбужденные по ст.ст. 130.1, 132 и 167 УК РТ, получается весьма серьезная сумма – 475 преступлений (7-кратное увеличение роста показателей), что отчетливо показывает противоречивость сложившегося положения с правильной квалификацией и статистическим учетом преступлений, связанных с торговлей людьми (табл. 1).

Таблица 1

Количественное соотношение совершенных преступлений по ст.ст. 130.1, 132 и 167 УК РТ с 2004 по 2016 гг. (%)

Ст. 130.1 (Торговля людьми)	14 %
Ст. 132 (Вербовка людей для эксплуатации)	51 %
Ст. 167 (Торговля несовершеннолетними)	35 %

Исходя из анализа содержания вышеприведенных дефиниций, можно дать следующее определение уголовно-правовой категории: «Торговля людьми – это получение любого человека для любой цели или иное незаконное соглашение об их передаче или любые деяния в любой форме, направленные на эксплуатацию других лиц, с целью извлечения незаконной выгоды путем вербовки, похищения, перемещения, передачи, об-

мана или злоупотребления доверием, принуждения, шантажа или иными способами».

На наш взгляд, внесение ясности в уголовно-правовую квалификацию преступлений, связанных с торговлей людьми, будет способствовать активизации государственных мер, направленных на противодействие данному негативному социальному явлению.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на заседании Совета безопасности страны 17 февраля 2015 г. // URL: <http://www.president.tj/ru/node/8285>. (дата обращения: 18.05.2017).

2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // URL: <http://mmk.tj/international-legal-documents> (дата обращения: 18.09.2017).
3. Роль конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в становлении международных стандартов по борьбе с преступностью. Доклад ООН. A/RES/55/25 // URL: <http://www.center-bereg.ru/o3311.html> (дата обращения: 19.10.2017).
4. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. // Ахбори Маджлиси Оли (Парламент) Республики Таджикистан. 1998. № 9. Ст.ст. 68, 69 (в редак. Закона Республики Таджикистан от 24 февраля 2017 г. № 1380; от 28 августа 2017 г. № 1467) // Централизованный Банк Правовой Информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан (дата обращения: 22.11.2017).
5. Закон Республики Таджикистан «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми» от 26 июля 2014 г. № 1096 // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан // Централизованный Банк Правовой Информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан (дата обращения: 22.10.2017).
6. Буряк М. Ю. Торговля людьми и борьба с ней: монография. Владивосток: Дальневост. ун-т, 2006 // URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie59424.html> (дата обращения: 17.09.2017).
7. Шарипов Т. Ш., Рауфов Ф. Х., Сафаров А. И., Рахматджонов Б. Н. Противодействие торговле людьми (на тадж. языке). Душанбе: «Международная организация по миграции», 2015.
8. Хайдарзода З. П., Хайдарзода М. П. Уголовно-правовая природа торговли людьми (на тадж. языке): научно-методическое пособие. Душанбе: «ЭР-граф», 2017.
9. Муртазакулов Дж. С., Раджабов Р. М., Назаров Д. Д., Нурализода С. М., Рауфов Ф. Х., Холлов С., Нозиров Н. А. и др. Рекомендации по ряду правовых подходов в сфере противодействия торговле людьми. Душанбе, Издательство «Ирфон», 2017.
10. Абдурашидов А. А., Хайдаров М. П., Хайдарзода М. П. Основная часть Уголовного кодекса и его значение в теории и на практике (на тадж. языке) // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. Вып. № 2 (20). Душанбе: «Бухоро», 2013.
11. Уголовный кодекс РФ: принят Федеральным законом от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. 17.04.2017) // URL: www.consultant.ru (дата обращения: 05.05.2017).

© Хайдарзода З. П.

УДК 343.9.02(470)

В. А. ГУСЕВ, первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе), доктор юридических наук, доцент (г. Омск)

V. A. GUSEV, first deputy chief of the Omsk academy of the Ministry of internal affairs (for academic work), doctor of law, associate professor (Omsk)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КАЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

CURRENT TRENDS OF QUALITATIVE CHANGES IN ORGANIZED CRIME

Аннотация. В статье представлен научный анализ внутренних механизмов образования и функционирования преступных организаций на рубеже XX и XXI веков. Автором предпринята попытка оценить современное состояние организованной преступности и дать прогноз развития криминальной обстановки на ближайшее время.

Ключевые слова: преступные сообщества, коррупция, терроризм.

Annotation. The article presents a scientific analysis of the internal mechanisms of education and functioning of criminal organizations at the turn of the 20th and 21st centuries. The author makes an attempt to assess the current state of organized crime and give a forecast of the development of the criminal situation in the near future.

Keywords: community crime, corruption, terrorism.

Преступная деятельность, направленная на получение стабильной и масштабной экономической выгоды, априори предполагает организованные формы своего существования. Созданные на каком-либо экономически выгодном криминальном направлении преступные сообщества как весьма мобильные организации ищут иные сферы извлечения криминальной прибыли. На современном этапе – это прежде всего сырьевые ресурсы (например, преступные группировки Сибири и Дальнего Востока) и бюджетное финансирование (более характерное для преступных организаций южных регионов России). Ситуация усугубляется наличием оффшорных инструментов укрытия преступных доходов, развитием информационных технологий в системе финансовых расчетов (криптовалюта), с одной стороны, и обострением международной обстановки с последовавшими санкционными войнами – с другой. В связи с этим полагаем, что назрела необходимость изучения современных тенденций в организованной преступности через призму имеющихся результатов ранее проведенных исследований.

Действительно, основные признаки, характеризующие преступное сообщество, были установлены криминологами достаточно давно. Так, В. В. Лунеев отмечает, что «преступное сообщество – это устойчивое объединение лиц, в котором имеется или формируется: финансовая база; иерархическая структура; четкое распределение ролей; жесткая дисциплина; наличие жестоких санкций. На основе этих признаков криминологи выделили пять основных подсистем в высокоразвитых преступных объединениях: 1) обеспечение функционирования преступного объединения; 2) обеспечение безопасности; 3) финансирование; 4) информаци-

онное обеспечение; 5) неформальные, «субкультурные» нормативные предписания» [1, с. 25 – 26, 59 – 60].

Указанные признаки достаточно статичны и продолжают сохраняться в настоящее время. Вместе с тем анализ данных свойств, характеризующих преступное сообщество, позволяет провести прямые аналогии с легальными корпорациями и холдингами. Действительно, при изучении крупных организованных преступных формирований было установлено, что они имеют единый центр, концентрирующий в себе стратегическое управление структурными элементами. Мы полагаем, что здесь проявляется отмеченная социологами объективная закономерность, которая заключается в стремлении любой организации к построению структуры по форме пирамиды [2, с. 53]. Более того, и легальное, и преступное объединение должно быть рентабельным, т. е. в процессе своей деятельности приносить прибыль, иначе ожидается крах.

Различие заключается в том, каким путем и посредством чего достигается данная цель. Отличительным признаком преступных сообществ является особенность их функционирования. В настоящее время российская организованная преступность характеризуется единством целей получения сверхприбылей, достижения необходимого государственно-властного порядка и обеспечения клановых интересов, симбиоз легальных и криминальных видов деятельности для достижения необходимого результата (от использования пробелов в законодательстве, обмана, подкупа до совершения убийств и террористических актов). В этой связи любая классификация видов ее деятельности в определенной мере носит весьма условный характер, ученые-криминологи выступают против выделе-

ния каких-либо видов организованной преступной деятельности [1, с. 5].

Соглашаясь с данным научным суждением, отметим, что если в масштабе всей преступной организации сложно выделить какой-либо конкретный вид преступной деятельности, то криминальную направленность или специализацию ее структурных элементов определить можно. Основываясь на этом, полагаем, что организованная преступная деятельность обладает общими признаками, характеризующими ее общественную опасность, определяющими основные черты уголовно-правового и оперативно-разыскного воздействия, и частными признаками, характерными для отдельных видов организованных преступлений, обуславливающих специализацию внутри общих направлений.

Таким образом, если стратегическая цель преступной организации – стабильное получение сверхприбыли противоправными способами, то отдельные ее структурные элементы либо совершают определенные преступления, направленные на получение этой прибыли (вымогательство, мошенничество и т. п.), либо обеспечивают безопасное и стабильное функционирование преступной организации (коррупционное прикрытие, устранение конкурентов и т. п.). Проведенный нами анализ практики подразделений ОВД по борьбе с организованной преступностью показал, что 90 % организованной преступной группы (далее – ОПГ) специализируются на определенном виде преступной деятельности, при этом лишь варьируются обстоятельства совершения преступлений. Так, например, ОПГ, специализирующаяся на мошенничестве, может изменять место, время, объект и способ его совершения, но не станет менять своей специализации и перекавалифицироваться на вымогательство.

Исходя из этого, мы определили следующие основные специализации ОПГ в составе преступных сообществ: 1) корыстная направленность (мошенничества, присвоение и растрата, иные виды

замаскированных хищений денежных средств и материальных ценностей); 2) корыстно-насильственная направленность (вымогательство, разбойные нападения и т. п.); 3) насильственная направленность (убийства, уничтожение имущества и т. п.).

Такая специализация формирует профессионализм [3; 4; 5; 6] и необходимые навыки преступной деятельности, которые позволяют ОПГ маскироваться и существовать достаточно длительное время. Чем дольше они действуют, тем выше их профессионализм, богаче опыт участников. Вместе с тем длительность существования преступной группы, степень ее устойчивости и организованности, реальное достижение поставленных преступных целей во многом зависят от ее состава [7, с. 15].

В связи с этим представляет научный и практический интерес сам процесс формирования ОПГ. В психологической литературе отмечается, что образование малых групп (преступные группы являются их разновидностью) может происходить по двум направлениям: 1) когда становление группы происходит при условии одновременного вступления в нее всех участников, в данном случае следует изучать процесс формирования групповой сплоченности, групповых норм и ценностей; 2) когда человек входит в уже функционирующую группу, принимает нормы групповой жизни, необходимо исследовать феномен давления данной группы на индивида [8, с. 260].

В юридической литературе основное внимание при рассмотрении вопроса о формировании ОПГ уделяется приемам вовлечения новых участников в уже действующие преступные группы, тогда как процесс первоначального объединения преступников недостаточно изучен. Восполняет данный пробел А. Е. Чечетин, который в своем исследовании выделяет два основных способа формирования ОПГ: 1) целенаправленное объединение лиц для совершения преступлений; 2) постепенная самоорганизация стихийно

возникшей группы с антиобщественной направленностью [9, с. 5]. Проведенное нами исследование показало, что 38 % изученных ОПГ сформировались первым способом (при этом в 87 % случаев их участники являлись ранее судимыми), 62 % ОПГ – вторым способом (здесь преобладают несудимые участники – 91 %).

Кроме того, нами была выявлена следующая закономерность: при первом способе формирования состав участников ОПГ изменялся крайне редко (лишь в 17 % случаев), тогда как при втором способе формирования состав ОПГ претерпевал значительные изменения в 56 % случаев. Мы полагаем, что данное обстоятельство обуславливается тем, что в первой ситуации участники преступной группы заранее оговаривают вопросы взаимоотношений, распределения ролей и прибыли, в то время как во второй ситуации довольно длительный период становления этих внутригрупповых отношений сопровождается разногласиями и конфликтами, которые, как правило, приводят к изменению их состава. Таким образом, можно сделать вывод, что чем выше степень организованности преступной группы, тем крепче сплоченность и психологические взаимоотношения ее членов [10].

В некоторой степени данный тезис подтверждает изучение этнических преступных групп, процесс формирования которых протекает на фоне национальных устоев и традиций. Как отмечают ряд исследователей, по сравнению с другими преступными формированиями этнические преступные сообщества носят более сплоченный характер, поскольку корыстные интересы подкрепляются общностью национальной (религиозной) и клановой психологии [11].

Процесс формирования и развития структурных элементов преступных сообществ соответственно влияет на формирование и трансформацию всего преступного сообщества в целом. Как показывает анализ формирования изученных нами преступных организаций (сообществ), консолидация их участников из-

начально происходила либо вокруг ярко выраженного лидера, либо вокруг активно действующей и авторитетной в преступной среде ОПГ. В последующем, если преступное сообщество и его руководители не справляются с внутренними противоречиями, данная криминальная структура деградирует. В случае позитивного, с точки зрения участников преступного сообщества, развития событий в преступных формированиях постепенно отпадают ненужные элементы и образуются новые – происходит оптимизация структуры преступной организации [12]. В этой же плоскости лежит также такая особенность функционирования преступных организаций, как дискретность ответственности его структурных ОПГ. Разрыв любого элемента цепи на нижних иерархических ступенях сообщества не может привести к разрушению всей его системы. В лучшем случае речь может идти лишь о разрушении участка цепи такого рода, который со временем заменят новые звенья [1].

Именно это обстоятельство обуславливает другое качество преступных сообществ – их высокую регенеративную способность. В случае потери одного из структурных элементов (участника или ОПГ), вследствие столкновений с конкурирующими преступными формированиями или привлечения к уголовной ответственности преступная организация в кратчайшие сроки восполняет утраченные звенья путем перегруппировки имеющихся сил, а затем вовлечения в организованную преступную деятельность новых участников.

В свою очередь дискретное построение системы преступной организации и ее регенеративная способность во многом определяют стремление большинства организованных преступных формирований к расширению своей деятельности и сферы влияния как в преступной, так и в легальной среде. Намечилось стремление преступных объединений к захвату ключевых позиций в экономике путем сочетания насилия как

средства борьбы за сферы влияния с рыночными формами легального и теневого бизнеса [13]. Следствием этого стремления является укрупнение преступных формирований путем поглощения более слабых группировок, что приводит к перделу территорий и сфер влияния.

Однако исследование преступных организаций показывает, что помимо центростремительных, объединительных факторов в их внутренней структуре присутствуют центробежные силы, что приводит к выходу из особенно крупных группировок отдельных организованных криминальных формирований [14]. Во многом это обуславливается приобретением авторитета и осознанием самодостаточности отдельных участников преступной организации, занимающих лидирующие позиции в структурных ОПГ. Катализатором разделения преступных организаций на отдельные преступные формирования может выступать столкновение интересов структурных элементов или гибель руководителя преступной организации. В этой связи представляет интерес изучение личности преступного авторитета, лидера преступного сообщества. Ранее авторитеты преступной среды подчинялись воровскому закону, который запрещал заниматься какой-либо общественно полезной деятельностью, вели скрытный образ жизни [3, с. 86 – 87].

В настоящее время лидер преступной организации часто занимает высокое положение в обществе, не противостоит, а стремится использовать сложившиеся социальные отношения для достижения целей преступной деятельности. Такого организатора в большей мере характеризует высокая социализация, коммуникативность, двуличность, хитрость, обладание развитыми интеллектуальными способностями и социальным опытом, стремление к «легализации» преступной деятельности. Поэтому для регулирования отношений в группе на первое место выходит положение организатора в обществе, «деловые» контакты в органах государственной власти, коммерческих и

иных организациях, соответствующий уровень образования, обладание значительными денежными средствами (капиталом). Для обеспечения своей преступной деятельности, придания ей легального прикрытия организаторы часто принимают меры для создания внешнего, специально подчеркнутого законопослушного образа жизни.

Вкладывая большую часть доходов от преступной деятельности в легальный бизнес, организаторы преступной деятельности приобретают статус крупных бизнесменов, руководителей или учредителей различных предприятий. По существу на основе «экономической легализации» доходов от преступной деятельности происходит «социальная легализация» криминальных авторитетов. Это позволяет им стабильно получать прибыли преимущественно в легальном секторе экономики и тем самым значительно снижает угрозу привлечения их к уголовной ответственности. Симптоматичным в этой связи является вовлечение в организованную преступную деятельность специалистов в сфере предпринимательской и банковской деятельности, чиновников государственных органов, контролирующих экономическую деятельность.

Вместе с тем теневой финансовый капитал является экономической основой (базисом) организованной преступности, промежуточным звеном в неразрывной связи между криминальными источниками дохода и легальной сферой экономической деятельности. Следует учитывать, что легальные предприятия, в функционировании которых используются преступные доходы, фактически попадают в сферу теневой экономики. Об этом свидетельствуют результаты проведенного исследования, опрошенные оперативные работники указали, что:

– полученные доходы от преступной деятельности организованных преступных формирований (наркобизнес, криминальный автобизнес, торговля оружием и пр.) вкладываются в различные теневые сферы экономики (используются

в финансово-кредитной сфере, строительстве, нефтебизнесе и пр.);

– денежные средства теневой экономики используются для финансирования организованных преступных формирований (отчисляются в «общак», закупается оружие и специальные технические средства и пр.);

– организованные преступные формирования используют теневыми дельцами для реализации экономических интересов и разрешения хозяйственных споров (заказные убийства, возврат долгов, организация нападений на конкурентов и пр.) [15].

Таким образом, в конце 1990-х и начале 2000-х годов симбиоз организованной преступности и теневой экономики имел два аспекта. Преступные сообщества использовали представителей теневой экономики для вложения денежных средств, полученных преступным путем, в легальный оборот и финансирование организованной преступной деятельности, которые в свою очередь использовали организованные преступные формирования для решения своих экономических проблем.

Необходимо учитывать также прочную систему латентности организованной преступной деятельности, включающую как традиционные [16], так и «собственные» [17] причины. По данным различных исследований, число реально совершаемых преступлений организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями) превышает число официально регистрируемых преступлений, совершаемых этими формированиями в несколько раз. Так, Н. Ф. Кузнецова и Г. М. Миньковский в результате анализа экспертных оценок латентности преступлений, совершаемых организованными группами, приходят к выводу о том, что этот показатель «вдвое-втрое выше латентности всей преступности» [18].

Данное обстоятельство во многом обуславливается коррупционным прикрытием организованной преступной

деятельности. По различным оценкам, на подкуп государственных служащих примерно тратилось до 30 – 50 % преступных доходов [19, с. 11; 20, с. 66]. Эти средства использовались в различных коррупционных технологиях, которые не ограничивались примитивным взяточничеством. Лоббизм, протекционизм, взносы на политические цели, переход политических и государственных деятелей на должности почетных президентов корпораций и частных фирм и другие завуалированные формы коррупции в то время получили самое широкое распространение в стране.

Интервьюирование сотрудников правоохранительных органов в 2001 году показало, что организованные преступные формирования для совершения преступлений и уклонения от ответственности поддерживали коррупционные связи в органах местного самоуправления; исполнительных органах субъектов Российской Федерации; правоохранительных органах; представительных органах субъектов Российской Федерации; территориальных органах федеральных ведомств. На современном этапе наметилась тенденция проникновения представителей организованной преступности новой формации во властные структуры. На основании имеющихся данных можно сделать вывод о том, что преступные сообщества имеют надежных лоббистов на местном и региональном уровнях исполнительных органов государственной власти.

На наш взгляд, это объясняется наличием в распоряжении указанных государственных органов действенных рычагов власти на определенных территориях, объектах, представляющих экономический интерес для преступных организаций. Отдельные преступные сообщества активно используют государственные силы и средства для извлечения противоправных доходов. При этом такие преступные сообщества активно культивируют экстремистские настроения в обществе и используют террористические группы, формируемые из числа ради-

кально настроенной молодежи. С одной стороны, это отвлекает общественность от обсуждения социально-экономических проблем в стране, с другой – позволяет демонстрировать центру сложность обстановки в регионе и свою «активность в борьбе с терроризмом», следовательно, незаменимость на посту государственного деятеля. Ярким примером в этом случае является возбуждение и расследование уголовных дел в отношении многочисленных руководителей Республики Дагестан.

Таким образом, внутрисистемные процессы российской организованной преступности нуждаются в глубоком научном анализе, осуществляемом в дина-

мике, соответствующей ее развитию. Также предпринята попытка представить некоторые результаты научных исследований организованной преступной деятельности, на основе которых можно сделать вывод о завершении этапа экономической и социальной легализации преступных сообществ и их лидеров, некоторой стабилизации и паритетности отношений между ними. Вместе с тем функционирование отмеченных механизмов организованной преступности позволяет сделать прогностический вывод о предстоящих переделах собственности при критических изменениях количественных и качественных показателей организованной преступной среды.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Организованная преступность / под ред. А. И. Долговой, С. В. Дьякова. М.: Криминологическая Ассоциация, 1989.
2. Пригожин А. И. Социология организаций. М., 1980.
3. Вопросы преступной специализации и профессионализма в юридической литературе исследованы достаточно подробно. См. напр.: Гуров А. И. Криминальный профессионализм и борьба с ним (по материалам уголовного розыска). Ч. 1: Понятие криминального профессионализма в историческом аспекте. М., 1983.
4. Вакутин Ю. А. Способы маскировки преступного поведения: учебное пособие. Омск, 1987.
5. Вакутин Ю. А., Клейменов М. П., Царегородцев А. М. Проблема организованной преступности // Проблемы профессионализма и организованности в общеуголовной преступности: межвуз. сб. науч. тр. Омск, 1988.
6. Луговик В. Ф. Оперативный поиск лиц, склонных к совершению краж личного имущества граждан, и оперативно-профилактическое наблюдение за их поведением: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1990 и др.
7. Зырянов В. Н. Групповая преступность женщин и ее предупреждение органами внутренних дел: учебное пособие. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1988.
8. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980.
9. Чечетин А. Е. Раскрытие организованных групповых преступлений аппаратами уголовного розыска. Омск: Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1995.
10. К аналогичным выводам пришли в своих исследованиях и др. ученые. См.: Быков В. М. Криминалистическая характеристика преступных групп: учебное пособие. Ташкент, 1986.
11. Субботина В. М., Смирнова О. Н. Некоторые аспекты формирования этнических преступных групп // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. материалов науч.-практ. конф. Ч. 1. Красноярск, 2001.
12. Куликов В. И. Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности. Ульяновск, 1994.
13. Гриб В. Г. Теоретические и организационно-тактические основы борьбы с организованной преступностью в России: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2001.
14. Бояров В. И. Убийства, совершенные в процессе противостояния организованных преступных группировок (особенности расследования): методическое пособие. Харьков, 1997.
15. Скобликов П. А. Истребование долгов и организованная преступность. М.: Юристъ, 1997.

16. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: НОРМА, 1997.
17. Ванюшкин С. В. Организованная преступность в реформируемой России и направления борьбы с ней: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
18. Криминология: учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М., 1998.
19. Малков В. Д. Организованная преступность как объект криминологического изучения // Проблемы повышения эффективности борьбы с организованной преступностью: сб. научных трудов. М.: Академия управления МВД России, 1998.
20. Плешаков В. А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимодействия организованной преступности и преступности несовершеннолетних. М.: Академия управления МВД России, 1998.

© Гусев В. А.

УДК 343.985.7:343.535.2(470)

Б. Е. БРОНФМАН, преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

B. E. BRONFMAN, teacher of the department of professional training of Ufa of law institute of the Ministry of internal affairs of Russia (Ufa)

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ БАНКРОТСТВОМ

TO THE QUESTION OF THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO MALFUNCTIONS IN BANKRUPTCY

Аннотация. Среди многочисленных видов составов преступлений Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за преступления, связанные с банкротством (ст.ст. 195 – 197 УК РФ). Однако закрепленные в указанных статьях нормы на практике применяются довольно редко. Одной из причин такого положения дел является отсутствие судебной перспективы предоставляемых материалов. Кроме того, в процессе доказывания создают проблемы сами способы преступной деятельности, с виду ничем не отличающейся от законных финансово-хозяйственных операций, в связи с чем процесс доказывания умысла субъекта преступления бывает весьма проблематичным.

Ключевые слова: банкротство, доказательства, законность, банковская деятельность, полиция, преступление.

Annotation. Among the many types of crimes, the Russian Federation Criminal Code provides for criminal liability for the crimes connected with bankruptcy (Art. 195 – 197 of the Criminal Code). However, embodied in these articles the norms applied in practice quite rare. One reason for this situation is the lack of judicial perspective provided materials. In addition, in the process of proving yourself ways to create problems of criminal activity, seemingly no different from legitimate business transactions in connection with which the process of proving the intent of the perpetrator is highly problematic.

Keywords: bankruptcy, evidence, legality, banking, police, crime.

Эффективное обеспечение государственной и общественной безопасности неразрывно связано с противодействием преступности и возможно только при комплексном применении государством специальных сил, средств, форм и методов [1, с. 168]. Для качественного и полноценного раскрытия и расследования уголовных дел, возбужденных по признакам составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 195, 196, 197 УК РФ, как и других преступлений экономической направленности, важным является верное определение предмета преступного посягательства, обстановки совершения противоправного деяния, способа совершения и сокрытия следов преступления, а также установление объекта преступного посягательства и наличия в действии лица преступного умысла.

Многие ученые процессуалисты справедливо разграничивают два понятия: 1) объект преступления как предмет материального или духовного мира, на который направлено преступное деяние; 2) объект уголовно-правовой охраны, т. е. такое состояние окружающей действительности, которое обеспечивает нормальные условия существования общества [2]. Зачастую предметом преступного посягательства при банкротстве выступают права и обязанности, а именно:

– имущество – т. е. все принадлежащие должнику на праве собственности объекты гражданских прав;

– имущественные права – право лица на получение имущества во владение, пользование или распоряжение, вытекающие из гражданско-правовых и иных отношений;

– имущественные обязанности – обязанность должника совершить в пользу кредитора определенное действие;

– сведения об имуществе, его размере и местонахождении – любые данные о наличии у лица какого-либо имущества, о месте его нахождения, полной стоимости и объемах;

– иная информация, касающаяся имущества, имущественных прав или имущественных обязательств;

– бухгалтерские и иные учетные документы, отражающие экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя.

Среди документов, имеющих значение при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, важнейшим является заключение о наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства, которое направляется в производящий расследование орган при установлении факта причинения крупного ущерба [3]. При личном обращении лица в органы расследования его информация обязательно подлежит проверке в ходе оперативно-разыскных и проверочных мероприятий [4]. Чтобы действия лица были квалифицированы по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ, необходимо наличие в материалах проверки по выявлению признаков преднамеренного банкротства документально подтвержденной информации:

– информация о том, с какого момента предприятие стало неплатежеспособным;

– финансовое положение предприятия и его платежеспособность на момент совершения каждой из «банкротных сделок», как изменилось финансовое состояние предприятия после каждой из совершенных сделок, т. е. необходимо установить реальный ущерб, причиненный предприятию от каждой совершенной сделки;

– данные должностных лиц предприятия и их полномочий на момент совершения «банкротных сделок»;

– сумма кредиторской задолженности, период времени и причина ее образования;

– общий размер конкурсной массы и анализ возможности удовлетворить требования всех кредиторов.

В связи с тем, что само понятие «преднамеренность банкротства» со стороны руководства предприятия предусматривает умышленность его действий, направленных на преднамеренное и желаемое доведение предприятия до состояния банкротства, при анализе причин ухудшения финансового состояния предприятия необходимо также учитывать обстоятельства, не зависящие от руководителя. Для этого необходимо при производстве доследственной проверки отбирать объяснения с указанных лиц. Имея в распоряжении вышеуказанные сведения, следователь при решении вопроса о наличии в действии руководителя признаков состава преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ, должен учитывать следующие обстоятельства:

– в первую очередь руководитель при совершении сделки, приведшей к банкротству, должен осознавать, что она должна заведомо ухудшить финансовое положение предприятия и желать наступления неблагоприятных последствий. Важно, чтобы на момент проведения сделки руководителю было известно о претензиях кредиторов и их стремлении заявить эти претензии официально;

– в связи с тем, что состав преступления, указанный в ст. 195 УК РФ, предусматривает обязательное наступление последствий в виде окончательного банкротства фирмы и причинения крупного ущерба конкурсным кредиторам в виде неудовлетворения их кредитных претензий, необходимо учитывать возможное оздоровление предприятия после введения процедуры банкротства или полное удовлетворение требований кредиторов за счет конкурсной массы в процессе конкурсного производства;

– диспозиция рассматриваемой статьи содержит обязательное условие – это причинение крупного ущерба.

В случае, когда причиной умышленного банкротства послужило совершение нескольких сделок, а каждая из них была осуществлена в разное время и разными руководителями, то состав преступления может быть усмотрен лишь в том случае, если в ходе проверки будет установлен сговор всех руководителей, участвовавших в совершении сделок, на преднамеренное банкротство [5, с. 53].

Важнейшим условием при расследовании дел данной категории является сбор первоначального материала, тщательная его проверка и анализ, иначе во многих случаях отпадают поводы и основания для возбуждения уголовного дела по статье банкротство. Исходя из судебной практики, одной из причин, по которой возбужденные уголовные дела подлежат прекращению, является крайне низкое качество проводимой доследственной проверки.

Для достижения положительного результата, а именно возбуждения уголовного дела, при производстве первоначальной проверки одним из первых действий является назначение документальной ревизии. По требованию следователя контрольно-ревизионный орган проводит ревизию в отношении использования средств федерального бюджета, государственных внебюджетных фондов, доходов от имущества (также ценных бумаг), находящихся в федеральной собственности. Результаты проведенной ревизии являются важным документом в осуществлении предварительной проверки, грамотно поставленные вопросы, их полнота помогут следователю в дальнейшем при расследовании уголовного дела.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Габзалилов В. Ф. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности // Евразийский юридический журнал. 2016. № 3 (94).

2. Аксенов С. Г. и др. Курс лекций: в 2 частях / под ред. Ф. Б. Мухаметшина // Часть II. Уфа: УЮИ МВД России, 2009.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Газизова О. В., Бронфман Б. Е. Проблемы квалификации преступлений коррупционной направленности // Успехи современной науки. 2016. Т. 3. № 8.
5. Лонцакова А. Р., Васильченко А. В. Особенности нормативного регулирования допроса подозреваемого (обвиняемого) в уголовно-процессуальном законе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 1.

© Бронфман Б. Е.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.132

С. М. ДАРОВСКИХ, заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Юридического института Южно-Уральского государственного университета (НИУ), доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск)

S. M. DAROVSKIKH, head of the department of criminal procedure, criminalistics and judicial expertise of the Law institute of South Ural state university (NRU) doctor of law, professor (Chelyabinsk)

О. И. ДАРОВСКИХ, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Юридического института Южно-Уральского государственного университета (НИУ), кандидат юридических наук (г. Челябинск)

O. I. DAROVSKIKH, docent of criminal procedure, criminalistics and judicial expertise of the Law institute of South Ural state university (NRU), candidate of law (Chelyabinsk)

СИСТЕМА МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

THE SYSTEM OF COERCIVE MEASURES IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы оптимизации системы мер принуждения. Исследуются предложения ученых в отношении расширения перечня

применяемых мер пресечения и предложения по разработке механизма реализации мер пресечения, обеспечивающих надлежащее поведение участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: меры принуждения, оптимизация, система мер пресечения, механизм реализации мер пресечения.

Annotation. The article deals with the optimization of the system of coercive measures. The proposals of scientists regarding the expansion of the list of applied preventive measures and proposals for developing a mechanism for implementing preventive measures ensuring proper behavior of participants in criminal proceedings are being investigated.

Keywords: coercive measures, optimization, system of preventive measures, mechanism for implementing preventive measures.

Пристальное внимание ученых-процессуалистов к проблемам применения мер принуждения определяется, во-первых, их правовой природой как особым видом мер государственного принуждения, требующим при их применении тщательного соблюдения требований закона о правах и законных интересах участников процесса; во-вторых, как средством, обеспечивающим результативность предварительного расследования и судебного разбирательства, игнорирование которого чревато недостижением назначения уголовного судопроизводства, определенного законодателем в ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации как защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; в-третьих, ограниченным количеством мер принуждения, в связи с чем возникает необходимость расширения перечня указанных уголовно-процессуальных средств, поиска новых альтернативных форм воздействия на участников уголовного судопроизводства.

На некоторые теоретические и практические проблемы, возникающие при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве, хотелось бы обратить внимание. Ученые единодушны в том, что раздел IV уголовно-

процессуального закона и включенные в него главы 12, 13 и 14, классифицирующие меры принуждения на 3 группы, требуют корректировки.

Глава 12 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации до настоящего времени определяет порядок задержания только подозреваемого, хотя с 2003 года в уголовно-процессуальном законе указано на возможность розыска и задержания как подозреваемого, так и обвиняемого [1]. Данное положение закреплено в ч. 3 ст. 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая призвана регулировать именно вопросы розыска, а не задержания. Указанная правовая неопределенность не мешает правоприменителям в случаях необходимости задерживать и обвиняемых. Задержание обвиняемого имеет ряд существенных особенностей, отличающих его от задержания подозреваемого.

К таким особенностям мы относим цели задержания, основания и процессуальный порядок, поскольку часто сразу после задержания обвиняемого ему предъявляется текст постановления о привлечении в качестве обвиняемого, в силу чего нормы, регламентирующие указанную деятельность, должны быть сформулированы в отдельных статьях главы 12 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, содержащих основания задержания обвиняемого, указывающих на цели задержания и регла-

ментирующих процессуальный порядок задержания данного лица.

В науке высказывались идеи относительно расширения перечня мер принуждения. Например, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин, считая создавшуюся практику применения такой меры пресечения, как заключения под стражу, избыточной, предлагает возродить «отобрание вида на жительство», что, по его мнению, будет равнозначно изъятию паспорта [2]. О расширении системы мер принуждения таким образом высказывали свое мнение С. В. Колоскова [3, с. 14, 76], Ю. В. Мельников [4, с. 17 – 19], О. А. Малышева [5, с. 50 – 56] и другие ученые.

В. Д. Зорькин считал целесообразным возвращение такой меры принуждения, как передача под надзор полиции, которая займет место между заключением под стражу и подпиской о невыезде [2]. Суть указанной меры пресечения в том, что за лицом на основании постановления следователя либо дознавателя устанавливается надзор с регулярными проверками, возложением на него определенных ограничений и обеспечением их выполнения, но при этом лицо проживает по месту своего жительства, общается с семьей, продолжает работать. Указанная идея не нова, ее предлагали А. П. Гуляев, Б. Б. Булатов и в настоящее время поддерживают многие процессуалисты [6, с. 157 – 158; 7, с. 60 – 61; 8, с. 10]. Полагаем, что оба предложения вполне приемлемы и их внедрение позволит расширить возможности следователей и дознавателей по созданию оптимальных условий для проведения предварительного расследования в тех случаях, когда не требуется применять жестких ограничительных мер в отношении обвиняемого, подозреваемого.

Весьма интересным представляется предложение Д. А. Воронова, ко-

торый, критично оценивая механизм применения домашнего ареста, предлагает ввести новую меру пресечения – запрет определенных действий [9, с. 21 – 25]. Поддерживая данную позицию, следует отметить, что существующая форма домашнего ареста как мера пресечения с частичной изоляцией, позволяющей покидать место проживания, не оправдывает своего назначения, сущность которого именно в полной изоляции лица. Поэтому предложение Д. А. Воронова оставить только домашний арест с полной изоляцией, но ввести новую меру пресечения – запрет на совершение определенных действий, представляется нам заслуживающим внимания.

Формулируя список запрещенных действий, Д. А. Воронов предлагает расширить уже существующий, добавив в него запрет находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов либо лиц. Кроме того, он включил в указанный список иные действия, совершение которых может повлечь последствия, указанные в пп. 1 – 3 ч. 1 ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Нам представляется, что указанный список запретов либо ограничений не может подлежать расширительному толкованию, поскольку направлен на ограничение прав и свобод человека и гражданина, поэтому в этой части согласиться с Д. А. Вороновым не можем. С другой стороны, полагаем, что в указанный перечень следует добавить еще одно ограничение – заниматься определенной деятельностью, которая по каждому конкретному уголовному делу будет определяться следователем, дознавателем в зависимости от круга интересов лица, обстоятельств уголовного дела, объективной стороны преступления.

Сложно согласиться с предложением С. И. Вершининой, которая

предлагает внести изменения в ч. 7 ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: «При нарушении порядка производства следственного действия и неподчинения участвующих в нем лиц распоряжением дознавателя, следователя нарушитель предупреждается о недопустимости такого поведения и возможности применения к нему мер принуждения, в том числе физической силы» [10, с. 13].

Легализация в уголовно-процессуальном законе возможности применения физической силы, физического воздействия со стороны должностных лиц правоохранительных органов (следователей, дознавателей либо привлекаемых сотрудников органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность) недопустима. Уголовно-процессуальный закон не предусматривает такой меры принуждения, как «применение физической силы», более того, ее применение нарушало бы принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), который прямо запрещает подвергать участников уголовного судопроизводства насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Предварительное расследование – достаточно долгая по времени деятельность, в период которой возможно и прямое неповиновение обвиняемых, подозреваемых законным требованиям следователя или дознавателя. Поведение фигурантов по делу может выражаться и в физических действиях, вплоть до нападения на следователя, дознавателя, однако деятельность по прекращению такого поведения не может регулироваться уголовно-процессуальным законодательством.

Это непроцессуальная деятельность, которая вполне возможна и до-

пустима в ходе предварительного расследования и проведения следственных действий. Также как, например, оказание медицинской помощи обвиняемому, которому она потребовалась в период допроса. Следственное действие прекращается, вызывается бригада скорой помощи и в зависимости от состояния здоровья принимается соответствующее решение, касающееся продолжения прерванного следственного действия.

Если допустить, что предложение С. И. Вершининой будет все-таки принято, то достаточно сложно будет разработать механизм применения физической силы в целях преодоления противодействия. При анализе данного предложения возникает ряд вопросов: к каким участникам процесса будет возможно применение физической силы – это только обвиняемые, подозреваемые либо и свидетели, статисты, потерпевшие, законные представители? В каких случаях действия указанных лиц могут рассматриваться как неподчинение распоряжениям должностных лиц, требующим применения физической силы? Возможно ли разработать какие-либо критерии неподчинения, например, отказ подозреваемого от проведения освидетельствования либо отказ понятого, свидетеля от подписи в протоколе следственного действия могут рассматриваться как неподчинение требованиям с возможным применением физической силы? О какой конкретно физической силе идет речь?

Весьма сложно представить и порядок предупреждения лица о недопустимости поведения, за которым последует либо может последовать применение физической силы. В целом речь должна идти об обязанностях участника уголовного судопроизводства поступать определенным образом, вести себя надлежащим образом. Разъяснение прав и обязанностей должно

сопровождаться отметкой об этом в протоколе следственного действия.

Предугадать поведение лица, которое может вызвать необходимость применения к нему физической силы до начала следственного действия, если и возможно, но достаточно сложно. На наш взгляд, заранее предупредить лицо о возможном применении физической силы недопустимо, поскольку это будет расценено как психическое насилие, угроза, что также не корреспондирует ни с положениями Конституции Российской Федерации, ни с принципами уголовно-процессуального закона.

Таким образом, система мер принуждения в нашем представлении должна выглядеть следующим образом: в название главы 12 должно быть добавлено «и обвиняемого». Меры

пресечения в ст. 98 целесообразно распределить следующим образом: подписка о невыезде; процессуальный надзор полиции; отобрание вида на жительство; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним; залог; запрет определенных действий; домашний арест; заключение под стражу.

Полагаем, что расширение возможности выбора меры пресечения позволит суду, следователям и дознавателям, руководителям следственного органа, начальникам органа дознания, учитывая все нюансы обстоятельств дела, выбирать именно ту меру пресечения, которая будет обоснованной и справедливой по отношению к каждому подозреваемому и обвиняемому.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Российская газета. 2014. № 288.
3. Колоскова С. В. Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014.
4. Мельников В. Ю. Проблемы применения домашнего ареста как меры пресечения // Российское право. 2007. № 3.
5. Малышева О. А. Совершенствование правового регулирования домашнего ареста – условие оптимизации сферы уголовно-процессуального принуждения // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2.
6. Гуляев А. П. Обоснованность предварительного заключения под стражу // XXV съезд КПСС и задачи следственного аппарата. Волгоград, 1977.
7. Булатов Б. Б. Эффективность мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей. Омск, 1984.
8. Гусельникова Е. В. Заключение под стражу в системе мер пресечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001.
9. Воронов Д. А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения // Российский судья. 2016. № 3.
10. Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2017.

© Даровских С. М.
© Даровских О. И.

С. А. ЮНУСОВ, старший преподаватель кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук (г. Челябинск)

S. A. YUNUSOV, the senior teacher of chair administrative and financial law Academy of the Federal penitentiary service of Russia, candidate of law (Chelyabinsk)

М. В. ВОДОПЬЯНОВА, соискатель кафедры теории и истории государства и права Юридического института Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск)

M. V. VODOPYANOVA, applicant of the department of theory and history of the state and law of the Law institute the South Ural state university (Chelyabinsk)

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

CONCEPT AND ESSENCE OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN THE CRIMINAL PROCEDURAL RIGHT

Аннотация. В статье рассматриваются понятие и сущность принципа справедливости в уголовно-процессуальном праве. По мнению авторов, реализация принципа справедливости, равенства и свободы в уголовном судопроизводстве – это правовой императив, необходимость осуществления которого признается во всем мировом сообществе. Справедливость в праве – это основа правового государства, критерий определения уровня законности, демократии, верховенства закона, защиты прав и свобод человека и гражданина в государстве.

Ключевые слова: понятие, принцип, справедливость, уголовно-процессуальное право, принцип справедливости.

Annotation. The article deals with the concept and essence of the principle of justice in the criminal procedural law. According to the authors, the implementation of the principle of justice, equality and freedom in criminal proceedings is a legal imperative, the necessity of which is recognized throughout the world community. Justice in law is the basis of the rule of law, the criterion for determining the level of legality, democracy, the rule of law, the protection of human and citizen rights and freedoms in the state.

Keywords: concept, principle, justice, criminal procedural law, principle of justice.

Все явления в мире пронизаны справедливостью: начиная от получения отметок в школе, заканчивая вынесением обвинительного или оправдательного приговора судом. В житей-

ском смысле слова «справедливость» – это психическое отношение лица к событиям в окружающем мире; апробирование им действительности на основе понимания принципов добра и зла.

В правовой сфере справедливость характеризуется тем, что все совершенные в мире преступные деяния возникают в случае отхождения человеком от принципа справедливости, формально закрепленного в нормах права.

Как полагает Л. М. Аширова, «состояние современной правовой действительности может быть охарактеризовано как наличие «дефицита» справедливости в мире. Это проявляется путем несоответствия международным стандартам законодательства стран мира, роста степени недоверия населения к правоохранительным органам государства, судам. То есть настоящее явление обусловлено прежде всего неприятием гражданами в возможность указанных структур осуществить «восстановление справедливости», осуществить защиту прав и свобод человека» [1].

Согласно Энциклопедии русской цивилизации справедливость – это такое понятие о должном, которое содержит в себе требование о точном соответствии деяния и воздаяния. Это может быть выражено в соответствии прав и обязанностей, вознаграждения и труда, признания и заслуг, преступления и наказания либо в осуществлении соответствия роли различных социальных слоев населения, групп и индивидов в жизни общества, их социального положения в нем [2].

Поскольку термин «справедливость» связан с понятием морали, то рассмотрим теологическую трактовку термина «справедливость». В православном понимании справедливость – это совершенное следование заповедям Божиим. «Изборник 1076 г.» объясняет справедливость так: «Творящим добро воздай почет, творящих зло наказывай. Не оправдывай виновного, даже если он и друг тебе, не обижай правого, даже если он и враг тебе». «Справедливость в нравственном смысле, – пишет В. С. Соловьев, – есть определенное самопожертвование; в пользу чужих прав ограничение своих притязаний.

Справедливость – это не простое равенство, это равенство в исполнении должного» [3].

Данное понятие получило свое развитие и в американской философии новейшего времени. Дж. Роулс в своей работе «Теория справедливости» сформулировал два принципа для понимания справедливости: «Каждый гражданин должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, которые совместимы с такими же схемами свобод для других» [4].

Ученый-процессуалист З. В. Макарова полагает, что нравственная категория справедливости является широким понятием, которое включает в себя иные нравственные и правовые категории. Справедливость тесно взаимосвязана с правом и правами человека, объективностью, истиной, законностью, правосудием. По этой причине она считает, что в уголовном процессе не представляется возможным отделить справедливость как принадлежность нравственности от справедливости, выраженной в уголовном судопроизводстве [5].

На основании вышеизложенного мы можем выделить специфические черты термина «справедливость»:

- 1) нравственная оценка действий лица, которая нашла закрепление в нормативных правовых актах;
- 2) готовность лица пожертвовать личными благами для достижения общественных благ;
- 3) ценности, которые соответствуют высшим идеалам и нашли свое воплощение в законе и др. [2].

В симбиозе указанные специфические черты нашли свое отражение в принципе справедливости, закрепленном в уголовном законодательстве. Так, ст. 6 УК РФ гласит, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной

опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» [6].

Закрепление принципа справедливости в уголовном законе носит неслучайный характер. Например, принцип справедливости в уголовно-исполнительном праве определяется как базисный сверхпринцип, диалектически дополняющий и развивающий иные общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы, обосновывающий функциональную необходимость их существования, определяющий пределы действия других принципов, формирующий ценностные морально-правовые ориентиры и в итоге способствующий торжеству принципа справедливости во всех сферах общественных отношений.

Стоит отметить, что принцип справедливости закреплен только в Уголовном кодексе Российской Федерации, несмотря на то, что справедливость должна пронизывать все отрасли российского законодательства, в том числе и отрасль уголовно-процессуального права. Если обратиться к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [7], то стоит отметить, что любое процессуальное действие должно быть основано на принципе справедливости: при возбуждении уголовного дела, его расследовании, рассмотрении его судом и вынесении приговора.

На стадии предварительного следствия справедливость может быть выражена в разумных сроках уголовного расследования, избрании соответствующей меры пресечения обвиняемому лицу, при совершении преступления группой лиц – определении соответствующей роли каждого участника и т. д. Как полагает С. А. Галактионов, «категория «справедливость» является оценочным понятием. Термины «право» и «справедливость» по своему объективному содержанию близки по смыслу, но не являются тождественными.

Имея воплощение в действующем процессуальном законодательстве, справедливость остается явлением правосознания и нравственности, это один из идеалов, к которому необходимо стремиться» [8].

Можно предположить, что «идеал» к которому нужно стремиться – это справедливо вынесенный судом приговор. Возникает вопрос: на каких аспектах базируется принцип справедливости в уголовном судопроизводстве? Полагаем, что вынесенный приговор должен обладать следующими специфическими чертами:

1) назначенное наказание прямо пропорционально тяжести совершенного деяния. Эта черта прослеживается путем назначения судьей наказания в пределах санкции нормы права, при этом учитывается вся совокупность смягчающих и отягчающих обстоятельств;

2) полностью или частично удовлетворять требования потерпевших;

3) виновное лицо признает себя виновным и полагает, что заслуживает назначенного судом наказания;

4) иные участники уголовного судопроизводства (адвокат, следователь, законный представитель), а также общественность удовлетворены вынесенным приговором.

Идеальная совокупность данных признаков представлена не всегда, например, виновный может не признавать совершенного им преступления, а пострадавший потребовать более строгой меры наказания.

В августе 2017 года Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека опубликовал перечень из двадцати пяти мер, направленных на совершенствование судебной системы. Одна из этих мер была посвящена вопросу отмены судебных решений. Совет полагает, что в настоящее время судебная система часто использует такой критерий эффективности своей деятельности, как статистические данные. Этим может

быть статистика о росте числа обращений в суды, снижении процента обжалования судебных решений, их отмены или изменении [9]. То есть сама по себе «оценка качества работы судьи по данным об отмене вынесенных судебных актов противодействует независимому справедливому правосудию, вынуждая судью заранее выяснять позицию вышестоящего суда, согласовывать с ней будущее решение, чтобы избежать в дальнейшем его критики и отмены» [9].

Отсюда следует еще один критерий справедливости назначенного наказания – суд при вынесении приговора в полной мере должен учитывать личность преступника, его психологические качества, максимально персонали-

зировано подходить к нему. То есть судья должен выносить приговор, основываясь на своей внутренней убежденности в правильности решения, а не боясь наложения дисциплинарного взыскания в случае отмены приговора.

Таким образом, реализация принципа справедливости, равенства и свободы в уголовном судопроизводстве – это правовой императив, необходимость осуществления которого признается во всем мировом сообществе. Справедливость в праве – это основа правового государства, критерий определения уровня законности, демократии, верховенства закона, защиты прав и свобод человека и гражданина в государстве.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Аширова Л. М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2006.
2. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации / сост. О. А. Платонов. М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2000 // URL: http://modernlib.ru/books/platonov_o/svyataya_rus_enciklopedicheskiy_slovar_russkoy_civilizacii/read_1/ (дата обращения: 26.11.2017).
3. Сорокин В. В. Идея справедливости в контексте защиты гражданских прав // Гражданин и право. 2010. № 2. // URL: <http://base.garant.ru/5851417/#ixzz4zWh1Iq4S> (дата обращения: 26.11.2017).
4. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: НГУ, 1995.
5. Макарова З. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2012. № 7 (266) // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 26.11.2017).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 24 мая 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 22 ноября 2001 г., одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 5 декабря 2001 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
8. Галактионов А. С. Принцип справедливости (уголовно-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004.
9. Официальный сайт Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека // URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/publications/read/5158> (дата обращения: 26.11.2017).

© Юнусов С. А.
© Водопьянова М. В.

Э. К. КУТУЕВ, профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)

E. K. KUTUEV, professor of criminal procedure department of the Saint-Petersburg university of the Ministry of internal affairs of Russia, doctor of law, professor (Saint-Petersburg)

О. А. ЧАБУКИАНИ, доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)

O. A. CHABUKIANI, associate professor of criminal law of Saint-Petersburg university of the Ministry of internal affairs of Russia, candidate of law, associate professor (Saint-Petersburg)

НАПРАВЛЕНИЯ ГУМАНИЗАЦИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

THE DIRECTION OF HUMANIZATION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Аннотация. На современном этапе реформирования уголовного судопроизводства предлагаются пути его гуманизации. Основная часть предложений сводится к поиску максимально эффективных способов защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса, разработке должных моделей построения расследования, при которых возможно с соблюдением принципа разумного срока обеспечить качественное, объективное расследование. Данная статья посвящена анализу имеющихся законопроектов и возможных сложностей при реализации Концепции развития уголовной политики РФ «Уголовная политика: дорожная карта (2017 – 2025 гг.)», предлагаются свои пути развития принципа гуманизма на стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: гуманизм, гуманизация уголовного судопроизводства, предварительное расследование; защита прав и законных интересов участников; принципы уголовного процесса.

Annotation. At the present stage of reformation of criminal proceedings the ways of its humanization are offered. The main part of the proposals is to find the most effective ways to protect the rights and legitimate interests of the participants in the criminal process, to develop proper models for the construction of the investigation, in which it is possible to ensure a quality, objective investigation in compliance with the principle of a reasonable time. This article analyzes the existing draft laws and possible difficulties in the implementation of the Concept of the development of the criminal policy of the Russian Federation «Criminal policy: road carat (2017 – 2025)», suggests its ways of developing the principle of humanism at the stage of preliminary investigation.

Keywords: humanism, humanization of criminal proceedings, preliminary investigation; protection of rights and legitimate interests of participants; principles of criminal procedure.

Международный принцип гуманизма [1, с. 61] требует переосмысления существующих форм предварительного расследования с целью выработки наиболее рациональных, эффективных методов доказывания, обеспечивающих своевременную защиту права и законные интересы участников стороны защиты и стороны обвинения. Начинают появляться фундаментальные исследования в сфере уголовного судопроизводства, кардинально меняющие подход не только соотношения частных и публичных интересов в уголовном процессе, но и классических школ уголовного права и уголовного процесса.

Авторы, которые рассматривают проблемы расследования и констатируют необходимость реформирования досудебного производства: И. А. Антонов, М. Х. Гельдибаев, М. И. Грищенко, О. А. Зайцев, В. И. Зубкова, К. Б. Калининский, О. В. Качалова, В. П. Кашепов, Д. В. Ковалева, Н. Е. Крылова, Ю. А. Ляхов, Т. В. Непомнящая, С. А. Новиков, Э. Ф. Побегайло, С. М. Прокофьева, А. В. Смирнов, С. Д. Шестакова и др.

На рассмотрение в Государственную Думу направлены несколько законопроектов, призванных обеспечить рассматриваемый принцип, а именно: проект Федерального закона, предложенный Верховным Судом РФ от 31 октября 2017 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», проект Федерального закона, предложенный Следственным Комитетом Российской Федерации «О потерпевших от преступлений»; Концепция развития уголовной политики Российской Федерации «Уголовная политика: дорожная карта (2017 – 2025 гг.)», предусматривающая гуманизацию практики назначения уголовных наказаний, изменение подходов к определению категорий преступлений и обстоятельств, учитывающих при назначе-

нии наказания. Все указанные акты в той или иной мере затрагивают вопросы досудебного производства.

Исходя из философского понимания гуманизации (процесс воплощения гуманности в отдельные сферы жизни общества) [2, с. 196; 3, с. 9], можно определить гуманизацию уголовного судопроизводства как прогрессивный, обусловленный выбором состязательной модели построения уголовного процесса, вид деятельности законодательных, исполнительных органов, прокурора и суда, направленный на признание и обеспечение прав участника, а равно лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство, основанный на общечеловеческих ценностях и нравственных началах, защищающий его свободу и всестороннее развитие на всех стадиях уголовного судопроизводства, позволяющий достичь должного баланса частных и публичных интересов.

Объем реализации и уровень гуманизации уголовной политики зависит от уровня развития гражданского общества и степени достижения реализации принципа состязательности уголовного судопроизводства. С провозглашения состязательности уголовного судопроизводства в части гуманизации проведен большой объем работы: расширены случаи обязательного участия защитника; предусмотрено участие адвоката за счет средств Федерального бюджета потерпевшему; запрещено производство следственных действий в ночное время, участие понятых, если создается опасность для их жизни или здоровья; ограничивающие конституционные права действия требуют получения судебного решения; усилен судебный контроль; расширен перечень участников, обладающих свидетельским иммунитетом; предусмотрены различные формы предварительного расследования, поощрительные меры при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; предприняты попытки полного обеспечения потерпевшему возмещенного

ущерба; расширен перечень примирительных процедур и т. д.

Таким образом, законодатель пытается обеспечить должный баланс частных и публичных интересов в ходе расследования преступления. Однако гонка за своевременным направлением дела в суд и правом сокращения и упрощения форм может негативно сказаться на другом принципе уголовного процесса – презумпции невиновности. Например, дознание в сокращенной форме предусматривает упрощенную процедуру получения доказательств (ст. 226.5 УПК РФ). При данной форме согласие с предъявленным обвинением сокращает сроки наказания и порождает право на особый порядок судебного разбирательства. То есть доказательства в полном объеме можно не собирать на стадии предварительного расследования, ведь в суде они даже рассматриваться не будут, так как разбирательство пройдет без судебного следствия.

При таком порядке получается, что сроки наказания и объем обвинения зависят от показаний подозреваемого, последующих допросов в указанном выше порядке законом не предусмотрено. Судьи признаются, что даже если они видят, что деяние малозначительно, но обвиняемый согласен с предъявленным обвинением, в большинстве случаев вынесут наказание, несмотря на представленное им право по собственной инициативе вынести постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке (ч. 6 ст. 316 УПК РФ) [3, с. 93].

Потерпевший оказывается без должной защиты своих прав. Законодатель предусмотрел лишь одну категорию потерпевших, имеющих право прибегнуть к помощи адвоката за счет средств Федерального бюджета – несовершеннолетние потерпевшие, не достигшие 16-тилетнего возраста, в отношении которых совершено преступление против половой неприкосновенно-

сти. Такое положение говорит не только о неравенстве прав стороны защиты и обвинения на квалифицированную юридическую помощь, но и делает неравными в правах потерпевших от различных преступлений.

Существенной проблемой остается порядок возмещения вреда, причиненного общественно опасным деянием [4, с. 374; 6]. При достижении максимального построения состязательного процесса следует предусмотреть обязанность государственных органов компенсировать причиненный общественно опасным деянием ущерб потерпевшему.

Эта обязанность исходит из задач уголовного судопроизводства, целей соответствующих подразделений по раскрытию и расследованию преступлений; конституционного принципа государственной защиты прав и свобод граждан. Так как данное положение на сегодняшний день невозможно, то следует предусмотреть хотя бы фонд вещественных доказательств по имущественным преступлениям, позволяющим сохранить вещественные доказательства до судебного разрешения дела, а потерпевшему компенсировать соответствующий эквивалент, тем самым исключив материальные трудности и условия для совершения участником противоправного деяния – реализации имущества, находящегося под обременением. Государство от такого фонда экономически не пострадает, так как после рассмотрения уголовного дела в суде и решения судьбы вещественного доказательства равнозначная сумма будет восстановлена.

Гуманизация предварительного расследования должна реализовываться в следующих положениях:

1) недопустимость применения пыток или жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения, право на гуманное отношение и уважение достоинства личности (ст. 3 Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.); ст. 7 Международного

пакта о гражданских и политических правах (подписан 18 марта 1968 г.); ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (10 декабря 1984 г.); ст. 21 Конституции РФ; ст. 9 УПК РФ);

2) реформирование законодательства в части обеспечения не только прав участников уголовного судопроизводства (возможные изменения мы рассмотрели выше), но и лиц, которые вовлечены в сферу такого судопроизводства без придания статуса. Например: 2.1) статисты; 2.2) лица, проживающие или находящиеся с подозреваемым, обвиняемым при производстве следственного действия в одном помещении, жилище. В ходе данного следственного действия могут быть выявлены сведения их частной жизни, они могут быть подвергнуты личному обыску, но обладать статусом участника будут не всегда; 2.3) лица, проживающие вместе с подозреваемым, обвиняемым, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста; 2.4) лица, ведущие совместное хозяйство с подозреваемым, обвиняемым, нарушившим условия избранной в отношении него меры пресечения в виде залога; 2.5) собственник или иной владелец имущества, на которое наложен арест, ведь таковым не всегда выступает подозреваемый, обвиняемый, но также и лицо, несущее материальную ответственность за действия таких участников; 2.6) законный представитель, не вызванный на допрос в установленном законом порядке; 2.7) лицо, осуществлявшее переговоры с участником, в отношении которого проводилось следственное действие в виде контроля и записи переговоров, получения информации между абонентами и (или) абонентскими устройствами и др. Каждая из названных категорий нуждается в изучении в историческом и зарубежном плане. Так, например, следовало бы заимствовать положение об отселении в

иное жилище подозреваемого, обвиняемого в случае, если проживающие с ним лица не согласны с ограничениями и запретами, налагаемыми судом.

Следующим моментом гуманизации является попытка признать общественно опасные деяния, за которые УК РФ не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, уголовным проступком, наказание за которое не влечет правовых последствий судимости [6]. Этот законопроект вызвал массу споров и дискуссий. Основной спор идет о целесообразности усложнения в понятийном плане, об уходе от классических школ уголовного права и уголовного процесса, изменении подхода к признаку «общественной опасности» и влиянию субъекта, совершающего неоднократно административные правонарушения и уголовные проступки, и повышении объективных признаков преступления – общественной опасности. Хотя именно признание отсутствия связи между данными элементами преступления породило необходимость законодателя исключить квалифицирующие признаки «неоднократности» из квалифицирующих признаков состава.

Таким образом, это лишь малая доля проблем, возникающих на пути обеспечения гуманизации уголовного судопроизводства, в части: 1) деятельности органов предварительного расследования, прокурора и суда, направленной на защиту законных интересов и прав участников уголовного судопроизводства, а также лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства; 2) деятельности, направленной на обеспечение должной защиты граждан от преступных посягательств и возмещение причиненного общественно опасным деянием вреда; 3) назначения справедливого наказания виновным, а равно пересмотра порядка и условий отбывания наказания исходя из поведения осужденного и возникающих объективных обстоятельств (заболевание, амнистия, декриминализация деяния и т. д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов А. В. принципы уголовного судопроизводства: учебное пособие. СПб.: СПбГИЭУ, 2002.
2. Побегайло Э. Ф. Общеправовые принципы в уголовном процессе // Публичное и частное право. 2012. № 4.
3. Крылова Н. Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. 2015. № 8.
4. Стаценко В. Г. Международно-правовые стандарты обеспечения прав жертв преступления и национальное законодательство // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2013. № 6.
5. Юношев С. В. Государственные компенсации жертвам преступлений: зарубежный опыт и российские перспективы // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11-2 (122).
6. Проект Федерального закона, предложенный Верховным Судом РФ от 31 октября 2017 г. «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ в связи с введением понятия уголовного проступка» // Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 42 от 31 ноября 2017 г. // URL: <http://www.vsrfr.ru/files/24307> (дата обращения: 08.02.2018).

© Кутуев Э. К.

© Чабукиани О. А.

УДК 341.13

Р. М. ИСАЕВА, *врио начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)*

R. M. ISAYEVA, *the acting head of the department criminal proceeding Ufa law institute Ministry of internal affairs of Russia, candidate of law, associate professor (Ufa)*

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

SEIZURE OF PROPERTY IN CRIMINAL PROCEEDINGS: QUESTIONS OF LEGAL REGULATION

Аннотация. В статье раскрываются актуальные аспекты института наложения ареста на имущество, анализируются решения Конституционного Суда РФ, а также мнения ученых по рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество; Конституционный Суд РФ; судебный контроль за наложением ареста на имущество; лица, не являющиеся подозреваемыми, обвиняемыми, или лица, несущие по закону материальную ответственность за их действия.

Annotation. *The article reveals the most relevant aspects of the Institute seizure, examines the decisions of the Constitutional Court, as well as the views of scholars on the issues.*

Keywords: *seizure; the Constitutional Court; judicial control over the seizure of property; persons who are not suspects, accused persons or persons who are legally responsible for their actions.*

Наложение ареста на имущество, как и другие институты уголовно-процессуального права, претерпело за последние пятнадцать лет большое количество изменений [1]. Реформы в политической, экономической, правовой и других сферах нашей страны влекут за собой создание современной модели системы правоохранительной деятельности страны.

Значимость охраны прав собственности подтверждена нормами, закрепленными в Конституции РФ [2], которые в свою очередь соответствуют общепризнанным принципам и нормам международного права, содержащимся в ст. 17 Всеобщей декларации прав человека (1948 г.): «Каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими. Никто не может быть произвольно лишен своего имущества» [3, с. 5 – 8].

Наложение ареста на имущество – сложный превентивный институт, затрагивающий уголовно-процессуальное и гражданское законодательство. В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации норм, касающихся непосредственно наложения ареста на имущество, более тридцати, однако недостаточно четкая их регламентация приводит к различным видам теоретического и практического плана коллизий. Решения Конституционного Суда РФ [4; 5; 6], мнения ученых [7, с. 8 – 13; 8, с. 41 – 44; 9, с. 22], практиков [10, с. 9 – 12], а также последние изменения, вносимые в данный институт, говорят об актуальности его исследования и практической значимости.

В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации наложение ареста на имущество причислено к мерам процессуального принуждения,

основания и процедура применения которых урегулированы в главе 14 «Иные меры процессуального принуждения». По своей сути, именно эта мера служит реализации назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), так как обеспечивает исполнение приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанной в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Совершенствование процедуры рассматриваемого института не стоит на месте. Так, Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» внес в УПК РФ поправки, где:

– определил понятие «имущество» (п. 13.1 ст. 5 УПК РФ);

– предусмотрел, что при определении разумного срока применения наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, в ходе уголовного судопроизводства учитываются обстоятельства, указанные в ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ, а также общая продолжительность применения ареста на имущество в ходе уголовного судопроизводства (ч. 3.2 ст. 6.1 УПК РФ);

– определил, что только суд правомочен принимать решение о наложении ареста на имущество (п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), устанавливать и продлевать его срок (п. 9.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ);

– установил порядок продления срока применения наложения ареста на имущество (ст. 115.1 УПК РФ).

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ [11] введены п. 3.1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ и п. 9.1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, имеющие одинаковое значение того, что с момента избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста подозреваемые и обвиняемые имеют право на свидание без ограничения их числа и продолжительности с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления их интересов в сфере предпринимательской деятельности. При этом запрещается совершение нотариальных действий в отношении имущества, денежных средств и иных ценностей, на которые может быть наложен арест в случаях, предусмотренных УПК РФ.

Для начала обратимся к названию статей, касающихся наложения ареста на имущество. Статья 115.1 УПК РФ, поименованная «Порядок продления срока применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество» – долгожданная статья для лиц, искавших справедливости определения срока и порядка продления срока ареста на имущество. Указанная норма распространяется только на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, указанное можно определить, лишь ознакомившись с содержанием самой ст. 115.1 УПК РФ. В связи с этим правоприменителям, часто применявшим закон в своей профессиональной деятельности (являющихся должностными лицами, защитниками по уголовному делу и др.), достаточно понятно, что установление срока наложения ареста на имущество не распространяется на имущество лиц, которые являются подозреваемыми и обвиняемыми по уголовному делу, но для обычных граждан создает определенные сложности.

То же самое отражено и в ст. 165 УПК РФ «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия», название которой раскрывает судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия, а в самом содержании статьи появляется наложение ареста на имущество как иной меры процессуального принуждения. Законодатель, не раскрывая в названии статьи судебный порядок наложения ареста на имущество, соотносит понятия, и объединив в единое – меру процессуального принуждения и следственное действие, меняет процессуальную форму [12, с. 115 – 127; 13, с. 12 – 16], внося новые вопросы для дискуссий.

Анализируя указанные нормы, подведем итог, что законодатель, с одной стороны, не стал конкретизировать названия статей (115.1, 165 УПК РФ) и повторять судебный порядок получения разрешения на производство наложения ареста на имущество (ст. 165 УПК РФ), с другой – вводит правоприменителя в заблуждение, указывая в названии одно процессуальное действие, а в содержании дополняет и/или раскрывает дополнительно другое. В связи с этим, возможно, для разрешения вопроса необходимо переименовать ст. 165 УПК РФ «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия и иной меры процессуального принуждения».

Интерес вызывают и погрешности в законодательстве по поводу закрепления чч. 6, 7 ст. 208 УПК РФ – не проще было бы их объединить, сославшись на ст.ст. 115, 115.1 УПК РФ, и не повторять их отдельные части. Равно как не совсем понятно, для чего законодатель выделил ч. 7 ст. 115.1 УПК РФ? Вполне логично, что каждый участвующий в уголовном процессе может воспользоваться правом, закрепленным в ст. 19 УПК РФ «Право на

обжалование процессуальных действий и решений». Рассматриваемая норма ч. 7 ст. 115.1 УПК РФ дублирует положения ст. 127 УПК РФ «Жалоба и представление на приговор, определение, постановление суда». То есть законодатель в отдельных случаях допускает неточности в регламентации закона, а в других случаях позволяет излишне повторяться, что приводит к определенным неясностям для правоприменителя.

Следующим аспектом, привлечшим наше внимание, явилось мнение ученых Б. Б. Булатова, А. С. Дежнева по поводу того, что «... законодатель использует две категории – «срок» (при вынесении решения о наложении ареста на имущество – ч. 3 ст. 115 УПК РФ) и «разумный срок» (при продлении первоначально установленного срока ареста имущества – ч. 6 ст. 115.1 УПК РФ). В законе используются конкретные цифровые величины, а пределы усмотрения не так велики. Это видно, например, по срокам задержания (п. 11 ст. 5, ст. 94 УПК РФ), домашнего ареста (чч. 2, 2.1 ст. 107 УПК РФ), заключения под стражу (ст. 109 УПК РФ) и др. Данные рассуждения приводят к выводу о непоследовательной позиции законодателя при определении сроков наложения ареста на имущество. В одном случае он ориентирует правоприменителя на содержание гл. 17 УПК РФ (ч. 3 ст. 115 УПК РФ), в другом – на содержание ст. 6.1 УПК РФ (ч. 6 ст. 115.1 УПК РФ). Соответственно, пределы усмотрения при принятии решения должны учитываться в разных объемах. Полагаем, что это не совсем оправданно» [14, с. 8 – 13].

Анализируя указанное рассуждение, отметим, что законодатель пошел путем не сравнения пределов личной неприкосновенности, как сделали ученые Б. Б. Булатов и А. С. Дежнев, а путем сравнения пределов имущественной неприкосновен-

ности. Здесь уместно было бы сравнить пределы применения меры пресечения «Залог» (ст. 106 УПК РФ) и иной меры процессуального принуждения «Временное отстранение лица от должности», так как оно касается заработной платы, а также наложения ареста на ценные бумаги. Именно указанные процессуальные действия сравнимы со сроками наложения ареста на имущество, и в данном случае законодатель оправданно закрепил указанные нормы.

Результатом наложения ареста на имущество может явиться признание арестованного имущества вещественным доказательством. Вследствие чего следующим аспектом для дискуссии [15, с. 48 – 52] является позиция Конституционного Суда РФ, касающаяся «пп. «в» п. 1 чч. 3, 4 ст. 82 УПК РФ, предусматривающие, что вещественные доказательства в виде предметов, которые в силу громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле, в том числе большие партии товаров, хранение которых затруднено или издержки по обеспечению специальных условий хранения которых соизмеримы с их стоимостью, передаются для реализации на основании постановления дознавателя, следователя или судьи, не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее ст.ст. 35 (чч. 1 и 3), 46 и 55 (ч. 3), поскольку эти законоположения позволяют лишать собственника или законного владельца его имущества, признанного вещественным доказательством, без вступившего в законную силу приговора, которым решается вопрос об этом имуществе как вещественном доказательстве, и – в случае, когда спор о праве на имущество, являющееся вещественным доказательством, подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства, – до вступления в силу соответствующего решения суда» [16]. Указанная позиция повлек-

ла внесение изменения в подп. «в» ч. 2 ст. 82 УПК РФ, в которой указано, что в случае невозможности обеспечения их хранения способами, предусмотренными подп. «а» и «б» настоящего пункта, оцениваются и с согласия владельца либо по решению суда передаются для реализации в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

В связи с этим, с одной стороны, законодатель устранил нарушения, позволяющие постановлением дознавателя, следователя реализовывать имущество до вступления в законную силу приговора, внося поправку «с согласия владельца», а с другой – оставил «либо по решению суда», установив тем самым судебный контроль за процедурой наложения ареста на имущество, однако, не дожидаясь, когда лицо официально будет признано виновным в совершении преступления (вынесен обвинительный приговор), судья, не получив согласия собственника имущества на реализацию, имеет право лишить его имущества. При этом сам Конституционный Суд РФ в этом же постановлении сформулировал правовую позицию, согласно которой допустимость изъятия имущест-

ва у собственника или законного владельца по решению государственного органа или должностного лица, осуществляющего предупреждение, пресечение или раскрытие правонарушения – временное изъятие имущества, представляющее собой процессуальную меру обеспечительного характера и не порождающее перехода права собственности на имущество. Видимо, именно в даче согласия владельца имущества на его реализацию законодатель предполагает «разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем, чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей, и лицо не подвергалось чрезмерному обременению» [16].

В заключение отметим, что, несмотря на то, что законодатель отчасти раскрыл процедуру наложения ареста на имущество, сам механизм, связанный с этой мерой, проявляется в различных статьях закона, а также в решениях Конституционного Суда РФ, что осложняет работу практическим работникам, восприятие понимания норм, связанных с этим институтом у обычных граждан, а также теоретикам, занимающимся проблемами уголовно-процессуального законодательства.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральные законы: от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ; от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ, от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ, от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ, от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ, от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, от 28 июля 2014 г. № 179-ФЗ, от 31 декабря 2014 г. № 530-ФЗ, от 8 марта 2015 г. № 40-ФЗ, от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ, от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Согласно чч. 2 и 3 ст. 35 Конституции РФ «... каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения»: Конституция РФ // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 01.08.2014 (дата обращения: 10.01.2017).

3. Савельева Е. Г. Всеобщая декларация прав человека и другие универсальные международные акты о защите права собственности // Международное публичное и частное право. 2013. № 4.

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Новая городская недвижимость» на нарушение конституционных прав и свобод ч. 6 ст. 115 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2007 г. № 614-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

5. По делу о проверке конституционности положений чч. 1, 3 и 9 ст. 115, п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ и абз. 9 п. 1 ст. 126 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П // Российская газета. № 29. 11.02.2011.

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Белый скит» на нарушение конституционных прав и свобод ч. 9 ст. 115 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2012 г. № 2227-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 3 и др.

7. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Определение срока наложения ареста на имущество при производстве по уголовным делам (по материалам решений Конституционного Суда РФ) // Российский следователь. 2015. № 13 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Кондратенко З. К. Правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросу ограничений права частной собственности при наложении ареста на имущество // Российский судья. 2015. № 12 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Ионов В. А. Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010 и др.

10. Никонова М. Не каждый суд желает знать... // Эж-юрист, 2015. № 5 и др.

11. О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ // Российская газета. № 149. 08.07.2016.

12. Рассмотрение наложения ареста на имущество как следственного действия, см.: Шейфер С. А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // «Lex russica». 2015. № 10 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Булдакова В. К. Наложение ареста на имущество как основная мера обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1 (27).

14. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Новеллы законодательного регулирования срока наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2016. № 1.

15. Владыкина Т. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам хранения вещественных доказательств по уголовному делу // Юридический мир. 2013. № 8.

16. По делу о проверке конституционности положений ст. 82 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В. В. Костылева: постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2008 г. № 9-П // Российская газета. № 163. 01.08.2008.

© Исаева Р. М.

УДК 334.02

М. С. ШУКЛИН, доцент кафедры социально-экономических дисциплин Уральского юридического института МВД России, кандидат социологических наук, доцент (г. Екатеринбург)

M. S. SHUKLIN, associate professor of department of social and economic disciplines of Ural law institute of the Ministry of internal affairs of Russia, candidate of sociological sciences associate professor (Ekaterinburg)

И. В. АСТАШКИНА, курсант 310 учебной группы факультета подготовки сотрудников полиции Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург)

I. V. ASTASHKINA, cadet 310 of the study group of the police training faculty of the Ural law institute of the Ministry of internal affairs of Russia (Ekaterinburg)

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» И АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

«ECONOMIC SAFETY» AND ACTUAL DIRECTIONS OF ITS SECURITY

Аннотация. В статье рассматривается обострение современной международной политической ситуации, которое привело к принципиальным изменениям в социально-экономической обстановке регионов Российской Федерации, в связи с чем у авторов возникает насущная необходимость серьезно задуматься об извлеченных уроках, о том как использовать полученный практический опыт для оптимизации фундамента перспективного стратегического экономического роста.

Ключевые слова: экономическая безопасность, международная политическая ситуация, социально-экономическая обстановка, экономический рост.

Annotation. In a peer-reviewed article discusses the aggravation of the present international political situation, which led to fundamental changes in the socio-economic situation in the regions of the Russian Federation in this connection the authors there is an urgent need to think seriously about the lessons learned about how to use the practical experience gained to optimize the Foundation for future strategic growth.

Keywords: economic security, international political situation, socio-economic environment, economic growth.

Обострение современной международной политической ситуации привело к принципиальным изменениям в со-

циально-экономической обстановке регионов Российской Федерации, в связи с чем возникает необходимость серьезно

задуматься об извлеченных уроках, о том как использовать полученный практический опыт для оптимизации фундамента перспективного стратегического экономического роста. На сегодняшний день экономика России, в значительной степени интегрированная в мировую экономическую систему, оказалась в зависимости как от конъюнктуры международных рынков, так и от не всегда поддающегося логическому анализу политического влияния ряда участников международных экономических отношений.

Поскольку в долгосрочной перспективе темпы развития глобального экономического взаимодействия будут лишь увеличиваться, следует признать и увеличение скорости преобразования национальных и региональных экономических систем, которые в условиях открытой экономики стали в значительно большей степени, чем прежде, подвержены кризисным явлениям и связанными с ними угрозами экономической безопасности [1, с. 73 – 79].

Под угрозами экономической безопасности принято понимать явления и процессы, которые отрицательно влияют на экономическое состояние страны, ограничивают экономические интересы личности, общества, государства, создают опасность национальным ценностям и национальному образу жизни. Данные явления и процессы в практике экономической безопасности подразделяются на внутренние угрозы – это неспособность к самосохранению и саморазвитию, слабость инновационного начала в развитии, неэффективность системы государственного регулирования экономики, неумение находить разумный баланс интересов при преодолении противоречий и социальных конфликтов для нахождения наиболее безболезненных путей развития общества; и внешние – изменение конъюнктуры мировых цен и внешней торговли, резкие колебания курса рубля, превышение оттока капитала над его притоком (ино-

странные инвестиции); чрезмерная импортная зависимость, перегрузка экспорта сырьевыми товарами. Требования устойчивого экономического развития Российской Федерации ставят задачу эффективного, экономически оправданного использования имеющегося потенциала в ряд первоочередных, требующих незамедлительного и комплексного решения сфер, так как одномоментные, отдельные мероприятия в данных сферах способны принести лишь временный неустойчивый результат.

На сегодняшний день обеспечение экономической безопасности является неотъемлемой частью системы национальной безопасности страны. Что же представляет собой экономическая безопасность? Существует достаточно большое количество трактовок. Экономическая безопасность может быть рассмотрена как создаваемые государством условия, гарантирующие недопущение нанесения хозяйству страны непоправимого ущерба от внутренних и внешних экономических угроз. По мнению академика РАН Л. И. Абалкина, «экономическая безопасность – это состояние экономической системы, которое позволяет ей развиваться динамично и эффективно, решать социальные задачи и, в котором государство имеет возможность вырабатывать и проводить в жизнь независимую экономическую политику» [2, с. 3].

В России разработка стратегии экономической безопасности началась с распоряжения Правительства РФ от 9 марта 1994 г. № 311-р, согласно которому Министерству экономики России с участием федеральных органов исполнительной власти и совместно с межведомственной комиссией Совета Безопасности по экономической безопасности поручалось разработать «Основные положения стратегии в области обеспечения экономической безопасности Российской Федерации».

Указом Президента РФ № 608 «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Феде-

рации (Основные положения)», который был подписан 29 апреля 1996 г, давалось нормативное определение экономической безопасности, которая определялась как «возможность и готовность экономики обеспечить достойные условия жизни, военно-политическую стабильность общества и целостность государства, противостоять влиянию внутренних и внешних негативных факторов и быть материальной основой национальной безопасности» [3, с. 95].

Таким образом, вектор обеспечения экономической безопасности должен иметь долгосрочную перспективу, представлять собой стратегию обеспечения противодействия вызовам и угрозам экономической безопасности; предотвращение кризисных явлений в ресурсно-сырьевой, производственной, научно-технологической и финансовой сферах; недопущение снижения качества жизни населения.

Анализируя Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», хотелось бы отметить, что в ч. 7 гл. 1 отражено определение экономической безопасности как «состояние защищенности экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации». Также в стратегии экономической безопасности прописаны основные направления: вызовы и угрозы экономической безопасности; цели и основные направления государственной политики в обеспечении экономической безопасности; задачи, которые необходимо решить; основные механизмы, с помощью которых будет реализовываться данная стратегия [4, с. 202 – 204].

Для объективного понимания того, о чем этот документ, необходимо обратить внимание на название «Стратегия

экономической безопасности», то есть долгосрочное планирование экономической безопасности в целях реализации национальных интересов Российской Федерации. Примечательны представленные в тексте данного документа определенные речевые обращения. В п. 6 ст. 14 наличествует формулировка: «Повышение уровня и улучшение качества жизни населения» [5]. Под данным выражением можно понять от обеспечения нашей личной безопасности до улучшения экологической обстановки. Однако эта строка не несет в себе конкретного практикоориентированного смыслового значения – что конкретно планируется сделать и за счет каких именно ресурсов.

О безопасности, в том числе экономической, необходимо говорить не абстрактно, а относительно конкретного объекта. В тексте «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» назван ряд защищаемых объектов: «личность, общество, государство и основные элементы экономической системы, включая систему институциональных отношений при государственном регулировании экономической деятельности». Представляется, что часть из перечисленных объектов следует конкретизировать и их список можно расширить. Например, считать защищаемыми объектами не просто личность и общество, а экономическое положение, экономические права и собственность домашних хозяйств и хозяйствующих субъектов [6, с. 14 – 17].

После установления объекта, безопасность которого должна быть обеспечена, следует определить угрозы, от которых его необходимо защитить, и источники их формирования – они достаточно подробно прописаны в стратегии. Анализируемые в документе актуальные вызовы экономической безопасности обладают глобальным характером. Стратегия больше направлена на внешнее развитие страны, чем на внутреннее ее содержание, например, согласно Стратегии главные угрозы лежат в об-

ласти глобального изменения климата, мировой политики, глобальных финансов, информационной безопасности.

В 3 главе документа «Цели, основные направления и задачи государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности» многие цели направлены на внешнее развитие – поддержание научно-технического потенциала развития экономики на мировом уровне и повышение ее конкурентоспособности. Стратегические цели любой деятельности могут иметь динамический характер, т. е. меняться во времени в зависимости от характера и уровня развития общества, приоритетов и возможностей, внутренней и внешней обстановки. Эти и другие факторы, процессы и явления следует постоянно мониторить и вовремя корректировать стратегические, среднесрочные и текущие цели обеспечения экономической безопасности.

В структуре документа проанализированы 40 основных показателей экономической безопасности, по которым можно судить о состоянии страны. Эти показатели (как и вся Стратегия) имеют глобально-ориентированный характер, однако на данный момент слабо структурированы по направлениям, например, валовой внутренний продукт на душу населения; доля российского валового внутреннего продукта в мировом валовом внутреннем продукте и т. д.

Доля показателей, ориентированных на анализ качества жизни населения России, составляет не более 17 %. Среди них можно выделить: уровень инфляции; коэффициент напряжен-

ности на рынке труда; доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения; доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума; доля работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения; уровень преступности в сфере экономики.

Таким образом, осознавая значимость актуальных угроз экономической безопасности России, необходимо отметить следующее. Стратегия экономической безопасности рассчитана именно на период до 2030 года, иначе говоря, имеет среднесрочный характер; многие глобальные, экономические и другие вызовы и угрозы, отмеченные в стратегии, плохо поддаются управлению на национальном российском уровне.

Исходя из самой логики обеспечения экономической безопасности, Стратегия должна быть направлена на увеличение «независимости» страны от глобальной экономической системы. Россия – самая большая, но одна из самых экономически «неосвоенных» стран мира, поэтому с точки зрения экономических интересов – пространственно-экономические развитие страны должно стать приоритетным. А главное, как неоднократно отмечали и международные, и отечественные исследования: обеспечение роста человеческого капитала, качества народонаселения, качества и уровня жизни населения страны – залог социально-экономического развития страны и обеспечения ее экономической безопасности.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова И. А. Ориентиры новой уголовной политики противодействия преступности в сфере экономики (в условиях антироссийских санкций) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29).
2. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России // Социально-политический журнал. 1997. № 5.

3. Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск: Книжный дом, 2003.

4. Ишмеева А. С. К вопросу обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта // Актуальные вопросы современной науки: матер. Междун. науч.-практ. конф., 2015.

5. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Губайдуллина И. Н., Ишмеева А. С. Бухгалтерский учет в системе экономической безопасности организаций // Состояние и перспективы российского и международного законодательства. 2015.

© Шуклин М. С.

© Асташкина И. В.

УДК 338.242

Д. В. БУНЬКОВСКИЙ, доцент кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат экономических наук, доцент (г. Иркутск)

D. V. BUNKOVSKY, associate professor of philosophy, psychology and social and humanitarian disciplines of the East Siberian institute of the Ministry of internal affairs of Russia, candidate of economic sciences, associate professor (Irkutsk)

НАЛОГОВОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ЛЕГАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

TAX INCENTIVES OF DEVELOPMENT OF LEGAL BUSINESS

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты налогового стимулирования легальной предпринимательской деятельности. Анализируются особенности налогового стимулирования развития предпринимательства в разных странах. Показаны целесообразность и различные направления совершенствования российской налоговой системы.

Ключевые слова: налоги, предпринимательство, теневая экономика, налоговое стимулирование, налогообложение малого предпринимательства, легализация, государственная поддержка, фискальная политика.

Annotation. In article various aspects of tax incentives of a legal entrepreneurial activity are considered. Features of tax incentives of development of business in the different countries are analyzed. The expediency and various directions of improvement of the Russian taxation system are shown.

Keywords: taxes, business, hidden economy, tax incentives, taxation of small business, legalization, state support, fiscal policy.

Исследование развития предпринимательства за рубежом показывает, что практически все развитые страны используют различные методы и формы административной и экономической (прямой и косвенной) поддержки предпринимательства [1, с. 18 – 20]. Система налогового стимулирования и поддержки легального предпринимательства должна приносить комплекс эффектов:

- финансовый эффект – самообеспечение и финансовая самостоятельность хозяйствующих субъектов, стабильность и полнота оплаты труда наемных работников;
- бюджетный эффект – стабильность налоговых поступлений в бюджеты разных уровней, обеспечение собственных доходов бюджетов регионального и местного уровня;
- социальный эффект – высокая занятость населения, создание новых

производительных рабочих мест, улучшение качества жизни за счет предпринимательских доходов, увеличение доли экономически активного населения, сглаживание диспропорций в благосостоянии разных социальных групп и снижение дифференциации доходов;

– экономико-стимулирующий эффект – расширение числа эффективных собственников и их конкурентный отбор, создание добросовестной конкурентной среды;

– инновационно-инвестиционный эффект – создание и внедрение технических, технологических и организационных инноваций, косвенное стимулирование эффективности производства крупных предприятий путем освоения новых рынков [2, с. 42 – 50].

Особенности налогового стимулирования развития предпринимательства в разных странах отражены в таблице 1.

Таблица 1

Особенности налогового стимулирования развития предпринимательства

Налоговые льготы	Характеристика	Страна применения	Характеристика
Налоговые каникулы	Обычно давались на момент регистрации	Россия	Стимулировали уход от уплаты налогов
Снижение ставок налога на прибыль	Применяются в странах, где отсутствуют специальные налоговые режимы	Испания, Франция	
Специальный порядок начисления налоговой амортизации	Используется при осуществлении инвестиционно-инновационной деятельности	Финляндия, Великобритания, Германия	Малая востребованность, что связано с недостатком инвестиционных ресурсов
Льготы, связанные с методом налогового учета	Используются при налогообложении прибыли, применяется при «методе первого сбыта» или метода начислений	США, Швеция	Используется кассовый метод, что позволяет меньше отвлекать собственные средства при поставке товаров с последующей оплатой
Налоговые скидки и налоговый кредит	Стимулируют инвестиции и инновации	Бельгия, Испания, Норвегия и др.	Применительно к малому бизнесу имеют определенную специфику
Специальные (альтернативные) системы налогообложения		Страны с транзитивной экономикой	Снижается налоговая нагрузка, упрощается налоговая отчетность и администрирование

Для оценки возможностей налогового стимулирования в противодействии развитию теневой экономики сравним системы налогового стимулирования легальной деятельности хозяйствующих субъектов в России и за рубежом [3, с. 11 – 14]. В Российской Федерации действуют специальные налоговые режимы (ЕСХН, УСН, ЕНВД, ПСН). В США, например, уплата подоходного налога осуществляется по более низким ставкам. Учредители малых и средних предприятий освобождаются от уплаты налогов по доходам, полученным от операций с акциями «квалифицированных малых предприятий» [4, с. 35 – 41]. Налоговые льготы хозяйствующие субъекты получают на уровне штатов, где они применяются в целях привлечения предпринимателей на депрессивные территории и предпринимательские зоны. Кроме того, в США используется прогрессивное налогообложение прибыли.

Во Франции предусмотрен упрощенный режим декларирования прибыли и уплаты налогов для малых и средних предприятий. На 40 – 50 % ниже налог для хозяйствующих субъектов, осваивающих новые технологии и осуществляющих инновации. Предусмотрена и отсрочка уплаты некоторых налогов при временной нехватке ликвидных средств.

В Великобритании хозяйствующий субъект с доходом менее установленного уровня имеет возможность заполнять упрощенную налоговую декларацию, не давая подробной информации о своей деятельности и активах. Хозяйствующий субъект освобождается от авансовых платежей, когда его суммарные годовые обязательства менее установленного уровня (500 фунтов стерлингов) [5, с. 265 – 268]. Существуют также льготы, которые вводятся временно на определенный период; налоговые скидки при затратах на научно-исследовательские и

опытно-конструкторские работы; налоговые стимулы при инвестициях в ценные бумаги малых и средних предприятий.

В зарубежных странах налоговое стимулирование легального предпринимательства более эффективно, чем в России. Свободное предпринимательство в различных формах начало формироваться в российской экономике значительно позже, а процессы его формирования проходили в более быстрых темпах. Российскому налоговому законодательству в целях повышения его эффективности необходимо претерпеть еще множество изменений с учетом интересов и государства, и предпринимательства [6, с. 40 – 44].

Исследования применяемой налоговой политики в экономически развитых странах показывают, что в них особое внимание уделяется поддержке и формированию малых форм предпринимательства, активно стимулируется получение ими достаточных финансовых средств для покрытия издержек финансово-хозяйственной деятельности. Совершенствование российской налоговой системы с учетом передового мирового опыта не должно сводиться к перманентному снижению налоговых ставок для субъектов малого предпринимательства. Очевидно, налоговая система должна быть «рациональной» [7, с. 369 – 372].

Оптимальная налоговая система предполагает, с одной стороны, постоянное стимулирование высокой деловой активности предпринимательства, а с другой – функционирование достаточно простого и эффективного механизма взимания налогов. Поэтому особую актуальность с точки зрения поддержки развития легального предпринимательства набирает снижение уровня налоговой нагрузки, упрощение процедур налогообложения, составления и представления отчетности, обеспечение благоприятных усло-

вий для легализации теневой экономической деятельности [8].

Не вызывает сомнений необходимость особого подхода к построению модели налогового стимулирования развития легального предпринимательства в аспекте оптимизации системы налогообложения предпринимательской деятельности, которая учитывала бы особенности функционирования национальной экономики. Такая система должна налаживаться исходя из определенных критериев:

1. Действующий в любой налоговой системе принцип определенности налогообложения в сфере малого предпринимательства следует довести до совершенства, то есть законодательные и нормативные правовые акты должны быть простыми и понятными любому предпринимателю, не имеющему специальной подготовки и образования в сфере юриспруденции, налогообложения, учета и финансов.

2. Система налогообложения должна полностью решать проблему сокрытия получаемых доходов, учитывая, что, например, значительная часть малого и среднего предпринимательства функционирует в сферах с огромными потоками наличных денег.

3. Система налогообложения субъектов малого предпринимательства должна быть ориентирована на минимальное количество налогов из максимально возможного числа действующих в стране налогов и обязательных платежей. Исключением должна быть предпринимательская деятельность, имеющая определенную специфику, например, субъекты, осуществ-

ляющие экспортно-импортные операции, не могут освобождаться от уплаты соответствующих таможенных пошлин, а при осуществлении подакцизных видов деятельности хозяйствующие субъекты обязаны уплачивать акцизы и т. п.

4. Для малого предпринимательства бухгалтерский учет и отчетность должны быть максимально упрощены, позволяя одновременно осуществлять необходимый контроль динамики налогооблагаемой базы и полноты уплаты налоговых платежей.

5. В результате система налогообложения должна стимулировать предпринимательство, функционировать не только эффективно, но и легально.

Повышение эффективности налогового стимулирования предпринимательства в России требует реформирования существующей системы налогообложения. Следует пересмотреть и упорядочить состав видов экономической деятельности, по которым предоставляются налоговые преференции, необходимо учитывать специфику отдельных регионов. Акцент должен быть сделан на приоритетные сферы экономики: строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, промышленность, производство строительных материалов, а в сегодня – на агропромышленный комплекс, что связано с импортозамещением продовольственных товаров и обеспечением продовольственной безопасности. Льготное налогообложение должно предоставляться предприятиям, осуществляющим инновационно-ориентированную деятельность.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Батаев А. В. Анализ влияния экономического кризиса на мировую экономику // Современные аспекты экономики. 2017. № 6 (238).
2. Бухвальд Е. М. Стратегия малого и среднего предпринимательства России до 2030 года: новые перспективы и новые проблемы / Е. М. Бухвальд, А. В. Виленский, И. В. Мальгина // Проблемы управления (Минск). 2016. № 4 (61).

3. Мартышенко С. Н., Мартышенко Н. С. Метод обнаружения ошибок в эмпирических данных // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2008. № 1.
4. Никонец О. Е. Факторы инновационного развития региональной экономики России / О. Е. Никонец, С. И. Михалев // Прогрессивные технологии развития. 2013. № 11.
5. Синягина Д. В. Теневая экономика в рамках малого предпринимательства (на примере Калужской области) / Д. В. Синягина, Е. В. Губанова // Человек в XXI веке: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей и студентов. Обнинск, 2014.
6. Соколова И. С. Кластерный подход в формировании конкурентных преимуществ субъектов малого предпринимательства. М.: Российское предпринимательство. 2010. № 5.
7. Созинова А. А. Механизмы управления реорганизацией предпринимательских структур в современной России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 2. № 8.
8. Шаталов М. А. Формирование инструментария государственного регулирования устойчивого социально-экономического развития на региональном уровне // Регион: системы, экономика, управление. 2017. № 1 (36).

© Буньковский Д. В.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 342.922

Е. В. ЕЛФИМОВА, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Екатеринбург)

E. V. ELFIMOVA, associate professor of the civil law department of Ural state university of economics, candidate of law, associate professor (Ekaterinburg)

УВОЛЬНЕНИЕ ПО ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ ОСНОВАНИЯМ

LEAVING FOR NEGATIVE BASES

***Аннотация.** В статье раскрываются особенности применения отрицательных оснований увольнения. Отмечается, что последствием различных неправомерных действий сотрудника может выступать право, а в некоторых случаях и обязанность уполномоченного руководителя применять меры дисциплинарного принуждения в виде увольнения сотрудника по отрицательным основаниям.*

***Ключевые слова:** отрицательные основания увольнения, несоответствие занимаемой должности, грубое нарушение служебной дисциплины, отчисление из образовательной организации, несоблюдение ограничений и запретов, совершение проступка, порочащего честь сотрудника, утрата доверия.*

***Annotation.** The article reveals the peculiarities of the application of negative grounds for dismissal. It is noted that the consequences of various unlawful actions of an employee may be the right, and in some cases the duty of the authorized manager to apply disciplinary coercive measures in the form of dismissal of an employee on negative grounds.*

Keywords: *negative grounds for dismissal, discrepancy of the replaced position; gross violation of official discipline, deduction from the educational organization, non-compliance with restrictions and prohibitions, committing an offense discrediting the honor of an employee, loss of confidence.*

Органы внутренних дел (далее – ОВД) – один из основных субъектов обеспечения национальной безопасности и основной субъект охраны общественного порядка. Как и в других правоохранительных органах, служба в ОВД является государственной [1], а проходящие ее лица имеют особое наименование – сотрудники ОВД (далее – сотрудники). Наряду с особым наименованием лица, проходящие службу в ОВД, наделены и особым правовым статусом, что выражается в наличии у них дополнительных прав, обязанностей и гарантий деятельности.

Рассматриваемая служба как процесс представляет собой последовательную смену взаимосвязанных этапов (процедур): поступление, перемещение (в том числе повышение в должности, присвоение очередного звания), прекращение. Поступление и прекращение являются обязательными этапами прохождения службы.

Под основанием прекращения службы мы понимаем предусмотренные ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о службе) юридические факты, возникновение, изменение или прекращение которых влечет (или может повлечь) прекращение служебных правоотношений между сотрудником и МВД России.

Прекращение службы в ОВД в зависимости от правовых оснований и последствий может происходить по условно положительным (позитивным) и отрицательным (негативным, компрометирующим) основаниям. Данное деление построено на субъективной оценке сотрудником возможных последст-

вий прекращения служебных правоотношений. Прекращение службы по позитивным основаниям позволяет называть последствиями выплату сотруднику единовременного пособия и возможность получения различных социальных гарантий, предусмотренных законом [2]. Прекращение службы в органах по негативным основаниям таких последствий не влечет, но обуславливает практику отказа в повторном приеме гражданина на службу в ОВД.

По общему правилу можно утверждать, что избрание позитивного основания прекращения службы – это право сотрудника, а применение негативного основания – право уполномоченного руководителя МВД России. Вместе с тем анализ ст. 82 Закона о службе позволяет сделать вывод, что последствием различных неправомерных действий сотрудника может выступать право, а в некоторых случаях – обязанность уполномоченного руководителя применить меры дисциплинарного принуждения в виде увольнения сотрудника по отрицательным основаниям.

Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что служба в ОВД является особым видом государственной службы и направлена на реализацию публичных интересов, предопределяющих наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности.

Федеральный законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в ОВД, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в том числе к их личным и деловым качествам, и особые обязанности, обусловленные задачами,

принципами организации и функционирования ОВД, а также специфическим характером деятельности указанных лиц [3]. Такие особые требования к их личным и деловым качествам содержатся в пп. 1, 2, 12 ч. 1 ст. 12 Закона о службе. Несоответствие данным требованиям влечет за собой неблагоприятные последствия для сотрудника в виде возможного увольнения со службы в ОВД.

В настоящей статье выделим лишь некоторые особенности применения отрицательных оснований увольнения. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 82 Закона службе в ОВД контракт может быть расторгнут, а сотрудник может быть уволен со службы в ОВД:

1. В связи с несоответствием сотрудника замещаемой должности в ОВД – на основании рекомендации аттестационной комиссии (п. 5 ч. 2 ст. 82 Закона о службе). Указанное основание увольнения может быть применено в случае вынесения рекомендации аттестационной комиссии, предусмотренной ч. 6 ст. 33 Закона о службе: сотрудник не соответствует замещаемой должности и подлежит увольнению со службы в ОВД. На наш взгляд, представляется не совсем корректной формулировка данного основания увольнения, поскольку в соответствии с чч. 15, 16 ст. 33 Закона о службе рекомендации аттестационной комиссии заносятся в аттестационный лист и представляются соответствующему руководителю для принятия решения. Следовательно, последнее слово остается за уполномоченным руководителем, который вправе принять одно из решений, изложенных в ч. 16 ст. 33 Закона о службе. Только в случае утверждения рекомендации аттестационной комиссии уполномоченным руководителем и принятия решения о расторжении с сотрудником контракта и об увольнении его со службы в ОВД возможно применение рассматриваемого основания увольнения.

Выводы и рекомендации, выносимые по результатам проведения атте-

станции, могут не соответствовать выводам и рекомендациям, изложенным в мотивированном отзыве о выполнении сотрудником служебных обязанностей, с которыми сотрудник ознакомился до проведения аттестационной комиссии, даже если в нем была приведена положительная характеристика с выводом о соответствии им занимаемой должности. При этом сотрудник вправе обжаловать рекомендации аттестационной комиссии в соответствии со ст. 72 Закона о службе. Порядок проведения аттестации сотрудников определяется соответствующим приказом МВД России [4].

2. В связи с грубым нарушением служебной дисциплины (п. 6 ч. 2 ст. 82 Закона о службе). Здесь законодатель впервые за практику правового регулирования службы в МВД России в ч. 2 ст. 49 Закона о службе определил конкретный перечень проступков, являющихся грубым нарушением служебной дисциплины. Поскольку ч. 2 ст. 82 Закона о службе устанавливает лишь возможность расторжения контракта и увольнения сотрудника, у уполномоченного руководителя [5] в такой ситуации есть право применить тот вид дисциплинарного взыскания, который будет соответствовать степени тяжести совершенного проступка и степени вины после проведения служебной проверки [6] по факту грубого нарушения служебной дисциплины.

3. В связи с отчислением из образовательной организации высшего образования системы МВД России (п. 10 ч. 2 ст. 82 Закона о службе). Основанием увольнения в данном случае выступает отчисление из указанной образовательной организации. Отчисление может быть начиная от личного желания обучающегося, заканчивая неуспеваемостью по учебе. Поскольку законодатель не перечисляет причины отчисления, по которым возможно применение данного основания увольнения, можно сделать вывод, что отчисление по любой причине может повлечь такие неблагоприят-

ные последствия. Увольнение по данному основанию предусматривает необходимость возмещения затрат, связанных с обучением в порядке и размерах, устанавливаемых постановлением Правительства России [7].

Возмещение уволенным сотрудником затрат на его обучение в образовательной организации высшего образования системы МВД России предусмотрено при увольнении по вышеназванному основанию и в случаях увольнения по иным основаниям, предусмотренным ч. 14 ст. 76 Закона о службе, среди которых большинство отрицательных оснований (например, несоблюдение сотрудником ограничений и запретов, установленных федеральными законами, грубое нарушение служебной дисциплины, утрата доверия и т. д.), однако встречаются и положительные (по инициативе сотрудника).

Вместе с тем необходимо понимать, что возмещение затрат на обучение предусмотрено только в случаях увольнения сотрудника в период обучения в образовательной организации МВД России или увольнения в срок до 5 лет после ее окончания. При увольнении по соглашению сторон обязанности по возмещению затрат на обучение уволенного сотрудника не возникает, что само по себе может выступать коррупционной составляющей при выборе основания увольнения уполномоченным руководителем.

Следует отметить, что при проведении служебной проверки по фактам, влекущим возможность увольнения по изложенным отрицательным основаниям, однозначного указания на необходимость увольнения сотрудника в этих случаях Закон о службе не содержит, следовательно, у уполномоченного руководителя есть право применения иных мер дисциплинарного воздействия, предусмотренных указанным законом. Этого нельзя сказать про отрицательные основания, предусмотренные ч. 3 ст. 82 Закона о службе, при которых контракт

подлежит однозначному расторжению, а сотрудник – увольнению со службы в ОВД. Назовем некоторые из них:

1. В связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника ОВД (п. 9 ч. 3 ст. 82 Закона о службе). Поскольку в законодательстве отсутствует определение понятия «проступок, порочащий честь сотрудника ОВД», а также перечень конкретных деяний, которые следует считать таковыми, законность увольнения со службы в ОВД по этому основанию часто является предметом судебных жалоб уволенных сотрудников. Безусловно, разнообразие жизненных ситуаций делает невозможным установление исчерпывающего перечня анализируемых проступков, что позволяет уполномоченному руководителю признавать таковыми различные деяния сотрудников. Так, например, нахождение сотрудника на службе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения либо отказ сотрудника от медицинского освидетельствования на состояние опьянения является грубым нарушением служебной дисциплины, однако на практике может служить основанием для увольнения за совершение проступка, порочащего честь сотрудника ОВД [8].

Вместе с тем рассматриваемое основание увольнения не предполагает возможности его произвольного применения, поскольку резюмирует, что принятию решения об увольнении сотрудника со службы за совершение проступка, порочащего его честь, то есть за несоблюдение им добровольно принятых на себя обязательств, предусмотренных законодательством, предшествует объективная оценка совершенного им деяния, а обоснованность увольнения со службы может быть предметом судебной проверки. Исходя из этого и учитывая, что обоснованность увольнения по данному основанию может быть предметом судебной проверки, наличие такого основания увольнения не может

рассматриваться как нарушение конституционного права сотрудников.

Во всех ситуациях принятию решения об увольнении сотрудника со службы за совершение проступка, порочащего его честь, предшествует проведение служебной проверки, в ходе которой осуществляется объективная оценка совершенного деяния, а обоснованность увольнения со службы может быть предметом судебной проверки. По результатам служебной проверки выносятся заключение, утверждаемое начальником (руководителем), ее назначившим. Если в резолютивной части заключения по результатам служебной проверки деяние сотрудника оценено как проступок, порочащий честь сотрудника, то виновный обязательно подлежит увольнению по указанному основанию. В такой ситуации у уполномоченного руководителя нет возможности применить к сотруднику более мягкое дисциплинарное взыскание или освободить сотрудника от дисциплинарной ответственности вообще.

2. В связи с утратой доверия (п. 13 ч. 3 ст. 82 Закона о службе). Исчерпывающий перечень обстоятельств, при наступлении которых происходит увольнение по данному основанию, приведен в ст. 82.1 Закона о службе. Увольнение в связи с утратой доверия сотрудника ОВД по Закону о службе и увольнение работника в связи с утратой доверия, осуществляющего свою деятельность на основании п. 7 или п. 8 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской

Федерации, имеют разные основания. В связи с чем считаем целесообразным уравнивать требования к понятию «утрата доверия» и расширить толкования указанного понятия в законодательстве сотрудников ОВД с наличием у них специального статуса и специфическим характером их деятельности.

Нельзя не отметить и такую особенность дисциплинарной практики применения отрицательных оснований увольнения, как возможность привлечения к дисциплинарной ответственности руководителей сотрудника, в отношении которого применена мера дисциплинарного воздействия в виде увольнения со службы по отрицательному основанию. Руководитель в полном объеме отвечает за надлежащее выполнение своим подчиненным возложенных на него должностных обязанностей, однако это положение нельзя абсолютизировать. Так, по мнению В. В. Митрохина, «к применению мер дисциплинарного воздействия к руководителю следует подходить очень внимательно, взвешенно и детально устанавливать его виновность (причинно-следственную связь), а также иные объективные и субъективные моменты, и только после этого ставить вопрос о юридической ответственности должностного лица» [9, с. 691].

Таким образом, особенности применения отрицательных оснований увольнения со службы в ОВД требуют своего дальнейшего совершенствования и научного анализа.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Пункт 1 ст. 1 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 1995 г. № 7-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 г.

№ 460-О, от 16 апреля 2009 г. № 566-О-О, от 25 ноября 2010 г. № 1547-О-О, от 21 ноября 2013 г. № 1865-О и от 3 июля 2014 г. № 1486-О // СПС «КонсультантПлюс».

4. Приказ МВД России от 14 марта 2012 г. № 170 «О порядке проведения аттестации сотрудников ОВД» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ МВД России от 6 мая 2013 г. № 241 «О некоторых вопросах применения мер поощрения и наложения дисциплинарных взысканий в ОВД» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Приказ МВД России от 26 марта 2013 г. № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях МВД России» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 1465 «Об утверждении Правил возмещения сотрудником ОВД затрат на обучение в образовательной организации высшего образования или научной организации МВД России в случае расторжения с ним контракта о прохождении службы в ОВД и увольнения со службы в ОВД» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Дагестан от 27 апреля 2016 г. по делу № 33-1758/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Митрохин В. В. Принципы организации и прохождения службы в органах внутренних дел // Административное и муниципальное право. 2015. № 7.

© **Елфимова Е. В.**

УДК 343.102:343:123.12 (470)

Д. А. КУРБАНОВ, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

D. A. KURBANOV, associate professor of the department of civil law subjects of Ufa law institute of the Ministry of internal affairs of Russia, candidate of law, associate professor (Ufa)

К ВОПРОСУ О СУДЕБНЫХ РАСХОДАХ ПО ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ АНГЛИИ

TO THE QUESTION OF LITIGATION EXPENSES BY THE PROCEDURAL LAW OF ENGLAND

Аннотация. Статья посвящена исследованию института судебных расходов в Англии, анализу изменений процессуального законодательства, направленных на ускорение судебного процесса за счет применения упрощенных процедур. Автор раскрывает одну из особенностей английского гражданского процесса при решении вопроса о возмещении судебных расходов, к которой относится право суда принять решение об оплате расходов третьим лицом. Особый интерес в исследуемой сфере представляет право суда применить меры ответственности к юристам и законным представителям, которые при рассмотрении гражданского дела совершили, по мнению суда, ненадлежащие, необоснованные либо небрежные действия либо проявили бездействие.

Ключевые слова: судебные расходы и штрафы в Англии, взыскание судебных расходов, процессуальное законодательство Англии, оплата расходов третьим лицом.

Annotation. The article is devoted to study of the Institute of court costs fines in the UK, analysing the recent changes of procedural law of England which is aimed at accelerating the judicial process through the use of simplified procedures, the active use of orders on the allocation of costs for disciplinary purposes. The author reveals one of the features of English civil procedure when deciding about the reimbursement of expenses, to which the right of a court to make an order about payment of costs by a third person. Of particular interest in the study area represents the right of the court to apply sanctions to lawyers and legal representatives that when the civil proceedings made in the court's view, improper, unreasonable or negligent acts or were inactive.

Keywords: court costs and fines in the UK, the recovery of legal costs, procedural law of England, pre-trial activities, plaintiff, defendant, payment of expenses by a third party.

В результате реформирования английского гражданского процессуального права в декабре 1998 г. были приняты Правила гражданского судопроизводства, которые начали применяться с 26 апреля 1999 г. Принятие Правил гражданского судопроизводства (Civil Procedure Rules) стало значительным событием в юридической жизни Англии еще и потому, что Правила гражданского судопроизводства названы «новым процессуальным кодексом», и это совершенно нетипично для страны, в которой никогда раньше не принимались кодексы. О необходимости к тому времени реформирования английского законодательства много уже написано, проанализированы как объективные, так и субъективные причины реформ. Причины реформирования одинаковы для многих стран, где проходила или проходит реформа гражданского процессуального законодательства, и Англия не была исключением.

Начиная с 1998 г. в Англии прошли как минимум три большие реформы процессуального права. В 1998 г. завершилась первая реформа, известная как «реформа Вульфа» (по имени лорда Вульфа), которая выразилась в глобальном пересмотре всего процессуального права и принятии Правил гражданского судопроизводства. В 2005 г. был принят Закон о конституционной реформе, в результате которого был создан Верховный Суд, заменивший собой Апелляционный комитет Палаты лордов. В декаб-

ре 2009 г. лорд-судья Джексон подготовил «Обзор расходов в гражданском процессе», где исследовал в полном объеме тему расходов и финансирования, и в настоящий момент завершается работа по реформированию системы судебных расходов [1, с. 3 – 4].

В гражданском процессе Великобритании наиболее явно и полно реализован принцип состязательности сторон. Если в Российской Федерации суд продолжает оставаться активным участником процесса, что зачастую предопределяет судьбу рассматриваемого дела, то в Великобритании суд играет крайне пассивную роль. Основной задачей суда является оценка доказательств, предоставляемых сторонами, и вынесение на основе этого решения без прямого вмешательства в рассматриваемое дело. Реальная состязательность сторон является основной причиной популярности английского суда для граждан и юридических лиц, в том числе и иностранных.

Английский процесс имеет несколько отличительных черт, которые продолжительное время остаются неизменными:

1) в Англии подавляющее большинство гражданских дел разбираются в первой инстанции профессиональными судьями единолично, без поддержки иных судей и присяжных. Суд присяжных в гражданском судопроизводстве участвует лишь в отношении некоторых деликтных исков: о клевете, недобросо-

вестном судебном преследовании и незаконном лишении свободы;

2) при рассмотрении крупных исков подлежат применению несколько особых промежуточных и досудебных стадий разбирательства и средств правовой защиты;

3) разбирательство осуществляется на основе принципа, согласно которому суд вправе требовать от каждого участника судебного разбирательства оплатить расходы на юридические услуги, обоснованно понесенные его оппонентом, если последний выигрывает дело. Данное правило распределения расходов применяется часто, поскольку расходы на юридические услуги в Англии велики;

4) существует профессиональное разделение судебных юристов: общий контроль в отношении дела осуществляют солиситоры, которые делегируют определенные функции: представление интересов клиента в суде и «консультации по вопросам права и доказательствам» специалистам-барристерам;

5) гражданское дело крайне редко доходит до конкретного разбирательства, по той причине, что стороны путем взаимных уступок приходят к мировому соглашению.

Последние изменения процессуального законодательства Англии направлены на ускорение судебного процесса за счет применения упрощенных процедур, активное использование приказов о распределении расходов в дисциплинарных целях. Суды вправе корректировать присужденные расходы, чтобы учитывать то обстоятельство, что выигравшая сторона ставила не имеющие значения вопросы [2, с. 232 – 239]. Председатель Гражданской коллегии Апелляционного суда лорд Вульф заявил: «Слишком жесткое применение принципа «распределения расходов в зависимости от исхода дела» поощряет стороны к увеличению расходов, связанных с разбирательством», «если Вам

возмещаются все расходы в случае выигрыша, Вы не оставите камня на камне, стремясь к нему» [3].

В результате последних реформ у сторон возникло право вносить предложения о внесудебном разрешении спора, обеспеченные санкциями в виде присуждения судебных расходов. В английском гражданском процессе если истец не принимает предложение ответчика о внесудебном разрешении спора, то именно на него возлагаются обязанности по оплате судебных расходов. Если истец в ходе слушания не достигнет принятия судебного решения, которое является более выгодным, чем предложение ответчика, то истец должен оплатить расходы ответчика, понесенные после той даты, когда истец мог принять предложение о внесудебном разрешении спора.

Условие для применения данной процедуры – убеждение суда в том, что истец несправедливо отказал в предложении ответчика о примирении. В том случае, если ответчик не принимает предложение истца о внесудебном разрешении спора, то тогда он несет риск расходов. Если неблагоприятное для ответчика судебное решение также благоприятно для истца, как предложения, содержащиеся в предложении истца, то ответчик должен выплатить истцу судебные расходы в большем размере с последующей возможностью начисления высоких процентов на данные расходы в том случае, если суд не сочтет это несправедливым.

Важное значение при распределении судебных расходов имеет поведение сторон при исполнении досудебных мероприятий. Суд вправе подвергнуть критике ту из сторон, чьи действия привели к невозможности досудебного регулирования, и учесть данное обстоятельство при распределении судебных расходов.

Основной проблемой в исследуемой сфере является значительный размер судебных расходов при рассмот-

рении гражданских дел. Так, лорд-судья Бакстон в деле Апелляционного суда Willis v. Nicolson (2007) указал: «Очень высокие расходы в гражданском процессе Англии и Уэльса – это проблема не только сторон в конкретном деле, но и всей системы судопроизводства» [4]. Одним из элементов нынешних высоких процессуальных расходов, несомненно, являются ожидания профессиональных специалистов, ведущих процесс, получать ежегодную прибыль. Система расходов в ее нынешнем состоянии не может ничего с этим поделать, поскольку она оценивает надлежащее вознаграждение за работу на основании рыночных ставок, взимаемых специалистами, и не задается целью (безусловно, труднодостижимой) установить объективную стоимость работы» [5]. В связи с чем последние реформы гражданского судопроизводства здесь направлены на снижение судебных расходов.

Основным правилом, которое применяется при распределении расходов, является правило cost-shifting rule. В соответствии с данным правилом выигравшая сторона, именуемая «получателем», взыскивает с проигравшей стороны «плательщика» так называемые «стандартные расходы». Данное правило относится к числу исторически сложившихся, классических правил, и в соответствии с этим правилом проигравшая сторона обязана оплатить расходы выигравшей стороны вне зависимости от своей вины, разумности и мотивов принятых им действий.

Если же гражданский процесс затрагивает публичные отношения [6, с. 10 – 15], суд имеет право применить меры, направленные на защиту истца и ответчика от возможной ответственности в отношении расходов. К критериям для использования подобных мер относятся: факт наличия публичного значения исследуемых в рамках рассмотрения гражданского дела вопросов; обоснованность требования публичного интереса разрешения вопросов; наличие частной

заинтересованности заявителя в разрешении вопросов, имеющих публичный характер; справедливость будущего решения с учетом возможностей сторон и вероятной суммы расходов.

Одна из мер, к которой может обращаться суд при разрешении вопроса о взыскании судебных расходов, это возможность устанавливать некий прогнозируемый предел, в рамках которого одна сторона получает право на взыскание расходов с другой. Данная мера применяется при рассмотрении исковых заявлений о клевете, которые предъявлены с заключением соглашения об условном вознаграждении и без страхования расходов на юридические услуги, в том случае, если дело будет проиграно. Сам предел является ограничением возмещения расходов, но при этом это не запрещает стороне, для которой он установлен, нести расходы выше этого предела, однако те расходы, которые превышают предел, не возмещаются.

В английском гражданском процессе суд не лишен права распределять судебные расходы по собственному усмотрению. Это выражается в принятии либо отказе суда в принятии приказа об оплате одной стороной судебных расходов другой стороны. Кроме того, суд вправе решить, какие судебные расходы подлежат возмещению на конкретной стадии судебного разбирательства. Данная процедура по оценке судебных расходов может выполняться как в краткой форме, при которой сам судья, рассматривающий гражданское дело, принимает решение, либо в детальной форме, когда после тщательного изучения решение принимает судья по расходам. В особых случаях могут применяться ранее указанные правила распределения расходов. Специальные судебные разбирательства, касающиеся только разрешения вопроса о распределении судебных расходов, называются специальным разбирательством о расходах.

Если суд при разрешении вопроса о распределении судебных расходов

придет к выводу о том, что процессуальное поведение проигравшей стороны, на которую возложено обязательство по возмещению судебных расходов, было предосудительным, то на основании принципа «возмещения» суд вправе изменить расчет так называемых «стандартных судебных расходов» в пользу получателя. Такое решение принимается при необоснованном отказе ответчика от принятия предложения об урегулировании спора, если сторона полагается на имеющий существенные недостатки отчет своего эксперта. То есть в английском гражданском процессе обращается внимание на поведение каждой из сторон, и в том случае, если сторона ссылается на недействительные доказательства в условиях очевидности, то она может понести увеличенные судебные расходы.

К одной из особенностей английского гражданского процесса при решении вопроса о возмещении судебных расходов относится право суда принять приказ об оплате расходов третьим лицом. В качестве третьего лица, изъявившего желание оплатить расходы, может выступать лишь то лицо, чья финансовая поддержка вызвана дружбой, привязанностью или политической солидарностью. Дело Хэмилтона против Аль Файеда имело в этом отношении прецедентный характер. Так, при рассмотрении данного дела Апелляционный суд отказался принять приказ о расходах в отношении некоммерческой организации – спонсора, которая поддержала иск о клевете, поданный Нейлом Хэмилтоном, бывшим членом парламента, против успешного предпринимателя Аль Файеда. При этом Хэмилтона поддерживали друзья и политические сторонники. Хемилтон

проиграл дело и у него не хватало средств для исполнения приказа о расходах в пользу выигравшей стороны на очень крупную сумму (около 1,3 млн фунтов стерлингов). Суд постановил, что право потенциальной стороны на доступ к правосудию является приоритетным по отношению частной заинтересованности выигравшей стороны в возмещении ее расходов [7, с. 56 – 60].

Особый интерес в исследуемой сфере представляет право суда применить меры ответственности к юристам и законным представителям, которые при рассмотрении гражданского дела совершили, по мнению суда, ненадлежащие, необоснованные или небрежные действия либо проявили бездействие. Так, в отношении юриста, законного представителя, допустившего подобное, суд вправе принять приказ об оплате им расходов противоположной стороны либо установить запрет взыскания расходов со своего клиента [8].

Российскими и зарубежными учеными признается, что Правила гражданского судопроизводства 1998 г. серьезно изменили ситуацию в Англии, что привело к обогащению содержания процессуального законодательства некоторых европейских государств и России. Те направления развития законодательства, которые прослеживаются в последних поправках к Правилам гражданского судопроизводства, дают возможность сказать, что английское процессуальное право сегодня очень современно и служит защите нарушенных прав и свобод различных субъектов, используя последние информационные технологии и альтернативные способы рассмотрения и разрешения дел.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцева Е. В. Современная реформа английского гражданского процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

2. Ходыкин Р. М. Рецензия на книгу «Andrews on Civil Processes» // Вестник гражданского процесса. 2014. № 4.
3. Neil Andrews. The Modern Civil Process (Mohr & Siebeck, Germany, 2008), para's 9.09 ff // СПС «КонсультантПлюс».
4. Алиев А., Базедов Ю., Бардина М. П. и др. Современное международное частное право в России и Евросоюзе: монография / под ред. М. М. Богуславского, А. Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. М.: Норма, 2013. Кн. 1.
5. Willis v. Nicolson. 2007. EWCA Civ 199 at.
6. Арутюнян М. С., Улимаев Р. Ю. О феномене власти // Вестник ВЭГУ. 2011. № 3.
7. Вахтинская Е. М. Реформирование судебных расходов в Австралии // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 10.

© Курбанов Д. А.

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

УДК 343.102:343:123.12 (470)

Р. Р. ХУСАИНОВ, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

R. R. KHUSAINOV, associate professor operational-investigative activity of internal affairs bodies of the Ufa law institute of the Ministry of internal affairs of Russia, candidate of law, associate professor (Ufa)

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОТНОШЕНИИ
ЗАЩИЩАЕМЫХ ЛИЦ**

**SOME OF THE PROBLEMATIC ISSUES OF THE OPERATIONAL SEARCH
ACTIVITIES IN RESPECT OF PROTECTED PERSON**

Аннотация. В представленной работе рассматриваются некоторые проблемные вопросы проведения оперативно-разыскных мероприятий в отношении защищаемых лиц в рамках обеспечения государственной защиты.

Ключевые слова: защищаемые лица, оперативно-разыскные мероприятия, государственная защита, меры безопасности.

Annotation. In the given paper discusses some problematic issues of carrying out of operational-search actions in the relation of protected persons in the framework of state protection.

Keywords: protected person, an investigative activities, state protection, security measures.

Основной целью проводимых в отношении защищаемых лиц оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) является обеспечение безопасности указанных лиц в связи с их участием в уголовном процессе или с выполнением ими служебных обязанностей. В соответствии с ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» [1] основанием для проведения ОРМ в отношении защищаемых лиц является постановление о применении мер безопасности, осуществляемых уполномоченными на то государственными органами в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации. Важной составляющей является то, что при заключении с защищаемыми лицами договоров определяются права и обязанности защищаемого лица и органа, обеспечивающего безопасность, поэтому в данном договоре целесообразно указать на возможность проведения в их отношении ОРМ.

В соответствии с существующим законодательством под государственную защиту попадают разные по своему социальному и материальному положению, интеллектуальному и образовательному уровню люди. Их условно можно разделить на четыре категории: 1) обвиняемые (подозреваемые), давшие согласие на сотрудничество со следствием; 2) потерпевшие, свидетели и иные участники уголовного процесса; 3) должностные лица контролирующих правоохранительных органов; 4) судьи. Очевидно, что при проведении ОРМ в отношении каждой из указанных категорий потребуется использовать свои тактические особенности.

Тактика и способы осуществления ОРМ в отношении защищаемых лиц должны отличаться от тех, которые используются при проведении мероприятий в отношении подозреваемых

(обвиняемых). Особое внимание необходимо уделять категории защищаемых лиц из числа судей, депутатов, адвокатов, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов.

Вышеуказанные категории граждан в соответствии с Конституцией Российской Федерации наделены неприкосновенностью перед законом, обусловленной необходимостью их защиты при выполнении государственных функций и обеспечения независимости принятых ими решений. Глава 52 УПК РФ устанавливает особый порядок производства при раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых должностными лицами, обладающими иммунитетом. Наличие у них указанных привилегий влечет за собой и особый порядок сбора сведений об этих лицах при осуществлении ОРД. К сожалению, в оперативно-разыском законодательстве процедура проведения ОРМ в отношении лиц, обладающих иммунитетом, не регламентирована, нет ссылок и на другие нормативные акты.

Основной целью ОРМ, как и всей оперативно-разыскной деятельности, является защита жизни и здоровья, прав и свобод человека и гражданина, его имущества, и при этом гражданство, национальность, должностное и социальное положение не являются препятствием для их осуществления. С одной стороны, законодатель закрепляет общие основания проведения ОРМ для всех лиц, с другой – указывает на дополнительные обстоятельства, которые могут быть препятствием для их осуществления в отношении некоторой категории лиц.

В законодательстве, регламентирующем государственную защиту, тоже нет нормативных правовых актов, наделющих какую-либо категорию защищаемых лиц неприкосновенностью и требующих особого порядка примене-

ния мер безопасности в их отношении. Поэтому неприкосновенность этой категории лиц должна ограничиваться только с событиями, связанными с их профессиональной деятельностью, как должностных лиц, уполномоченных на то государством, а не как защищаемых лиц, требующих к ним особого порядка применения мер безопасности. При обеспечении безопасности защищаемых лиц сотрудники отдела гражданской защиты вынуждены проводить ОРМ в их отношении с целью получения информации, необходимой для организации эффективной защиты. Все эти факты свидетельствуют о необходимости и допустимости проведения ОРМ в отношении лиц, обладающих иммунитетом.

Рассмотрим некоторые особенности осуществления ОРМ в отношении лиц, наделенных неприкосновенностью. Судьи в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [2] наделены полномочиями осуществлять правосудие и исполнять обязанности на профессиональной основе. Согласно ст. 16 Закона РФ от 28 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [3] неприкосновенность судьи включает в себя неприкосновенность личности, занимаемых им жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, тайну переписки и иной корреспонденции. Осуществление в отношении судьи ОРМ (если в отношении судьи не возбуждено уголовное дело), связанных с ограничением его гражданских прав либо с нарушением его неприкосновенности, определенной Конституцией Российской Федерации и иными федеральными законами, допускается на основании решения, принимаемого в соответствии дейст-

вующим законодательством (например, в отношении судей районного уровня – судебной коллегией в составе трех судей соответственно Верховного Суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа).

В соответствии со ст. 19 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации» [4] неприкосновенность депутата распространяется на его жилье, служебное помещение, багаж, личные и служебные транспортные средства, переписку, используемые им средства связи, документы. Такие же элементы неприкосновенности имеются у прокуроров, следователей и иных лиц, обладающих неприкосновенностью.

В соответствии с ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [5] проведение ОРМ и следственных действий в отношении адвокатов допускаются только на основании судебного решения. Положения данной нормы будем рассматривать в контексте смысла статьи, а именно обеспечения адвокатской тайны или получения информации, связанной с оказанием юридической помощи своему клиенту. Если указанные права не ограничиваются, то получение судебного решения необходимо только в тех случаях, если при их проведении предполагается получение информации, предметов или документов, входящих в производство адвоката по делам его клиента.

Таким образом, из указанных положений следует, что в отношении рассматриваемых категорий лиц не могут быть проведены такие ОРМ, как обследование помещений, контроль почтовых отправлений и иных сооб-

щений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и получение компьютерной информации. Других ограничений в проведении ОРМ в отношении этих лиц закон не предусматривает, поэтому проведение остальных мероприятий возможно на основаниях, предусмотренных законодательством об оперативно-разыскной деятельности. Однако при проведении ОРМ в отношении защищаемых лиц необходимо их предупредить о проведении этих мероприятий, а при проведении мероприятий, требующих санкции суда, получить от них письменное заявление о согласии на их проведение. Но в некоторых ситуациях, особенно при документировании деструктивного поведения защищаемых лиц, целесообразно проведение негласных ОРМ, не ограничивающих конститу-

ционные права и не требующих судебного санкционирования, в противном случае теряется весь смысл проводимых мероприятий.

В отношении лиц, не имеющих особого статуса, ОРМ осуществляются на общих основаниях в соответствии с действующим законодательством.

Таким образом, можно констатировать, что проведение ОРМ в отношении защищаемых лиц имеет свою специфику в зависимости от категорий защищаемых лиц. Проведение ОРМ в отношении защищаемых лиц должно проводиться на общих основаниях с учетом особенностей их правового положения. Проведение ОРМ, требующих судебного санкционирования, возможно только в исключительных случаях и при наличии законных оснований.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 14.08.1995. № 33. Ст. 3349.
2. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.01.1997. № 1. Ст. 1.
3. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 30.07.1992. № 30. Ст. 1792.
4. Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 09.05.1994. № 2. Ст. 74.
5. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.10.2003. № 44. Ст. 4262.

© Хусаинов Р. Р.

УДК 351.74.075(470)-028.45

В. А. КОЛЕСНИКОВ, доцент кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат социологических наук, доцент (г. Уфа)

V. A. KOLESNIKOV, assistant professor of the department of management in internal affairs Ufa law institute of the Ministry of internal affairs of Russia, candidate of sociology, associate professor (Ufa)

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

INFORMATION-ANALYTICAL SUPPORT OF MANAGEMENT PROCESSES IN THE BODIES OF INTERNAL AFFAIRS

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные направления деятельности руководителей органов внутренних дел в процессе информационно-аналитического обеспечения управления в ОВД.

Ключевые слова: аналитическая работа, оперативная обстановка, управление, сотрудник, правоохранительная деятельность.

Annotation. The article deals with actual directions of management of internal Affairs bodies in the process of information-analytical support of management bodies of internal Affairs.

Keywords: analytical work, operational environment, management, employee, and law enforcement.

Информационно-аналитическое обеспечение (далее – аналитическая работа) в ОВД осуществляется на основе единой информационной, правовой и научно-технической политики в соответствии с действующим законодательством, ведомственными нормативными правовыми актами и инструкцией по ее организации. Аналитическая работа основывается на принципах: законности, уважения и соблюдения прав и свобод граждан; конфиденциальности – строгого соблюдения режима секретности и собственной безопасности; результативности – обеспечения достижения конкретных результатов оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, общего повышения ее эф-

фективности; практической целесообразности, востребованности аналитических исследований и разработок, возможности их применения в оперативно-служебной деятельности; актуальности – ориентации проводимых аналитических исследований и разработок на изучение наиболее важных аспектов криминогенной обстановки и проблем оперативно-служебной деятельности ОВД; непрерывности – постоянного проведения анализа, оценки и прогнозирования складывающейся оперативной обстановки и результатов деятельности ОВД; информированности – обеспечения максимального доступа к сведениям, необходимым для проведения анализа, оценки, прогноза и подго-

товки аналитических документов; линейно-отраслевой и административно-территориальной организации; достоверности выводов и предложений.

Аналитическая работа в ОВД представляет собой комплекс взаимосвязанных мероприятий по сбору, оценке, анализу данных об оперативной обстановке, прогнозу ее развития в целях своевременного принятия управленческих решений в организационно-управленческой и оперативно-служебной деятельности ОВД, эффективного выполнения задач и функций, возложенных на них действующим законодательством [1, с. 23].

Основная цель данной работы – выявление проблем, трудностей и недостатков, имеющих место в деятельности территориальных органов МВД России, их структурных подразделений и сотрудников. Аналитическая работа направлена на выполнение следующих задач: 1) сбор, обобщение и оценка информации о качественно-количественных характеристиках преступности и ее причинном комплексе; 2) всесторонний анализ тенденций развития преступности; 3) аналитический поиск реальных и потенциальных угроз внутренней безопасности государства, характерных признаков преступлений и правонарушений в сфере компетенции ОВД, наиболее распространенных схем и способов их совершения; 4) комплексная оценка организационно-управленческой и оперативно-служебной деятельности системы ОВД, определение ее приоритетных направлений; 5) разработка мер реагирования на негативные изменения оперативной обстановки и эффективных алгоритмов управления ОВД.

Организация аналитической работы – это составная часть функции совершенствования системы управления органами внутренних дел. Ее содержанием является определение целей и задач аналитической работы, ее ресурсное и структурное обеспечение, разработка

критериев оценки этой деятельности, создание устойчивого квалифицированного ядра аналитиков на всех уровнях управления системы МВД России.

В управленческой практике ОВД аналитическая работа представляет собой специализированную исследовательскую, познавательную деятельность специально выделенных сотрудников, связанную с обеспечением целенаправленного управления системой, а также оценкой эффективности управляющего воздействия на объекты управления. Поэтому нельзя не согласиться с выводами о том, что аналитическая работа – это постоянная исследовательская деятельность (функция процесса управления), охватывающая своим содержанием широкий комплекс организационных мероприятий и методических приемов для изучения и оценки информации о состоянии преступности и общественного порядка, результатах практической деятельности органов по выполнению возложенных на них задач, а также об условиях, в которых эти задачи решаются. Сущность аналитической работы обуславливает ее роль и место в процессе управленческой деятельности. В процессе управления она наиболее важна именно при выработке управленческих решений и составлении планов работы ОВД.

В ОВД аналитическая работа всегда должна преследовать практическую цель: подготовку управленческого решения на основе анализа оперативно-служебной деятельности. В теории и практической деятельности ОВД принято выделять два вида анализа: 1) общий или комплексный; 2) частный или проблемный. Общий анализ часто и справедливо называют анализом оперативной обстановки.

В системе МВД России термин «оперативная обстановка» широко используется в специальной литературе. В общей формулировке под оперативной обстановкой в системе МВД пони-

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

маются условия, в которых те или иные органы или подразделения выполняют задачи борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, т. е. реализуют правоохранительные функции. Эти условия по отношению к субъекту управления в ОВД выступают как внешние – объективно определяют характер и направленность деятельности органов и подразделений ОВД; и внутренние – активно влияют на внешние, способствуя укреплению правопорядка на обслуживаемой территории.

Оперативная обстановка характеризуется исключительной сложностью и представляет собой сложную динамическую систему взаимодействующих факторов и условий различного социального уровня и разной степени общности. Для обеспечения всесторонности изучения оперативной обстановки наиболее целесообразно использовать системный подход. Для этого требуется структурное описание объекта, т. е. указание составляющих его компонентов, выявление функциональной роли каждого из них, определение целевого назначения выделенных компонентов объекта изучения, фиксирование связей между компонентами и их совокупностями. Это позволит обеспечить совокупность изучения оперативной обстановки как объекта исследования. Условия, характеризующие оперативную обстановку, проявляются через информацию, позволяющую нам представить ситуацию, поэтому модели оперативной обстановки рассматриваются как информативные.

В общем виде модель оперативной обстановки должна состоять из трех основных блоков, позволяющих характеризовать: преступность и иные правонарушения, лиц, их совершивших, как объекты непосредственного воздействия со стороны системы ОВД; обеспечение общественного порядка и общественной безопасности; условия внеш-

ней среды (демографические, национальные, межнациональные отношения, экономические, социально-политические, географические, территориальные характеристики).

С учетом влияния внешних факторов модель оперативной обстановки строится на территориальной основе, например: по республике, столице республики, городам районного значения, районам, другим городам и населенным пунктам. Общий анализ оперативной обстановки на территории республики территориального органа МВД России представляет собой совокупность организационных, методических и технологических действий по сбору, изучению и оценке специально отобранной информации, осуществляемых по определенным правилам и в соответствующей последовательности с целью выявления основных тенденций и характеристик оперативной обстановки и своевременного осуществления управленческих воздействий на систему органов и подразделений внутренних дел.

Основное назначение общего или комплексного анализа состоит в определении узловых проблем организации и деятельности ОВД на приоритетных направлениях обеспечения правопорядка на территории района с позиции общесистемных интересов отдела полиции и потребностей населения района в целом. К наиболее характерным признакам общего анализа оперативной обстановки обычно относят: изучение и оценку всей совокупности оперативной обстановки; ориентировку на целостную оценку состояния и направлений организации деятельности ОВД района, города, республики – обстановку в целом.

Таким образом, общий анализ оперативной обстановки на территории республики, города, района предполагает изучение всех факторов: преступности и иных правонарушений; географических, социально-экономических, де-

мографических и иных факторов внешней среды; эффективности оперативно-служебной деятельности по соответствующим направлениям или линиям работы; состояния сил и средств ОВД, степени влияния аппаратов территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях на организацию и конечные результаты деятельности органов и подразделений на местах, т. е. управленческой деятельности, в том числе обеспечения безопасности движения; исполнения уголовных наказаний; обеспечения пожарной безопасности, охраны объектов и квартир граждан; работы с кадрами; тылового обеспечения. Особенностью общего анализа является то, что основным субъектом организации его проведения выступают руководители территориальных органов МВД России.

Участие руководителя должно состоять в организации работы, умелом руководстве ею, хорошем знании соответствующих методологических принципов и методических приемов, умении грамотно составлять аналитические документы и на их основании принимать квалифицированные управленческие решения и добиваться всесторонне обоснованных и практически значимых результатов. Этому должны способствовать обоснованные выводы, полученные в результате общего анализа и оценки оперативной обстановки. От этого в основном зависит эффективность управленческого воздействия на изменение оперативной обстановки, результативность деятельности подчиненных ОВД в сфере борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и общественной безопасности.

Частный анализ в отличие от общего выделяется в самостоятельный вид изучения отдельных проблем организации борьбы с преступностью и охраны общественного порядка. Потребность в частном анализе возникает и в процессе общего анализа оперативной обстанов-

ки при выявлении отдельных вопросов и проблем, по которым требуется глубокое исследование, или при постановке задач вышестоящим руководством.

Примером частного анализа могут служить: изучение деятельности определенной службы – обычно проводится с целью оценки оперативной обстановки, складывающейся по линии данной службы. Могут быть и другие поводы: плановая проверка деятельности службы, резкое ухудшение показателей работы, сложный морально-психологический климат в коллективе и др.; изучение одной или нескольких проблем борьбы с преступностью при возникновении необходимости в этом. По результатам этого анализа готовится отдельная записка или представление, могут разрабатываться особые планы или управленческие решения.

Весьма эффективен сравнительный анализ как метод аналитической работы, выступающий в силу его распространенности в виде самостоятельного направления. Обычно он используется для выяснения причин значительной разницы в результатах оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, которые работают примерно в равных условиях. Он часто применяется в тех случаях, когда ставится задача определить, какой из двух-трех подчиненных органов, имеющих положительные результаты оперативно-служебной деятельности, занимает передовые позиции, или когда ставится конкретная аналитическая задача – выявить передовой опыт работы и найти объективные критерии деятельности служб, подразделений и отдельных сотрудников.

Все виды анализа используются в комплексе и направлены на поиск путей повышения эффективности работы исследуемого органа, устранения недостатков [2, с 16]. Являясь базой текущего и перспективного планирования, анализ дает возможность наиболее целесооб-

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

разно использовать имеющиеся в распоряжении начальника территориального органа МВД России силы и средства, перераспределяя при необходимости трудовые и материально-технические ресурсы, оперативно принимать меры по улучшению служебной деятельности подразделений и личного состава. Многообразие факторов, условий, влияющих на изменение оперативной обстановки, требует от руководителей ОВД умения находить главное, устанавливать причинную связь между различными событиями и явлениями с тем, чтобы вовремя обнаружить признаки, свидетельствующие о появлении той или иной тенденции, спрогнозировать развитие ситуации и своевременно на нее отреагировать.

В научной литературе можно встретить высказывание о том, что не следует без особой необходимости усложнять анализ оперативной обстанов-

ки и изучать те факторы, которые в данном конкретном случае играют второстепенную роль и не являются определяющими. С подобным высказыванием в настоящее время нельзя согласиться, т. к. мы знаем, что порой незначительные факторы могут оказать и оказывают весьма значительное влияние на процессы, происходящие в социальных системах. Поэтому упрощение анализа оперативной обстановки и любого другого анализа, прогнозирование ситуации возможно лишь на основе современных информационных технологий.

Таким образом, руководители территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях должны помнить о том, что эффективность управления в первую очередь зависит от своевременного, полного и качественного информационно-аналитического обеспечения деятельности ОВД.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные направления деятельности руководителей органов внутренних дел при решении правоохранительных задач: учебное пособие. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017.
2. Коломийченко Е. В. Прогнозирование преступности осужденных в местах лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Всероссийский НИИ МВД России, 2000.

© Колесников В. А.

УДК 316.624.3:351.811.122:659.1

С. Р. АСЯНОВА, преподаватель кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук (г. Уфа)

S. R. ASYANOVA, lecturer department of pedagogy and psychology in the activity employees bodies of internal affairs of Ufa law institute of the Ministry of internal affairs of Russia, candidate of pedagogical sciences (Ufa)

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ИНСТРУМЕНТ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ (НА ПРИМЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ)

SOCIAL ADVERTISING AS A TOOL IN COUNTERING EXTREMISM (ON AN EXAMPLE THE PREVENTION OF VIOLATIONS OF TRAFFIC RULES)

Аннотация. Статья рассматривает социальную рекламу по безопасности дорожного движения как один из компонентов профилактики агрессивного поведения на дороге. Особое внимание уделяется мотивационно-побудительной и социализирующей функциям социальной рекламы, призванной формировать у населения культуру безопасного поведения на дороге.

Ключевые слова: экстремизм, агрессия, молодежь, агрессивное поведение на дороге, водитель, толерантность, взаимоуважение, безопасность на дороге.

Annotation. The Article considers social advertising on road safety as a component of prevention of aggressive behavior on the road. Special attention is paid to motivational and incentive and socializing functions of social advertising designed to generate among the population a culture of safe behavior on the road.

Keywords: extremism, aggression, youth, aggressive behavior on the road, the driver, tolerance, mutual respect, safety on the road.

Об идеалах нации говорят ее рекламные объявления.
Крылатое выражение

Экстремизм как одна из социально-политических, религиозных проблем нынешнего общества все чаще вовлекает молодое поколение в свои проявления. Исследования особенностей молодежного экстремизма подтверждают создаваемую угрозу общественной безопасности. Экстремальные

настроения молодежи отмечаются в самых различных жизненных ситуациях. Широкий общественный резонанс вызывает агрессивное поведение молодых участников дорожного движения.

По данным Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ГИБДД) в 2017 году,

в Республике Башкортостан произошло 1 923 столкновения, 1 376 наездов на пешеходов, 366 опрокидываний автотранспортных средств, 178 наездов на препятствие, 70 наездов на стоящее транспортное средство. Больше всего погибших – 277 человек – зарегистрировано при столкновениях автотранспорта. Всего в регионе за 2017 год зафиксировано 4 371 (– 3,9 %) дорожно-транспортное происшествие (далее – ДТП), в которых погибли 512 (– 0,8 %) и травмированы 5 565 (– 5 %) человек. В каждом третьем случае автодорожных происшествий виновниками явились молодые автолюбители, чей водительский стаж составляет менее трех лет.

Противоправные действия автомобилистов не остаются без внимания общественности и средств массовой информации, вызывая широкий общественный резонанс среди всех социальных категорий населения. Культура поведения на дороге, являясь проявлением общей культуры человека, не терпит агрессии и ошибочных действий, которые способны спровоцировать агрессивное состояние других участников дорожного движения.

На дороге агрессия может встречаться в виде беспорядочных маневров, быстрой езды, резкого торможения, обгона и др. Демонстрируя свой агрессивный настрой, человек за рулем рассчитывает на силы нескольких сотен лошадей под капотом, тем самым показывая свою «удаль», «безопасность». Психологи в таких случаях говорят о бессознательных проблемах психики водителей-невротиков, которые используют автомобиль для агрессивных выпадов, «снимают» психоэмоциональное напряжение и «разрешают» внутренний конфликт. Раскрывая содержание этого феномена, З. Фрейд писал, что «агрессия – это один из многочисленных движущих поведением человека инстинктов, имеющих деструктивную силу» [1].

Окончательное определение этому состоянию человека за рулем еще не сформулировано, современные исследователи продолжают изучать смысл агрессии. Разнообразный подход в определении этого понятия выражается в осмыслении социальной среды, в которой проявляется агрессия [2]. В этой связи важно отметить, что уравновешенные люди, оказываясь в той же самой социальной среде, проявляют максимальную терпимость по отношению к своим попутчикам на дороге.

Изучение молодежного экстремизма, рассматриваемого с позиции активных проявлений молодых людей, когда их поведение нарушает общепринятые нормы и выходит за рамки дозволенного, требует незамедлительной профилактической работы всеми возможными и доступными методами [3, с. 91 – 94]. Одной из ключевых форм, на наш взгляд, наряду с выявлением, предупреждением и пресечением экстремистской деятельности среди молодежи, является патриотическое воспитание, формирование толерантного отношения к обществу и другим участникам дорожного процесса.

С этой позиции роль социальной рекламы как одного из видов конструктивного влияния на сознание общественности неопределима. Рекламный дискурс способен обеспечить быстрое воздействие на целевую аудиторию. В их число входят абсолютно все пешеходы, автомобилисты и их пассажиры. Социальная реклама является источником информации для всего населения и тем самым способна повлиять на общее состояние безопасности на дороге.

Представляя собой некоммерческий вид, социальная реклама имеет художественно-выраженную форму. Закон РФ «О рекламе» определяет ее так: «Социальная реклама представляет общественные и государственные интересы и направлена на достижение благотворительных целей» [4].

Социальная реклама на тему безопасности дорожного движения ориентирована на привлечение внимания участников дорожного процесса к очевидным последствиям нарушений ПДД в связи с агрессивным поведением человека. Она пропагандирует определенный благоприятный образ жизни и вдохновляет/мотивирует/побуждает к соответствующим общепринятым требованиям действий на дороге. Выполняя свое предназначение, взывая к нравственным ценностям, социальная реклама, как признаются сами участники дорожного движения, заставляет задуматься о гуманном отношении людей друг к другу, формирует культуру безопасного поведения [5].

Возможности социальной рекламы безграничны, она призывает противостоять агрессивному поведению участников дорожного процесса, выполняет такие функции, как коммуникативная, информационная, мотивационно-побудительная, социализирующая, легитимационная и др. Проводимые ГИБДД различные рекламные кампании тому свидетельство (см. рис. 1 – 5). Многолетний опыт подобных мероприятий позволяет утверждать благотворное влияние социальной рекламы на сознание не только молодых водителей, но и автомобилистов-профессионалов с большим водительским стажем [6, с. 126 – 128]. Целенаправленное применение возможностей данного вида коммуникации позволяет включить огромное число людей в общественные процессы, требующие не-

замедлительного «переформатирования».

Авторами социальной рекламы могут быть не только дизайнеры, профессионально занимающиеся ее созданием, но и обучающиеся общеобразовательных учреждений, студенты вузов (в том числе и системы МВД России), например, практический опыт взаимодействия Министерства образования Республики Башкортостан с Управлением ГИБДД Министерства внутренних дел по Республике Башкортостан представлен организацией и проведением многочисленных мероприятий по созданию различных видов социальной рекламы по безопасности дорожного движения.

Республиканский конкурс эскизов социальной рекламы, проводимый ежегодно в регионе, определял лучшие работы по темам обеспечения безопасности пешеходов, перевозки детей-пассажиров, соблюдения скоростного режима водителями-женщинами, использования детских удерживающих устройств, управления транспортным средством водителем в состоянии опьянения, нарушения скоростного режима и правил маневрирования, использования ремней безопасности, отвлечения пешеходов и водителей на гаджеты и т. д. Работы победителей при поддержке Комиссий по безопасности дорожного движения муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан размещались на растяжках, баннерах, плакатах, общественном транспорте, транслировались по радиоканалам, телевидению и в социальных сетях.

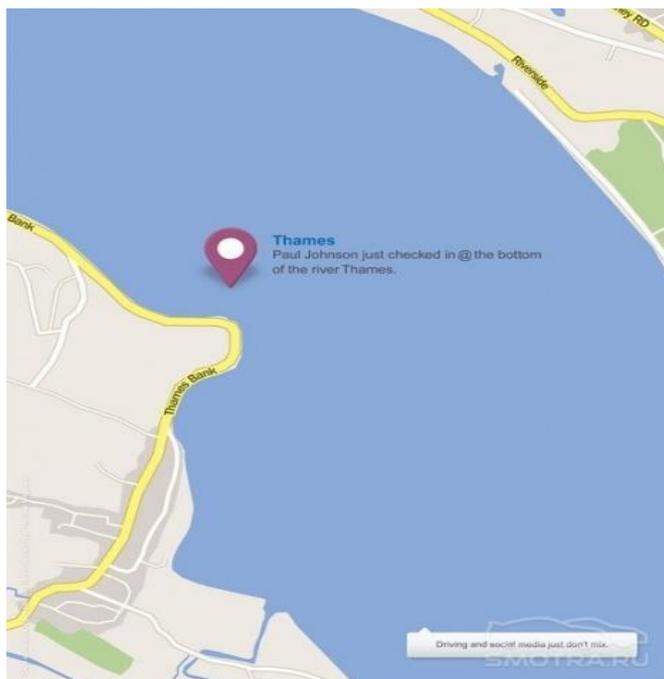

Рис. 1. Социальная реклама от TopGear: «Пол Джонсон только что отметил свое местоположение на дне реки Темзы. Не пользуйтесь соцсетями за рулем!»

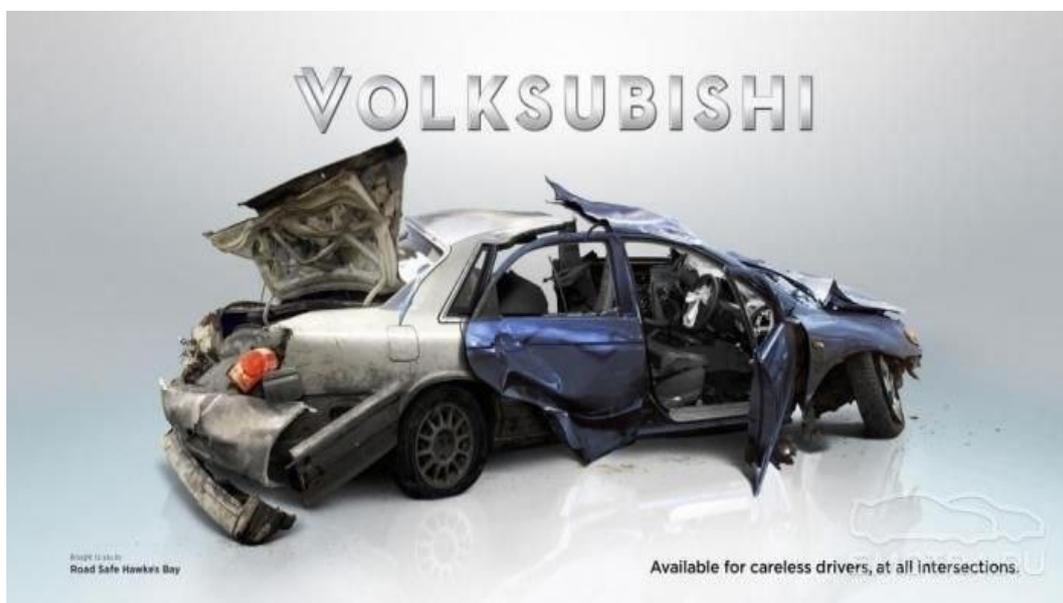

Рис. 2. Социальная реклама – «Фольксубиши!»

Рис. 3. Социальная реклама от ГИБДД о правилах перевозки детей автотранспортом

Рис. 4. Социальная реклама от ГИБДД: «Пешеходы бывают...»

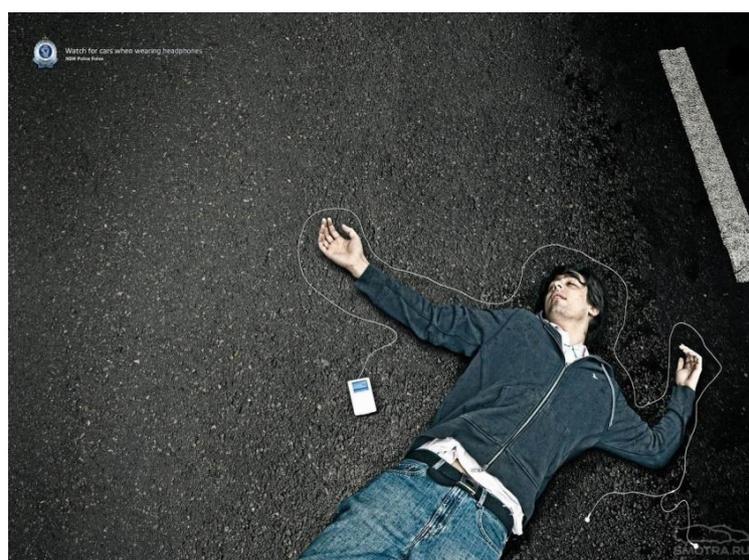

Рис. 5. Социальная реклама для пешеходов, которые постоянно слушают музыку. Полиция Южного Уэльса: «Смотри на дорогу, когда носишь наушники!»

Социальная реклама по безопасности дорожного движения эффективно справляется с задачей по формированию общественного мнения. Она привлекает внимание к актуальным вопросам обеспечения дорожной безопасности автомобилистов и пешеходов. Формируя новый тип общественных отношений, социальная рекла-

ма предлагает выбор: быть агрессивным на дороге или проявлять взаимопочтение. Изменять свою поведенческую модель на дороге или нет, быть социально ответственным или негативно реагировать на поступки других участников дорожного процесса – этот выбор остается за теми, кто в данный момент находится на проезжей части.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1991.
2. Ямалова Э. Н. Коммуникационные аспекты модернизации политической сферы российского общества // Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 17 декабря 2015 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2015.
3. Исхаков Э. Р. Формирование гармоничной личности как фактор профилактики экстремизма: опыт, формы, методы // Общественная безопасность: новые идеи и вызовы времени: материалы межрегиональной научно-практической конференции по профилактике экстремизма. Уфа, 2016.
4. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О рекламе». Гл. 1. Ст. 10 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Асянова С. Р. Формирование культуры безопасного поведения школьников на дорогах в условиях современного города: дис. ... канд. пед. наук. Уфа: БГПУ, 2012.
6. Асянова С. Р. Акции социальной направленности как превентивная форма профилактики экстремизма среди молодежи // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 4 (78).

© Асянова С. Р.

УДК 378.016:[34(091):001.98]

А. Х. СУЛТАНОВ, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент (г. Уфа)

A. H. SULTANOV, head of the department of history and theory of state and law of the Ufa law institute of the Ministry of internal affairs of Russia, candidate of historical sciences, associate professor (Ufa)

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

FROM THE EXPERIENCE OF THE DEPARTMENT OF HISTORY AND THE THEORY OF STATE AND LAW OF THE UFA LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA ON THE PROBLEMS OF COUNTERING THE FALSIFICATION OF THE CONTENT OF HISTORICAL AND LEGAL DISCIPLINES

Аннотация. В процессе преподавания историко-правовых дисциплин преподавателями кафедры был накоплен определенный опыт изложения материала, направленного в противовес попыткам искажения исторических событий, фактов. Обращает на себя внимание стремление авторов отдельных художественных произведений предложить свою версию трактовки событий прошлого, полностью противоречащих историческим реалиям.

Ключевые слова: событие, государственный деятель, прошлое страны.

Annotation. In the process of teaching historico-legal disciplines the teachers of the department had accumulated a certain experience in the presentation of material directed against the attempts to distort historical events and facts. Attention is attracted to the desire of the authors of individual artistic works, both literary and television, to offer their version of the interpretation of events of the past, completely contrary to historical realities.

Keywords: event, statesman, past of the country.

Полноценное и достаточно основательное изучение истории России и других государств является важным составляющим компонентом не только получения знаний, но и представляет собой своеобразный фундамент для укрепления в сознании курсантов первоосновы, где закрепляется понимание процессов, способствующих личному восприятию истоков российской государственности и формированию на-

циональной идентичности. Не следует при этом упускать из виду, что такие качества, как патриотизм, гражданственность, способность сопереживания человеческим трудностям, невозможно взрастить без привития уважительного отношения к славным традициям своей семьи, родного города, Отчизны. С другой стороны, этому должно сопутствовать развитие в молодом чело-

веке уважительного отношения к другим нациям и государствам.

Сложность выполнения подобных задач особенно возрастает в современных условиях, когда невозможно констатировать наличие единого мнения ученых, специалистов в оценке того или иного исторического события, конкретного государственного и политического деятеля. Вспомним, в этой связи за последние полвека в отечественной историографии несколько раз радикально менялось восприятие вопроса о влиянии личности И. В. Сталина на развитие нашей государственности. Схематично этот процесс выглядел следующим образом: громкоголосое восхваление – разоблачение культа личности – десятилетия замалчивания роли Сталина в прошлом – период перестройки, ставший своеобразным ренессансом эпохи «оттепели» после XX съезда КПСС. Далее произошло осторожное восхваление, а затем и ставший набирать обороты процесс позитивной трактовки роли И. В. Сталина в истории нашей страны в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны.

Можно говорить о том, что подобному процессу массового переосмысления подверглись представители старшего поколения. На подобном фоне со всей очевидностью можно констатировать, что молодые люди в этом плане начисто лишены способности четко закрепить в своем восприятии полученные знания по отечественной и зарубежной истории на основе преобладания какой-либо идеологической доктрины. К тому же следует отметить определенный фактор инертного отношения государственных органов к подобным явлениям в сфере образования. Речь идет о том, что у властных структур отрицательное отношение вызывает лишь исключительно экстремистские по своей направленности установки, которые способны повлиять на сознание молодых людей.

На фоне подобных процессов обеспечение «безопасности» истории Отечества от возможных посягательств становится в действительности важным фактором укрепления идеологических основ национального суверенитета, важным компонентом для реализации задач по укреплению национальных интересов и приоритетов страны.

В этой связи приходится констатировать негативное отношение, которое вызывают различные работы, художественные произведения, кинофильмы, авторы которых, добиваясь большей убедительности и доступности для аудитории, стараются исказить исторический фон, дать свое авторское видение как исторических событий, так и происходивших в прошлом событий.

Обращаясь к практической стороне данной проблемы, можно сослаться на формы подачи материала во время проведения занятий по дисциплине «История государства и права России». Освещая вопросы об особенностях развития советского государства и права в период «застоя», преподаватель обращается к фрагментам одного телесериала, посвященного событиям указанного времени. Приступая к изложению материала, преподаватель обязательно отмечает тот факт, что показ многосерийного фильма «Петля Нестерова» происходил в вечернее время, в так называемые часы «прайм-тайм». Молодые люди получают представления об определенных правилах телевизионного жанра, становятся достаточно осведомленными о том, что в коммерческом плане указанное время является самым желанным для представителей шоу-бизнеса. В это время миллионы россиян и телезрителей из государств ближнего и дальнего зарубежья усаживаются, как правило, целыми семьями перед экранами телевизоров.

Тот факт, что бывшие граждане Советского Союза с большим удовольствием смотрят подобные телесериалы, неоднократно отмечали как средства

массовой информации Российской Федерации. Перед аудиторией в ходе проведения занятий рекомендуется поставить вопрос: «Вправе ли художник не ограничивать себя ничем в своем творчестве при изображении конкретных событий, реальных исторических персонажей?» Нам представляется целесообразным выслушать подчас противоположные мнения, некоторые из которых сводятся к классическому постулату: «Художественный фильм – это не документ, сценарист и режиссер имеют право на вымысел».

В этом случае преподаватель может со всем основанием задать аудитории вопрос: «Как бы вы отнеслись к тому, чтобы так же «творчески» рассказывали о вашем деде, прадеде?». Как показывает практика проведения занятий, в данном случае количество сторонников абсолютной свободы художника в своем творчестве резко снижается. Ярким подтверждением подобного «полета фантазии» являются многочисленные эпизоды из фильма «Петля Нестерова». Достаточно сослаться на сцену, когда два старейших члена Политбюро – министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко и руководитель оборонного ведомства Дмитрий Федорович Устинов – буквально уговаривают Ю. В. Андропова согласиться на его перемещение на должность Генерального секретаря ЦК КПСС. При этом зритель должен убедиться в том, что это происходит в условиях, когда жив еще Леонид Ильич Брежнев. Получается, что три самых авторитетных представителя Политбюро не могли дождаться той минуты, когда руководитель партии и государства сойдет с «политического Олимпа». К тому же, как свидетельствуют многочисленные источники, сам Леонид Ильич инициировал процесс перемещения Ю. В. Андропова на пост секретаря ЦК КПСС, второго человека по партийной иерархии. При этом заранее оговаривалось, что данное лицо станет

преемником руководителя партии и советского государства.

В ходе проведения семинарских занятий достаточно часто применяются материалы художественной литературы применительно к проблематике содержания историко-правовых дисциплин. Стало модно говорить исключительно о западных авторах, позволяющих себе «вольности» на пространстве художественного творчества. Однако за последние десятилетия российские литераторы также стали весьма активными в этом направлении.

О подобном «пробуждении» творческой самостоятельности и концептуальной раскрепощенности свидетельствует роман Б. Акунина «Черный город». События, описываемые в книге, происходят в Баку накануне Первой мировой войны. Герой многих произведений этого автора – Эраст Петрович Фандорин – оказался в гуще событий, где перемешалось все: политика, терроризм, конфликт между азербайджанцами и армянами, деньги, любовь.

В произведении описывается, что в «Баку несколько тысяч германских и австрийских подданных: инженеры, коммерсанты, просто искатели легких денег», которые занимаются исключительно шпионской деятельностью [1, с. 108]. Подобная «перенасыщенность» агентуры в одном из провинциальных городов не может не насторожить внимательного читателя. Будет задан встречный вопрос: «Сколько иностранцев, занимавшихся шпионской деятельностью, проживали в указанное время в обеих столицах Российской империи?».

Вызывает сомнение и техническая составляющая романа. Бросив схематичный ретроспективный взгляд, можно констатировать, что автор произведения явно переоценил значение нефти для оборонного потенциала будущих участников военного конфликта. Подчас складывается впечатление, что все активные участники событий,

связанных с проведением забастовки на бакинских нефтепромыслах (и рабочие, и революционеры) предвосхитили сценарий действий арабских государств в 1973 г., вызвавших мировой экономический кризис.

Складывается впечатление, что Б. Акунин сохранил в своем творческом потенциале наследие 80 – 90-х гг. прошлого столетия, когда стало признаком «хорошего тона» во всех бедах исторического прошлого нашей страны винить большевиков и ее лидера – В. И. Ленина. На семинарах обращается внимание на упоминание в романе фразы о том, что Ленин фактически сотрудничает с австро-венгерской разведкой, так как «проживает на австро-венгерской территории» [1, с. 200]. Вершиной «полета фантазии» можно считать утверждение автора о том, что социал-демократы (большевики) с целью разжигания забастовки на бакинских нефтепромыслах раздавали рабочим ящики с водкой. Подобный пассаж представляется, по меньшей мере, бестактным. Исторические источники подтверждают очевидный факт, что именно большевики стояли у истоков создания обществ за трезвость, получивших широкое распространение в России в начале XX в.

В конце произведения главный герой погибает от руки своего бывшего соратника по борьбе с преступниками, которые тогда в буквальном смысле заполнили улицы Баку. Финал романа производит впечатление на неискушенного читателя, но при ближайшем рассмотрении возникает определенное замешательство. Читатель узнает о том, что Гасым, убийца Фандорина, в свое время находился в одной тюремной камере с главным визави Эраста Петровича по сюжетной линии романа – социал-демократом (большевиком), скрывавшимся на всем протяжении романа под псевдонимом «Дятел».

Следует признать, что писатель совершил подлинный переворот в ис-

следовании истории правоохранительных органов Российской империи. Администрация тюремных учреждений содержала в одной камере уголовного преступника и политического заключенного, что является шедевром в мире литературного творчества. Последние сцены свидетельствуют, что опытный революционер за короткий отрезок времени «перековал» отъявленного уголовника в самоотверженного борца с самодержавием. Изумленный таким поворотом событий, читатель отчетливо вспоминает, что на всем протяжении сюжетной линии романа Гасым играет роль преданного сотоварища главного героя, который в своих поступках переступает нормы поведения, принятые даже в уголовной среде.

Подобные приемы позволяют в процессе преподавания историко-правовых дисциплин выделить позитивные аспекты, которые отчетливо демонстрируют всю сложность постижения не только действительности, но и исторического прошлого. Следует избегать при этом сугубо негативного отношения к прошлому и исключительно восторженного, граничащего с преклонением, восприятия особенностей развития как отдельного государства, так и жизнеописания отдельных общественных и политических деятелей. В современных условиях бережное и уважительное отношение к пониманию и в какой-то степени переосмыслению исторических фактов и событий представляет собой одно из главных условий для объективного изучения прошлого нашей страны и других государств.

С другой стороны, следует обращать внимание курсантов и слушателей на классическое наследие, в том числе и на труды патриархов юриспруденции [2, с. 19]. «Возвращение к истокам» в определенной степени послужит более качественному наполнению конечных результатов процессов постижения высшего образования в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акунин Б. Черный город: роман. М.: «Захаров», 2012.
2. Нигматуллин Р. В. Роль юридической науки в развитии современной России // Юридический мир. 2012. № 3 (183).

© Султанов А. Х.

УДК 796.015.33

М. Н. КИСЛИЦЫН, старший преподаватель кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

M. N. KISLITSYN, senior lecturer of the department of physical training of Ufa law institute of the Ministry of internal affairs of Russia (Ufa)

НАГРУЗКА И ОТДЫХ КАК ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПРОЦЕССА УПРАЖНЕНИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

THE LOAD AND REST AS INTERRELATED COMPONENTS OF PROCESS EXERCISES IN THE CLASSROOM FOR PHYSICAL TRAINING IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы нормирования физической нагрузки на занятиях по физической подготовке, а также регулирования интервалов отдыха в процессе физического воспитания.

Ключевые слова: нагрузка, отдых, физические нагрузки, суперкомпенсаторный интервал, сверхвосстановление.

Annotation. The article deals with the question of physical activity rationing at the lessons of physical training, and the regulation of rest intervals during physical education.

Keywords: load, rest, exercise, supercompensating interval sverhvosstanovleniya.

В современных условиях на выпускников образовательных организаций МВД России возлагается большая ответственность по поддержанию высокой боевой готовности личного состава. Поэтому повышение уровня физической подготовленности курсантов является в настоящее время одной из важнейших задач боевой подготовки.

Точное нормирование тренировочной нагрузки во время занятий по физической подготовке с курсантами

играет важную роль в эффективном развитии физических качеств и повышении уровня их готовности к служебно-боевой деятельности. Практика показывает, что точное нормирование тренировочной нагрузки во время занятий по физической подготовке с курсантами обеспечивает высокое качество образовательного процесса. Нормированное использование физических упражнений способствует повышению уровня всех функциональных систем организма кур-

сантов, облегчает освоение важнейших служебно-прикладных навыков. Под влиянием нормирования тренировочной нагрузки во время занятий по физической подготовке происходит повышение резервных и адаптационных возможностей организма курсантов, что благотворно сказывается на их работоспособности и способствует более быстрому освоению тем.

Как считают А. С. Ханахмедов и В. М. Флоча, «физические нагрузки оказывают тренирующий эффект тогда, когда они способны существенным образом изменить биохимические константы внутренней среды, то есть если они выводят организм из состояния покоя на повышенные уровни деятельности. Тренирующая нагрузка должна превышать привычную повседневную бытовую и производственную работу мышц» [1].

Нагрузка – это дополнительная по сравнению с покоем степень функциональной активности организма, приносимая выполнением упражнения (или упражнений), а также степень переносимых при этом трудностей. Эффект физических упражнений связан с параметрами нагрузок. Различают предельную, большую, среднюю, малую и другие степени нагрузки. Отсюда необходимость тщательного анализа и оценки нормирования и регулирования нагрузки.

Внешняя и внутренняя стороны нагрузки

Показателями нагрузки при выполнении физических упражнений являются, с одной стороны, величины, характеризующие совершаемую работу в ее внешне выраженных размерах (продолжительность упражнения, количество работы в физико-механическом смысле, преодолеваемое расстояние, скорость движений и т. д.); с другой – величины функциональных и связанных с ними сдвигов в организме, вызываемых упражнением (степень увеличения частоты сердечных сокращений, легочной вентиляции, потребления кислоро-

да, ударного и минутного объемов крови и т. д.). Первые относятся к внешней стороне нагрузки, вторые – к ее внутренней стороне (точнее к реакции на нагрузку).

На внешние показатели нагрузки ориентируются, намечая доступные и необходимые величины нагрузок, и сопоставляют ответные реакции организма, соответственно нормируют предъявляемые нагрузки. Внутренние показатели нагрузки говорят о степени мобилизации функциональных и приспособительных возможностей организма и позволяют оценить соответствие (либо несоответствие) нагрузки его возможностям, и с учетом этого определить ее целесообразную меру.

Для того чтобы оценить нагрузку и ее эффект при выполнении физических упражнений, необходимо учитывать и внешнюю, и внутреннюю ее стороны. Чем больше нагрузка по своим внешним параметрам, тем значительнее функциональные сдвиги в организме; чем меньше первые, тем меньше и вторые. Но по мере увеличения работоспособности в результате систематических упражнений одна и та же нагрузка с внешней стороны становится постепенно все меньшей с внутренней, т. е. происходит адаптация организма.

Объем и интенсивность нагрузки

Объем нагрузки – протяженность во времени и суммарное количество работы, выполняемой в процессе упражнения или ряда упражнений. Интенсивность нагрузки связана с напряженностью работы и степенью ее концентрации во времени. Объем относится к длительности воздействия, а интенсивность – к силе воздействия.

В принципе соотношение объема и интенсивности нагрузки при выполнении физических упражнений характеризуется обратной пропорциональной зависимостью. Чем больше объем нагрузки, задаваемой в упражнении, тем меньше ее интенсивность, и, наоборот,

чем больше интенсивность нагрузки, тем меньше ее объем.

Закономерное «свертывание» параметров объема нагрузки, по мере того как ее интенсивность приближается к предельным величинам (или наоборот), объясняется существенными физиологическими и биохимическими особенностями работы различной продолжительности и мощности. Величину нагрузки в каждом отдельном упражнении можно представить в виде произведения величин ее объема и интенсивности, взятых в определенной пропорциональности.

Параметры суммарной нагрузки в совокупности упражнений

Суммарные объем и интенсивность нагрузки при повторении одного и того же упражнения или ряда однотипных упражнений оценить с внешней стороны невозможно. Суммарную нагрузку при выполнении нескольких или многих разнохарактерных упражнений чаще всего оценивают с внешней стороны по сумме времени, затраченного на все упражнения в течение отдельного занятия или ряда занятий. Параметры объема и интенсивности суммарной нагрузки в совокупности упражнений соотносятся друг с другом приблизительно так же, как и в отдельном упражнении, т. е. обратно пропорционально: чем больше суммарный объем нагрузки в занятии, тем меньше ее общая интенсивность, и, наоборот, чем выше общая интенсивность нагрузки в занятии, тем меньше ее суммарный объем.

Роль и типы интервалов отдыха в процессе упражнений

Между упражнениями, их повторениями и занятиями вводятся две разновидности отдыха: собственно отдых, или пассивный отдых (относительный покой, сменяющий двигательную активность), и активный отдых (отдых, организуемый посредством переключения на деятельность, отличающуюся от той, которая вызвала утомление, и способствующую восстановлению работоспособности). Регулирование интервалов отды-

ха служит одним из средств оптимального управления общим эффектом упражнений. Интервалы между занятиями нормируют так, чтобы обеспечить обычное либо избыточное, либо как минимум частичное восстановление уровня работоспособности по отношению к видам работы, составляющим содержание очередного занятия.

Регулирование интервалов отдыха в процессе физического воспитания не только направлено на обеспечение восстановления, но и служит одним из основных средств управления общим эффектом упражнений, нагрузок. При различных интервалах воздействие очередного упражнения или повторения будет приходиться на различные фазы следовых процессов, обусловленных предыдущим воздействием, по-разному взаимодействовать со следовым эффектом и в зависимости от этого давать принципиально неоднозначные кумулятивные результаты.

Типы интервалов отдыха

Интервалы отдыха между повторениями упражнения значительно короче и более вариативны, чем интервалы отдыха между занятиями. При повторениях и чередовании упражнений в ходе занятия оправданы в соответствующих условиях следующие типы интервалов отдыха.

Ординарный интервал – продолжительность которого соразмерна продолжительности фазы относительной нормализации функционального состояния организма, следующей за выполнением упражнения. Конкретная величина ординарных интервалов, как и интервалов иного типа, в различных ситуациях непостоянна. Она варьирует в довольно широких пределах (от десятков секунд при кратковременных упражнениях до многих минут при упражнениях большой продолжительности и интенсивности – в зависимости от характера упражнений, параметров, сопряженных с ними нагрузок, уровня подготовленности занимающихся и

других обстоятельств). Ординарный интервал – интервал, который гарантирует к моменту очередной части нагрузки практически полное восстановление работоспособности до исходного уровня, что позволяет повторить работу без дополнительного напряжения функций.

Напряженный интервал – это интервал, протяженность которого настолько невелика, что очередная нагрузка как бы совмещается с остаточной функциональной активностью определенных систем организма, вызванной предыдущей нагрузкой, в результате чего воздействие очередной нагрузки увеличивается. Внешние количественные показатели работы, повторно выполняемой некоторое число раз с напряженными интервалами, могут не уменьшаться, но это сопряжено с дополнительной мобилизацией функциональных резервов организма. Интервалы такого типа характерны для режимов нагрузки и отдыха, направленных на воспитание выносливости.

«Минимакс»-интервал – наименьший интервал отдыха между упражнениями, по истечении которого может выявляться ближайшее последствие предшествующего упражнения (либо серии упражнений), выражающееся в повышенных показателях оперативной работоспособности при выполнении последующего упражнения. Интервал такого типа удается вводить по ходу занятия реже, чем ординарный и напряженный интервалы, т. к. эффект ближайшего стимулирующего последствие упражнений, с которым он связан, имеет преходящий характер, перестает возникать по мере кумуляции утомления в процессе повторного воспроизведения упражнений на протяжении занятия. Отличия выделенных интервалов относительно и преходящи в процессе воспроизведения интервалов по ходу занятий.

Интервалы между занятиями более существенно влияют на общие тенденции процессов восстановления, при-

способления и кумулятивных преобразований, которые разворачиваются в организме под воздействием системы занятий. В массовой практике физического воспитания величина интервалов между занятиями относительно стандартна. Исходя из особенностей фаз следовых процессов, на которые наслаивается эффект очередного занятия и кумулятивный эффект, возникающий при чередовании занятий с интервалами неодинаковой продолжительности, различают три типа интервалов: ординарный, жесткий и суперкомпенсаторный.

При ординарном интервале между занятиями уровень работоспособности занимающихся к началу очередного занятия успевает возвратиться к тому, какой был в начале предыдущего.

Жесткий интервал короче, чем ординарный. При нем происходит более значительная суммация эффектов предыдущего и очередного занятия, в силу чего функциональные сдвиги в системах организма нарастают с более полной мобилизацией его резервных возможностей, в результате может возникнуть мощный стимул к последующему разворачиванию суперкомпенсаторных процессов. В случае несбалансированного введения жестких интервалов возрастает вероятность переутомления, перенапряжения, перетренировки.

Суперкомпенсаторный интервал позволяет на очередном занятии справляться с более значительной, чем в предыдущем, нагрузкой и выполнять двигательные задания более качественно, т. е. происходит сверхвосстановление. Однако по сравнению с ординарным и жестким интервалами суперкомпенсаторный интервал занимает наибольшее время. А потому, если соблюдать интервалы лишь такого типа, общее число занятий в недельном режиме будет слишком малым.

Ни один из этих типов интервалов во всех случаях нельзя считать единственно оптимальным; оптимальным может быть лишь тот или иной ва-

риант чередования их с занятиями в различных сочетаниях, обусловленных закономерностями физического воспитания, особенностями контингента занимающихся и конкретными условиями

построения системы занятий. Главные ориентиры при выборе адекватного варианта дает знание принципов построения физического воспитания как целостного процесса.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

1. Ханахмедов А. С., Флоча В. М. Физическая подготовка: учебное пособие. Рязань, 2009.
2. Бакиев Д. А. К вопросу о видах травматизма и его профилактике при занятиях спортом // Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма: X Международная научно-практическая конференция. Уфа, 2016.
3. Галин М. Р. Самбо как система служебно-боевой подготовки сотрудников полиции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2012. № 4.
4. Халфина Р. Р. Особенности предстартовых состояний юных борцов и способы их коррекции // Научно-педагогическое обозрение. 2014. № 1 (3).

© Кислицын М. Н.

ПАМЯТКА
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ»

• Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в ведомственных вузах системы МВД, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по другим отраслям наук.

• Рукописи представляются в двух экземплярах с приложением электронного варианта.

• Структура статьи:

название на русском и английском языках (печатается заглавными буквами с соблюдением симметрии, шрифт – № 14);

сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются заглавными буквами, шрифт – № 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, шрифт – № 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати);

аннотация и ключевые слова на русском и английском языках;

рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе MICROSOFTWORDс использованием шрифта TimesNewRoman (Сур), размером 14 пунктов через 1,5 интервала. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 16000 знаков с пробелами машинописного текста через 1,5 интервала. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от трех до восьми страниц, т. е. от 6000 знаков на трех страницах до 16000 знаков на восьми страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi;

пристатейный затекстовый библиографический список ссылок библиографические ссылки на использованные источники в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» приводятся в конце текста, шрифт № 12, TimesNewRoman. Для затекстовых библиографических ссылок используется сплошная нумерация. Для связи с текстом статьи порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывается арабскими цифрами в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом статьи (автоматизированные ссылки не допускаются);

индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

• При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, *уголовно-исполнительная система (УИС)*.

• Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные

сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

- К направляемым в редакцию научным статьям прилагаются рецензия (подписи рецензентов заверяются гербовой печатью), выписка из протокола заседания кафедры с рекомендацией статьи к опубликованию, справка о проверке текста статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, заверенная автором.

- Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

- К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

- Предоставляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

- К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

<p>Заявка на опубликование научной статьи (рецензии/обзора) в журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России»</p> <p>Я, автор, прошу редакцию разместить печатные материалы в журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России».</p> <p>Наименование статьи: _____</p> <p>ФИО (полностью): _____</p> <p>Должность: _____</p> <p>Место работы: _____</p> <p>Ученая степень: _____</p> <p>Ученое звание: _____</p> <p>Адрес: _____</p> <p>Телефон для связи: _____</p> <p>e-mail: _____</p> <p>Мне нужна бумажная версия журнала: (да/нет, количество) _____</p> <p>Направляя материалы для публикации, я предоставляю редакции право хранения и обработки указанных выше персональных данных без ограничения по сроку.</p> <p>Также я предоставляю редакции право на воспроизведение (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение) без ограничения тиража экземпляров, распространение и доведение до всеобщего сведения (включая размещение в базах данных, на электронных ресурсах) направляемых материалов.</p> <p style="text-align: right;">_____ / _____ (подпись) (расшифровка подписи)</p>
--

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК
УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»**